

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

1978

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1981

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

В $\frac{70202-548}{042(02)-81}$ 468.81.4603010101.

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (шестнадцатый по общему счету) сохраняет структуру этого издания, установившуюся в его предшествующих выпусках. Он посвящается в основном итогам изучения и популяризации наследия Пушкина в 1978 г. К сожалению, по техническим причинам редакции не удалось обеспечить ежегодный выпуск в свет «Временников», что увеличило разрыв между периодами, которым они посвящены, и временем появления их в печати; это обстоятельство неблагоприятно сказалось на полноте и своевременности появления таких отделов «Временника», как «Обзоры» или «Хроника», требовавших дополнений или поправок. Во всем остальном настоящий выпуск «Временника» всецело придерживается уже принятого раньше порядка расположения материалов и их объема.

В первом отделе настоящего выпуска («Материалы и сообщения») публикуются статьи более общего содержания, в которых подвергаются анализу отдельные произведения Пушкина или ряд их с целью дать новые выводы об их возникновении, жанре или их последующей литературной истории у нас (статьи В. Э. Вадура, С. А. Фомичева) либо за рубежом (статья Н. П. Прожогина); статья Лидии Лотман приводит новые соображения об одной загадочной рукописной помете Пушкина.

В отделе втором («Обзоры») помещен библиографический перечень литературы о Пушкине за 1978 г., составленный В. В. Зайцевой и продолжающий ее же аналогичные библиографические списки, напечатанные в выпусках настоящего издания за прежние годы. Исследователям исторических работ Пушкина существенную помощь окажут публикуемые здесь же дополнения к «Каталогу архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в „архивных тетрадах“ и в „Истории Пугачева“» (Р. В. Овчинников, Н. Н. Петрунина).

По-прежнему довольно обширен отдел третий («Заметки»). Здесь опубликованы разыскания меньшего объема, чем в разделе

первом, но не менее существенные для изучения самых разнообразных вопросов биографии и творческого наследия Пушкина. Все они вносят много новых и важных данных в пушкиноведение, привлекают архивные или рукописные данные, оставшиеся ранее неизвестными исследователям, приводят новые соображения, решают или намечают новые пути к решению старых загадок разных периодов творческой жизни великого русского поэта, предлагают новое прочтение его рукописей и т. д.

Четвертый отдел («Хроника») дается на этот раз в более сжатом виде, чем обычно. Это объясняется не отсутствием, но обилием материалов, которые приходится публиковать с сокращениями или объединяя в каждом выпуске материалы нескольких лет, в особенности в юбилейные годы. Ряд хроникальных заметок, относящихся к 1978 г., пришлось перенести в следующий выпуск, хроника которого должна будет отразить празднование 180-летия со дня рождения Пушкина (1979), но частично и подготовку к нему, начатую в предшествующем году.

Замыкает настоящее издание указатель содержания всех предыдущих (с первого по пятнадцатый) выпусков «Временника» (1962—1977).

Напомним, что в настоящем выпуске «Временника», как и во всех ему предшествующих, все цитаты из произведений и писем Пушкина даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949), если цитируемое издание не оговорено особо. При этом римская цифра означает номер тома, арабская — номер страницы. Дополнительный, XVII том этого издания, вышедший в 1959 г., цитируется сокращенно: «Справочный том». Рукописи Пушкина, как известно, в основном сосредоточены в одном хранилище — в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в Ленинграде, в особом фонде (ф. 244, оп. 1); ссылки на эти рукописи даются сокращенно: ПД (т. е. Пушкинский Дом), далее опускается номер пушкинского фонда и описи и указывается лишь номер автографа, а в случае необходимости — соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Э. ВАЦУРО

К ИСТОРИИ ЭЛЕГИИ «ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ...»

1

Этюд, предлагаемый ниже вниманию читателя, касается одной — но широко известной — пушкинской элегии, история которой, как нам представляется, уходит глубоко в литературную жизнь 1820-х годов. Это элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...» — один из шедевров пушкинского элегического творчества южного периода.

Об этом стихотворении мы знаем не слишком много. Известны четыре его автографа; на одном из них — перебеленном с поправками — стоит дата: «11 нояб^ря» 1823 г. Одесса» (II, 818).

Уже ранние комментаторы Пушкина пытались понять реальную основу этого стихотворения. Их усилия были направлены к установлению адресата. В 1856 г. К. П. Зеленецкий, основываясь главным образом на мемуарных свидетельствах, предположил, что Амалия Ризнич, жена одесского негоцианта, как известно вызвавшая у Пушкина кратковременное, но сильное чувство, вдохновила и эту элегию, написанную как раз в разгар увлечения.¹ Большинство последующих биографов и исследователей творчества Пушкина вплоть до нашего времени связывают ее с именем Ризнич.²

Определение адресата элегии, впрочем, не было безусловным; высказывались и сомнения. Предметом сомнений были некото-

¹ Зеленецкий К. Г-жа Ризнич и Пушкин. — Русский вестник, 1856, июнь, кн. I, с. 203—209 вт. паг.

² Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 269—272; А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., в 10-ти томах. 2-е изд. М., 1956, т. II, с. 416 (комм. Б. В. Томашевского); Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, I. М., 1951, с. 416; Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...». — «Прометей», М., 1975, № 10, с. 13—15; Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., 1974, с. 49.

рые реалии, вкрапленные в стихотворение, обращенное к девушке, а не к замужней женщине, какую была Ризнич. Еще П. О. Морозов, комментатор этого стихотворения в дореволюционном академическом собрании сочинений Пушкина, писал в связи с ним: «Если <...> читать элегию Пушкина без всякого предвзятого мнения, просто как она написана, то что мы в ней увидим? Поэт обращается, несомненно, к своей любовнице, которая наедине с ним очень нежна и награждает его „пламенными лобзаниями“, а при других обнаруживает полное равнодушие, возбуждая муки ревности. У поэта есть „надменный“ соперник, которого любимая женщина почему-то *должна* принимать в отсутствие своей матери (может быть, по ее приказанию?) в легком костюме, — соперник, который „вечно“ преследует поэта, бледнеет при встрече с ним или „лукаво“ его приветствует и тем еще более раздражает его ревнивое чувство. О муже — ни слова, потому что его, очевидно, и нет: красавица живет с матерью, которая ищет для нее подходящей партии и, видимо, предпочитает поэту его соперника. Что же тут общего с Амалией Ризнич <...>?».³

Помимо соображений о характере лирической героини в этом пассаже есть и толкование элегии, которое для нас важно. С большими или меньшими вариациями оно удерживается и в последующих работах. П. Е. Щеголев писал о «жгучей» и мучительной страсти Пушкина к Ризнич, о «тяжелом напряжении любви», которое отразилось и в стихотворении «Простишь ли мне ревнивые мечты...».⁴ Эти наблюдения Щеголева принял и Г. П. Макогоненко.⁵

В последнее время была сделана еще одна попытка пересмотреть вопрос о Ризнич как адресате этого стихотворения. М. И. Яшин, автор специальной работы о пушкинском стихотворении, полагает, что оно обращено к Каролине Собаньской, также бывшей, как нам теперь известно, предметом глубокого и даже мучительного чувства Пушкина. В параллель к элегии приводится письмо Пушкина к Собаньской, которое рассматривается как своего рода вариант элегии или биографический комментарий к ней:

«Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания <...> В вас есть прония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние <...> Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении <...>» (XIV, 400—401, подл. по-франц.).

³ Пушкин. Сочинения, изд. имп. Академии наук. СПб., 1912, т. III, с. 311—312; Халанский М. О влиянии Василия Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина. Харьков, 1900, с. 75—78.

⁴ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина, с. 269.

⁵ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы, с. 48—49.

«Пушкина, — пишет автор статьи, — раздражают ее (Собаньской, — В. В.) ироническая насмешливость, лукавое кокетство, которые в прошлом явились причиной страданий, породивших элегию 1823 года».⁶

Заметим сразу же, что замена адресата в данном случае не разрешает трудностей, а, может быть, даже увеличивает их. Подобно Ризнич, Собаньская была песвободна: она находилась в открытой и почти легализованной связи с графом Виттом — и ни в каком случае не была вверена попечениям «матери». Против этой версии могут быть высказаны и другие возражения, но мы сейчас оставим их в стороне. Нам важно подчеркнуть, что сторонники всех противоречащих друг другу версий исходят из одного и того же понимания текста стихотворения — именно того понимания, которое было сформулировано в приведенной нами цитате из комментария Морозова. Предполагается, что пушкинская элегия написана о лукавой кокетке, о равнодушной или даже демонической женщине, подогревающей ревнивое чувство поэта по каким-то одной ей известным причинам. На этот облик лирической героини и накладываются биографические реалии — нужно найти в биографии Пушкина такую женщину, которая приблизительно соответствовала бы этому образу.

Между тем, внимательно прочитав пушкинскую элегию, мы можем убедиться, что она написана вовсе не об этом и что самый облик лирической героини иной.

Она написана о женщине, безраздельно преданной герою и внимательно-равнодушной ко всем остальным. Ее чувство горит ровным и спокойным пламенем; оно разделено, и она это знает.

Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна...

Она не играет и не кокетничает, — это страсть героя, неистовая и мятущаяся, создает себе фантомы.

Простишь ли мне ревнивые мечты...

«Мечта» в поэтическом языке XIX в. — химера, иллюзия, наваждение.

Это герой мучится недоверием, изыскивает ложные поводы для подозрений, придумывает «соперника», за которым следит с удвоенным вниманием, и готов видеть соперников во всех, кто окружает предмет его страсти. Он сам понимает это и готов скрепя сердце смеяться над своими ложными страхами, — и тогда он обращается к возлюбленной со словами:

Простишь ли мне ревнивые мечты...

---

⁶ Яшин М. «Итак, я жил тогда в Одессе...». (К истории создания элегии Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...»). — Нева, 1977, № 2, с. 111—112.

Именно так рисуется лирическая ситуация пушкинской элегии, и именно такую ситуацию мы должны бы искать в биографии Пушкина, чтобы иметь право проводить аналогии. Ситуация эта создана не столько героиней, сколько душевным опытом героя и автора — и, добавим, его литературным опытом, потому что элегия не есть интимная исповедь, а прежде всего результат художнического творчества.

Мы можем предположить с большой степенью вероятности, что в художественном сознании Пушкина такая элегическая ситуация была — как раз накануне создания стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

Но прежде чем обратиться к ее непосредственному анализу, нам следует сделать некоторое отступление, чтобы представить себе в общих чертах ту литературную атмосферу, в которой возникает пушкинская элегия.

2

Еще в Петербурге Пушкин застал начало полемики о путях и судьбах элегии, и в том числе «унылой элегии», которой он сам отдал дань в своем лицейском творчестве. Ему были хорошо известны выступления «Благонамеренного» против дельвиговского кружка, — и именно с этими выступлениями связано то пренебрежительное отношение, которое установилось у него к этому журналу и его критикам. Есть все основания думать, что и последующие фазы этой полемики, достигшей апогея к 1823 г., не прошли мимо его внимания. Несмотря на его неоднократные заявления в письмах, что он не читает столичных журналов, он читал их, по-видимому, довольно внимательно, и ссылки на отсутствие информации носили характер во многом дипломатический. В 1821 и 1822 г. он получал «Сына отечества» (XIII, 46); в его письмах мы все время встречаем отклики на напечатанные здесь стихи, в том числе стихи Жуковского и Баратынского, за творчеством которого он следит особенно тщательно и со все возрастающим благожелательством. «Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского, — пишет он Вяземскому 1 сентября 1822 г. из Кишинева. — Он более, чем подражатель подражателей, он полнокон истинной элегической поэзии» (XIII, 44). «Каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впрямь зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года — счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет» (Пушкин — Вяземскому, 2 января 1822 г. — XIII, 34). Он осведомляется у Л. С. Пушкина, что думают о новых стихах Кюхельбекера Дельвиг и Баратынский (XIII, 45), и поддерживает с ними переписку (XIII, 49), хотя, кажется, спорадическую. К сожалению, за 1822—1823 гг. отсутствуют все

письма к Пушкину петербургского литературного кружка, и лишь по косвенным данным, содержащимся в его собственных письмах, мы можем предполагать, что его информированность о литературной ситуации в Петербурге была довольно широкой и заимствованной не из одних печатных источников. Мы знаем, например, относящиеся к разному времени иронические отзывы Пушкина о Сомове, Цертелеве, Б. Федорове, В. И. Панаеве, «зоиле» Баратынского Булгарине, Измайлове — о всех тех, кто выступал против «союза поэтов» со страниц «Благонамеренного» как раз в 1822—1823 гг., и эта картина не может быть случайной. Когда в августе 1823 г. в Одессе появился В. И. Туманский, примыкавший в эти годы к «союзу поэтов» и бывший наряду с Дельвигом и Баратынским постоянным предметом «шуточек» «Благонамеренного», Пушкин, конечно, получил дополнительные сведения о перипетиях полемики.

Все это имеет значение прежде всего потому, что в этой полемике затрагивались проблемы поэтического творчества и более всего элегического творчества, которые интересовали Пушкина в связи с его собственными поисками. Его интерес к элегии Баратынского вовсе не абстрактен, — недаром он каждый раз, прямо или косвенно, соотносит элегии Баратынского со своими. «Баратынский — прелесть и чудо, „Признание“ — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий...» (Пушкин — Бестужеву, 12 января 1842 г. — XIII, 84). Он знает, конечно, что в ходе полемики происходило размежевание и среди петербургских электиков; что «сладолюбивые» и «вакхические» стихи «союза поэтов», ориентированные к тому же на поэтический язык Батюшкова и Жуковского, вызвали протест у сторонников «унылой элегии», опиравшихся на доромантические образцы. Следы этой полемики Пушкин должен был улавливать и в собственных стихах Баратынского. В послании «Булгарину», напечатанном в 1821 г. в «Сыне отечества», содержался прямой ответ на обвинения в легкомысленном бездумье, которые оппоненты адресовали стихам молодых поэтов. Все эти намеки для Пушкина вряд ли нуждались в расшифровке: скрытая борьба начиналась еще тогда, когда Пушкин был в Петербурге и постоянно общался с Дельвигом и Баратынским. Еще в январе 1820 г. на его глазах происходит обмен поэтическими посланиями между Дельвигом, Баратынским и А. А. Крыловым — одним из наиболее заметных представителей «унылой элегии»; годом позже Крылов пишет послание к Кюхельбекеру. Крылов был, видимо, довольно близок к кружку — во всяком случае, топ обращения к нему совершенно интимны — и почти наверное был знаком с Пушкиным, хотя документальных свидетельств об этом нет. В 1821 г. он вступает с «союзом поэтов» в открытую и очень резкую печатную полемику, публикуя на страницах «Благонамеренного» стихотворение «Вакхические поэты»; он нападает на «мечтательные пиры» с «пустыми бокалами» (намек на Баратын-

ского) и призывает на головы служителей «пьяных муз» кару Аполлона:

...поглотит река забвенья
Венец, обрызганный вином.⁷

На это стихотворение Баратынский счел нужным ответить: в 1822 г. он выступает с посланием «К-ву. Ответ», где иронически парирует стремление своего критика к поэтической «славе», внушая ему, что единственный способ ее добиться — обладать «дарованьем», которого как раз и недостает благонамеренным оппонентам «союза поэтов». Анакреон, Батюшков, Парни — певцы вина и любви — увенчаны музами, в то время как усердие «Фофанова» награждается только хохотом Феба. Этот саркастический отклик появился в «Русском инвалиде» в 1822 г.⁸

Трудно сказать, в какой мере Пушкин был знаком с конкретными фактами полемики, хотя, как мы пытались показать выше, как раз в 1822 г. он особенно внимательно следит за поэтической работой Баратынского. Однако в высшей степени любопытно, что общие контуры ее были воспроизведены в черновиках второй главы «Онегина» — в строфах IXa—IXв, где характеризуется поэзия Ленского. Эти строфы пишутся в конце октября — начале ноября 1823 г. — одновременно с элегией «Простишь ли мне ревнивые мечты...»:

IXa

Не пел порочной он забавы
Не пел презрительных цирцей
Он оскорблять гнушался нравы
Прелестной <?> лирою своей
Поклонник истинного счастья
Не славил сети сладострастья.

(VI, 270)

Намеченное противопоставление получает продолжение в следующей строфе. В ней крайне интересны зачеркнутые варианты, которые мы приведем выборочно:

IXб

[Певцы любви] [Певцы слепого наслажденья]
Певцы слепого упоенья
[Напрасно в нежных вы стихах]
[Напрасно шалостей младых]
Напрасно дней «своих» блажных
Передаете впечатленья
Вы нам в элегиях живых

⁷ Благонамеренный, 1821, № 10, с. 140.

⁸ Русский инвалид, 1822, № 28, с. 112. Подробно об этом см. в нашей статье «Из истории литературных полемик 1820-х годов» (Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 161—171).

[Напрасно ваши песнопения
Преступной страсти впечатленья]
Напрасно девушка украдкой
Внимая звуки лиры сладкой
[К вам устремляет нежный взгляд
Напрасно юноши твердят
Ваш вольный стих]
К вам устремляет нежный взор
Начать не смея разговор
Напрасно ветряная младость
[На ложе неги], на пирах
Хранит и в сердце и в устах
Стихов изнеженную сладость
И на ухо стыдливых дев
Их шепчет робость одолев.

IXв

[Перед судом Паллады
Вам нет венца, вам нет награды
Потомство в ней откажет вам]
[Перед судом завидной славы
Пустыми звуками, стихами]
Пустыми звуками, словами
Вы сеете разврат и зло
Певцы любви «?», скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Перед судилищем Паллады
Вам нет венца вам нет награды
Но вам дороже, знаю сам —
Слеза с улыбкой пополам —
Вы рождены «для» славы женской
Для вас ничтожен глас Молвы
[Но мне невольно милы вы]
И жаль мне вас и милы вы
Не вам чета был строгий Ленской
[Поэзии не презирал]
Его труды конечно мать
Велела б дочери читать

[La mère] en prescira la lecture à sa fille

Piron

Стих сей вошел в пословицу. Заметить что Пирон (кроме своей Метром(ании)) хорош только в таких стихах, о которых невозможно и намекнуть, не оскорбляя благопристойности.

(VI, 271—272)

Все эти строчки пронизаны тонкой иронией, которая становится особенно заметной при анализе вычеркнутых стихов. «Певцы слепого упоенья» — конечно, «вакхические поэты», принадлежащие к пушкинскому кругу. Пушкин воспроизводит обвинения, адресуемые им критикой, и для этого последовательно исключает из текста все, что говорит о его собственном, авторском сочувствии их творчеству. В числе других формул он пользуется и теми, которые употребил Крылов в своей полемике

с Баратынским: «перед судом завидной славы» «вам нет венца»... «потомство в ней откажет вам». Подлинная ценность этой поэзии выясняется для читателя из осторожных оговорок: она «невольна мила» и автору «Онегина», и «ветреной младости». В концовке ирония обнаруживается: примечание о Пироне зачеркивает все, что говорилось в пользу «моральной поэзии»; что же касается его «вошедшего в пословицу» стиха, то в нем слышен автобиографический намек: парафразой его И. И. Дмитриев характеризовал «сладострашие» описаний в «Руслане и Людмиле», и в новом издании поэмы Пушкин пародировал его в предисловии (IV, 284). Таким образом, поэзия Ленского противостоит элегической поэзии «союза поэтов» и самого Пушкина как своего рода нормативный образец.

В своем литературном качестве Ленский — «унылый элегик». «Он пел разлуку и печаль И романтическую даль И умирающие розы...» (VI, 273). В окончательном тексте появляется формула: «Он пел поблеклый жизни цвет Без малого в осьмнадцать лет» (VI, 35). Этот текст появляется в 1824 г., и тогда же изменяются стихи 7—9 X строфы: «Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль, И романтические розы» (VI, 35). Элегик приобретает черты подражателя Жуковского. В 1820—1822 гг. критики «Благонамеренного» напали на романтическую недосказанность поэтов «новой школы», отвергая как раз «нечто» и «туманну даль». К 1824 г. полемика вступила в новую фазу: переоценка возможностей элегии как жанра захватывает творческое сознание самих элегиков; с критикой подражателей Жуковского выступает прежний ученик его Кюхельбекер и даже сам Баратынский. Новые акценты сказываются и на характеристике Ленского.

Вместе с тем основой творчества «унылого элегика» продолжает оставаться не столько романтическая поэзия Жуковского, сколько французская элегия доромантического периода — именно та, которую выдвигали в противовес «новой школе» литераторы «михайловского» общества и которая являлась в русской поэзии господствующим жанром, — элегия Милонова и А. Крылова; ей отдала дань и сама «новая школа» — ранние Пушкин, Дельвиг, Баратынский, в еще большей степени — В. Туманский и Плетнев. Их образцами были Парни, Мильвуа, Ламартин. Эта элегия создала уже свои сюжетно-тематические стереотипы, своих любимых героев и даже свой поэтический язык. Из этих стереотипов складывается элегия Ленского;⁹ она пишется в 1826 г. в составе шестой главы «Онегина» как образец псевдоромантизма, «темного и вялого». В нее вкраплены почти цитатные строки и ситуации — из «Падения листьев» Мильвуа, широко из-

---

⁹ Савченко С. Элегия Ленского и французская элегия. — В кн.: Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. Л., 1926, с. 72.

вестного по переводам Милонова и Баратынского; из «Бедного поэта» Жидльбера в переводе Милонова:

О дней моих весна, куда сокрылась ты?

Но блеск отрадных дней твоих
Еще прельщенное воображенье ловит.
Кто знает, что судьба в грядущем нам готовит?

Милонова-элегика высоко ценили в кругу «Благонамеренного» и даже противопоставляли Жуковскому; последний номер журнала за 1821 г. был полностью посвящен его памяти. С воспоминаниями о нем и разборами его стихов выступили здесь почти все литературные руководители «михайловского» общества: Измаилов, Панаев, Остолопов, Сомов, А. Княжевич; специальный разбор был посвящен его переводу «Бедного поэта». Перефразируя его стихи в элегии Ленского, Пушкин еще раз подчеркивал, что создает своего рода пародийный эталон «унылой» элегической поэзии.

3

Итак, в 1822—1823 гг. Пушкин, хотя и косвенно, становится участником тех «споров об элегии», которые в самых разнообразных формах воздействуют на литературную теорию и поэтическую практику русских лириков 1820-х гг. Как уже сказано, Пушкин переоценивает жанровые возможности элегии в первую очередь для себя. Отвергнув «унылую элегию», он не отвергает жанра в целом, но ищет в нем новых путей. Более того, как это вообще было характерно для Пушкина, он не зачеркивает полностью даже «враждебный» ему жанр: ситуации «унылой элегии» в функционально преобразованном виде мы встречаем и в последующих главах «Онегина»: в описании смерти Ленского, его могилы и т. д.¹⁰ Элегические мотивы, столь явственно звучавшие в «Кавказском пленнике», дают пищу новым лирическим замыслам: с этой поэмой оказываются непосредственно связаны «Демон», «Свободы сеятель пустынный» и другие стихи 1822—1823 гг.¹¹

Отсюда и особое отношение Пушкина в эти годы к «классикам» «унылой элегии»: не отрицание, а дифференцирование и переосмысление. 4 ноября 1823 г. в черновике письма к Вяземскому он набрасывает целый план рассуждения о романтизме и об отношении к нему старых элегических поэтов. Он начинает с Шенье. «Никто более меня не уважает, не любит этого поэта —

¹⁰ Там же, с. 92 и след.

¹¹ См.: Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон». — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, т. 6, с. 51—71.

но он истинный грек, из класси<ков> классик. C'est un imitateur savant <?> et rien de <plus> <?> От него так и пышет Феокритом и Анфологию. Он освобожден от италийских concetti и от французских Antithèses — но романтизма в нем нет еще ни капли — Парни древний [тоже <?> и б.<ольше?> т.<ого?> Ар.<но?>], Millevoüe ни то ни се но хорош только в мелочах элегич<ских>. Первые думы Ламартина в своем роде едва ли не лучше Дум Рыд<сеева>, последние прочел я недавно и еще не опомнился — так он вдруг вырос» (XIII, 380—381). В поле зрения Пушкина — как раз к моменту создания интересующей нас элегии — несколько французских поэтов элегической школы доромантического периода. Из них нам следует обратить внимание на Мильвуа, «элегическим мелочам» которого Пушкин дает несколько неожиданную положительную оценку.

Есть некоторые основания думать, что как раз в 1823 г. Пушкин перечитывает Мильвуа. К этому году относится набросок «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» — перевод первой сцены «Слепца» А. Шенье. Этот перевод возникает в кругу античных ассоциаций, идущих от Гнедича, Батюшкова и опосредствованно от самого Мильвуа — не только от элегии «Гезиод и Омир соперники», переведенной в свое время Батюшковым,¹² но и от другой его элегии, «*Homère mendiant*», в примечании к которой были опубликованы фрагменты «Слепца» и сказано несколько слов о его авторе, родившемся «под благословенными небесами Греции, которые, как кажется, вдохновляли и его поэзию».¹³ Пушкин обратился к подлинному Шенье (его перевод сделан по полному тексту, а не по отрывку, приведенному Мильвуа), но не исключено, что Мильвуа оказался здесь одним из импульсов. Новое издание сочинений Мильвуа вышло в 1823 г.; эта книга сохранилась в библиотеке Пушкина.¹⁴

Еще важнее, однако, что в бумагах Пушкина находится переписанный его рукой текст элегии Мильвуа «*L'inquiétude*» («Беспокойство»), к сожалению датированный лишь приблизительно (середина 1820-х гг.), который является прямым источником стихотворения «Простишь ли мне ревнивые мечты...». Б. Л. Модзалевский, впервые обследовавший этот текст, указал на сходство, но это замечание не было принято позднейшими исследователями. «...сходство <...> нужно признать, — указывалось в комментарии к публикации выписки Пушкина, — лишь в теме ревности

¹² См. подробный анализ: Сандомирская В. Б. Первый перевод Пушкина из Андре Шенье. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974, т. VII, с. 167—184.

¹³ Millevoüe Ch. H. Œuvres. Paris, MDCCCXXXIII, t. I, p. 146—151.

¹⁴ Millevoüe Ch. H. Œuvres complètes, nouvelle édition. Bruxelles, MDCCCXXXIII, 4 vol. См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. Библиографическое описание. — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 289.

и в композиции стихотворения в виде ряда вопросов, обращенных к любимой женщине».¹⁵

Между тем Б. Л. Модзалевский был, конечно, прав, и сходство стихов гораздо более глубоко: оно касается и общей элегической ситуации, и отдельных формул и деталей. Стихи Пушкина в то же время не есть перевод, но переработка мотивов элегии Мильвуа, возникающая в совершенно определенную эпоху — в эпоху кризиса элегического стиля.

4

Стихотворение Мильвуа строилось на парадоксальной элегической ситуации — мучений разделенной любви. Было бы неточно определять его тему только как «ревность»: оно написано о ревности к сопернику, созданному подозрительным воображением любовника, который разумом сознает, что его страхи ложны. «Je suis jaloux, et jaloux sans rivaux!». «Для слишком сильной любви и воспоминание становится соперником (Pour l'amour extrême Un souvenir est encore un rival)» — эта формула, завершающая стихотворение, есть одновременно и ключ к психологической коллизии, той самой, которую мы находим и в стихотворении Пушкина.

Пушкин был не первым, кто обратился к стихотворению Мильвуа. Еще в 1820 г. в «Благонамеренном» была напечатана элегия «К Делии. (Подражание Мильвуа)» — свободная переработка «Беспокойства».¹⁶ Несколькими же месяцами позднее, в мае 1821 г., в Вольном обществе любителей российской словесности читается элегия уже упоминавшегося А. А. Крылова «Недоверчивость» — новое и гораздо более удачное «подражание». Оно было принято как в своем роде образцовая «унылая элегия» и в самом деле было таковой. Когда Бестужев в своем обзоре в первой «Полярной звезде» определил Крылова как поэта подражательного, П. А. Плетнев немедленно откликнулся возражением и сослался как раз на эту элегию: «Он счастливо умел сохранить свою музу от подражания. Чтобы в этом увериться, достаточно прочитать одну его элегию „Недоверчивость“, которая исполнена первоклассных и свежих красот отечественной поэзии».¹⁷ Этот отзыв должен был попасться на глаза Пушкину в ноябре 1823 г. — в письме к Дельвигу от 16 ноября он упоминает, что читал его сонеты, напечатанные в той же книжке «Соревнователя», что и статья Плетнева.

---

¹⁵ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 503.

¹⁶ Благонамеренный, 1820, № 23/24, с. 327 (подп. — «...й»). Это стихотворение было введено С. Н. Браиловским в собрание сочинений В. И. Туманского (Туманский В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 77, 334), но без достаточных оснований.

¹⁷ Плетнев П. А. Критика. «Полярная звезда». — Соревнователь, 1823, ч. XXI, кн. 1, с. 102.

Плетнев имел некоторые основания считать элегию Крылова оригинальной, так как она далеко отклонялась от подлинника и, более того, содержала его интерпретацию.

Прежде всего, Крылов несколько меняет ситуацию. Он точно называет свою элегию «Недоверчивость»: герой подозревает свою возлюбленную не в измене, а в равнодушии. У Мильвуа в предыстории героев — страсть и, по-видимому, любовная связь («de présent m'enivre de délices»; «cet inquiet tourment De mon bonheur empoisonne l'ivresse» etc.). У Крылова герой добивается ответной любви и не верит в возможность ее осуществления. Осуществление же ее он мыслит только как супружество:

Когда меня ты назовешь супругом,
Без сердца мне на что рука твоя?

Этого мотива у Мильвуа нет, хотя героиня «Беспокойства» свободна; она находится под надзором матери («N'as tu jamais, le soir, près de ta mère, Laisse tomber le travail commencé?»). Это-то указание в тексте и предопределило интерпретацию героини как возможной невесты героя у Крылова и затруднявшую комментаторов фразу у Пушкина:

Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?

Крылов понижает эмоциональный регистр элегии Мильвуа: любовь героя, как и героини, — не чувственное влечение, а «нежная страсть», уныние и томление. Нет сомнения, что здесь сказывалась принципиальная позиция «унылого элегика», который вскоре будет выступать против «пьяных муз» и романтической чувственности, «сладострастия» поэтов «новой школы». Здесь нам вновь приходится вспомнить Ленского, стихи которого мать велит читать дочери. Любопытно, насколько ослаблен мотив даже воображаемой измены; герой рисует себе несчастное супружество с нелюбящей женой:

Я, может быть, подстерегу случайно
Твой тяжкий вздох в безмолвии ночном,
И близ меня, забывшись тихим сном,
Промолвишь ты признание в страсти тайной;
Огонь любви заблещет на челе,
И не супруг, другой тебе приснится;
Ты будешь днем, потупя взор к земле,
Передо мной мечты своей стыдиться.

Это соответствует настойчивым вопросам героя Мильвуа о «другом», чей образ, быть может, смущал сон возлюбленной («Jamais, dis-moi, les traits d'un autre amant N'ont-ils troublé tes songes ni ta veille?»), кому, быть может, она произносила свои любовные обеты («Ce mot charmant, pour moi seul l'as tu dit?»).

И совершенно таким же образом в иную, сниженную тональность переведено заключительное восклицание: «Прости, увы! в моем роковом смятении я кажусь тебе несправедливым, неблагодарным, но я люблю»:

О милый друг! Прости моим словам,
Забудь любви слепые подозренья, —
Я им теперь еще не верю сам,
Но в будущем ищущи себе мученья!

Крылов сохраняет формулу «*Dans la passé je cherche des supplices*», но видоизменяет ее в соответствии с общей концепцией своего стихотворения. Но этого мало. В отличие от героя Мильвуа его герой не уверен до конца, что его подозрения есть лишь фантом его воображения, — не уверен в этом и читатель. «Недоверчивость» заканчивается нотой сомнения:

Когда же нет в тебе любви прямой,
Когда я ждал несчастья недаром,
Цепей моих из жалости не рви,
Но обмани меня притворным жаром
И дружбе дай название любви!

Таково, в общих чертах, направление переработки элегии Мильвуа, произведенной «унылым элегиком» 1820-х годов. В переработке этой были отнюдь не только поэтические потери; Крылов был поэтом несомненно талантливым. В свое стихотворение он вводит отсутствующий у Мильвуа «жест», характеризующий героиню; именно ей он переадресовывает те физические движения, которыми у французского элегика герой характеризует себя:

Не верю я пленительным словам:
Я не видал в тебе любви приметы.
Стою ль вдали, с безмолвною тоской,
Твой взор меня в толпе не отличает;
Иль робкою коснусь к тебе рукой —
Твоя рука моей не отвечает.

У Мильвуа:

Pourquoi souvent à ta main qui la presse
Ma froide main répond négligemment?

Дальнейшие сцены принадлежат самому Крылову:

Спокойна ты: встречаешь ли меня
Или даришь мне поцелуй небрежный, —
В глазах твоих нет пылкого огня
И на щеках румянца страсти нежной.
Когда я шел вчера, простясь с тобой,
Не для меня ты у окна стояла —
И тусклого стекла не отирала,
Чтобы взглянуть украдкой вслед за мной!

В элегии Крылова появляется с этими сценами бытовая психологически значимая деталь: субъективно осмысляемые, но в действительности нейтральные формы поведения. Обычно в традиционной элегии образ героини не «материализуется»; она существует отраженно, в ламентациях элегического героя. В «Недоверчивости» нарушился стереотип. Дальнейшее разрушение его происходит у Пушкина.

5

У нас нет прямых доказательств знакомства Пушкина с элегией Крылова. Она была напечатана в «Соревнователе» за 1821 г.¹⁸ рядом с «Водопадом» Баратынского. В следующей, второй книжке «Соревнователя» публикуются две элегии Баратынского: «Прощай, отчизна непогоды» и «Н. М. К^оншину», из которой Пушкин в сентябре—декабре 1821 г. включает несколько строк в послание «Алексееву». Таким образом, можно предположить, что в 1821 г. Пушкин читал «Соревнователя», и, следовательно, знакомство его с «Недоверчивостью» уже в 1821 г. довольно вероятно. В 1824 г. Плетнев перепечатывает это стихотворение в своей статье «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (в «Северных цветах» на 1825 г.) как пример «истинных чувств, оригинального слога и верного вкуса» его автора.¹⁹ Разбирая в письме к Плетневу его статью, Пушкин упомянул и о Крылове, вероятно критически; в ответном письме Плетнев писал: «О Туманском и А. Крылове согласен с тобой. Впрочем, я многих из молодых назвал за то, что у них есть какое-то ухо...» (XIII, 140). К 1824 г. Крылов уже несколько лет не выступал в печати, и характеристика Пушкина — какова бы она ни была — могла основываться только на старых впечатлениях. Между тем поэта он явно знает и объединяет с Туманским, в котором видит традиционного элегика (ср. в письме Бестужеву от 12 января 1824 г.: «Он славный малый, но как поэта я не люблю его» — XIII, с. 85).

Все эти данные, хотя косвенные и скудные, позволяют, однако, предполагать, что в творческой истории элегии «Простись ли мне ревнивые мечты...» обработка Крылова сыграла какую-то роль — импульса или точки отталкивания. Тогда некоторые соприкосновения Пушкина со стихотворением Крылова перестают быть простым совпадением. Впрочем, для нас это уже не столь важно — существенно, что поэтическая интерпретация исходной элегической ситуации у Пушкина оказалась прямо противоположной той, которая вышла из недр «элегической школы».

В отличие от Крылова, Пушкин не понижает, а повышает

¹⁸ Соревнователь, 1821, ч. 15, кн. 1, с. 87.

¹⁹ Северные цветы на 1825 год. СПб., 1825; Плетнев П. А. Сочинения. СПб., 1885, т. I, с. 190—192.

эмоциональный тон элегии Мильвуа. Движущее начало у него — ревность и страсть героя и ответная страсть возлюбленной:

Но я любим. . . Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны!

Здесь — поэтический принцип. Еще в 1818 г. в стихотворении «Мечтателю» Пушкин оспаривал «унылую элегию» как не содержащую «правдоподобия чувств»: «мечтатель», таящий в сердце «тихое уныние», не испытывает истинного чувства. Подлинная любовь — «безумие», «яд в крови», терзающая тоска и «бешенство безумного желанья». Последняя формула, заимствованная у Д. Давыдова, отчасти выдает образцы, на которые Пушкин ориентировался.

Именно это «безумное волнение» любви, а не унылая печаль элегического героя Крылова, способно порождать фантомы воображения, призраки «омраченного разума». Ключевыми словами исходной элегии для Пушкина становятся «ivresse de bonheur», «amour extrême», а организующим композиционным принципом — контраст психологического парадокса:

Простишь ли мне ревнивые мечты <...>
Ты мне верна <...>

(Ср.: «Pardonne, hélas! dans mon trouble fatal, Je te parais injuste, ingrat; mais j'aime!»).

Или:

Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.

(Ср.: «Ris, tu le peux, de mes travers nouveaux: Je suis jaloux, et jaloux sans rivaux!»).

В соответствии с этими общими принципами Пушкин сжигает элегическую ламентацию и почти вовсе исключает те моменты самоанализа и самонаблюдения, которые занимают столь большое место у Мильвуа. Страсть героя не может выражаться в рассуждении. Зато Пушкин широко пользуется находкой Крылова — описанием поведения героини, пропущенным сквозь субъективный фильтр восприятия героя. В некоторых случаях эти сцены производят впечатление почти реминисценций:

Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой <...>

Ср. у Крылова:

Стою ль вдали, с безмолвною тоской,
Твой взор меня в толпе не отличает. . .

Пушкин:

Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.

Крылов:

Когда я шел вчера, простясь с тобой,
Не для меня ты у окна стояла —
И тусклого стекла не отирала,
Чтобы взглянуть украдкой вслед за мной!

Пушкин:

Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор:
Спокойна ты: веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.

Крылов:

Спокойна ты: встречаешь ли меня
Или даришь мне поцелуй небрежный, —
В глазах твоих нет пылкого огня
И на щеках румянца страсти нежной.

Разница, помимо всего прочего, заключается в том, что у Пушкина существует градация картин — они выстраиваются с нарастающей степенью напряженности и убедительности: равнодушные на людях — отсутствие признаков ревности — интимно-дружеские взаимоотношения с «соперником» героя — встречи с ним наедине... Нет ничего удивительного, что возникла читательская аберрация, заставляющая видеть в героине кокетку и мучительницу. Но Пушкину нужно иное — показать движение чувства от легкого подозрения к самовнушению и затем отбросить наважде-ние резким контрастом:

Но я любим...

Так возникала в творчестве Пушкина новая, аналитическая элегия, отличная и от «унылой» элегии, и от обновленной элегии Баратынского. В споре «певцов любви» и Ленского побеждали первые; традиционный исходный материал раскрывал свои потенциальные возможности. Пушкин «брал свое везде, где находил его», как он выразился однажды, перефразируя Мольера; принцип «вышивания новых узоров по старой канве», позднее примененный им сознательно и даже заостренно-полемически, определяется уже теперь, в ранний период творчества. Мы можем предполагать даже, что элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...» была не единственным произведением 1823 г., в котором подверглась переосмыслению элегическая ситуация, найденная в «Недоверчивости»: в отрывке того же времени, связанном, по-видимому, с рассмотренной нами элегией,²⁰ мы находим другой парадоксальный психологический мотив, намеченный в концовке

---

²⁰ Цявловская Т. Г. «Храни меня, мой талисман...», с. 14—15.

элегии Крылова, — именно, мотив добровольно обманывающегося любовника:

Но обмани меня притворным жаром
И дружбе дай название любви.

«Я умолял тебя недавно Обманывать мою любовь Участьем, нежностью притворной», — пишет Пушкин и обрывает набросок, который, будь он завершен, может быть, значительно обогатил бы наши представления о путях элегического творчества Пушкина в период «кризиса элегии».

С. А. Ф О М И Ч Е В

«ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ»

Генезис, архитектоника и композиция цикла

Откликаясь в 1836 г. на выход из печати «Фракийских элегий» В. Г. Теплякова, Пушкин писал: «Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда отыскать новые миры, стремясь по следам гения» (XII, 82). Здесь сформулирован один из основополагающих творческих принципов самого Пушкина, определяющий природу его так называемого протеизма — «всемирной отзывчивости», по определению Достоевского («и не в одной только отзывчивости здесь дело, — уточнял писатель, — а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторялось»)¹.

Первым в ряду таких пушкинских произведений Достоевский называл «Подражания Корану».

Осмысляя в них «благородную надежду» поэта «отыскать новые миры», важно не только проследить своеобразие пушкинской интерпретации отдельных сур Корана, но также характер их самостоятельного отбора и расположения. Другими словами, необходимо осмыслить пушкинские «Подражания Корану» как цикл, качественно новое жанровое образование для пушкинского творчества и вообще для русской литературы. Только на первый взгляд Пушкин следует здесь принятому в русской поэзии первых десятилетий XIX в. простейшему, тематическому принципу циклизации: по источнику заимствования или же по иномациональному образцу стилизации.² Среди таких циклов «Подражания

---

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений. М.; Л., 1929, т. 12, с. 388.

² Ср., например, следующие циклы: «Из греческой антологии» и «Подражания древним» К. Н. Батюшкова, «Цветы, избраные из греческой

Корану» выделяются как разпожапровым своим составом, так и более тесной взаимосвязанностью стихотворений, подчиненных единому, по-пушкински глубоко продуманному плану.

В этом отношении «Подражания Корану» предвосхищают характерные для позднего Пушкина поиски обобщенно-мировоззренческих возможностей лирики, проанализированные в классическом исследовании Н. В. Измайлова «Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20—30-х годов».³ Здесь особо отмечены незавершенный «каменноостровский цикл» 1836 г. («Из Пиндемонти», «Отцы пустынники и жены непорочны...»), «Подражание италянскому», «Мирская власть»), а также программы двух не появившихся в печати циклов, составленных Пушкиным из стихотворений, написанных ранее: «Стихи, сочиненные во время путешествия» (1829) и перечень медитативно-философских стихотворений последних лет на обороте автографа «Странника». Любопытно, что оба последних цикла должны были состоять из девяти стихотворений — как и «Подражания Корану». Возможно, это совпадение не случайно.

Учитывая, однако, что названные выше циклы не были окончательно реализованы, приходится констатировать уникальность жанровой формы «Подражаний Корану» в пушкинском творчестве,⁴ что несомненно затрудняет ее исследование.

В этих условиях вопрос о генезисе пушкинского цикла приобретает особое значение.

1

Автографы «Подражаний Корану» находятся в так называемых третьей кишиневской и второй масонской тетрадах.⁵ Первая из них, по характеристике М. А. Цявловского, «первоначально предназначалась для сборника антологических стихотворений, открывающегося на первой странице заглавием: „Эпиграммы во вкусе древних“. Заведена тетрадь была в 1821 г., но пользовался ею поэт в разные годы до 1830 г., почему содержание тетради очень разнообразно».⁶ Добавим к этому, что первая по-

---

анфологии» Д. В. Дашкова, «Сербские песни» А. Х. Востокова, «Романсы о Сиде» П. А. Катенина и др., а также «Подражания древним» самого Пушкина, вошедшие в его первую книгу стихотворений (СПб., 1826).

³ См. в кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 213—269 (статья впервые опубликована в 1958 г.).

⁴ В цикле «Песни западных славян» тематический принцип объединения стихотворений и их эпический характер далеко не безусловны. Дальнейшие исследования, возможно, выявят их более тесное, идейно-функциональное единство.

⁵ ПД, № 833 и 835.

⁶ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 267. Ср.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве. — Русская старина, 1884, т. 42, май, с. 338—353.

ловина тетради за редким исключением содержит перебеленные тексты пушкинских стихотворений. Более подробную характеристику приведем для второй масонской тетради, так как она содержит все девять «Подражаний Корану», причем большую их часть — в черновых набросках. Тетрадь эта, указывает Г. О. Винокур в комментарии к «Борису Годунову», «заполнялась, во всяком случае в ее первой части, более или менее подряд. Это видно из списка дат, проставленных Пушкиным в разных местах тетради. На л. 1 имеется дата 22 мая <1824 г.>. На л. 11 об. — 5 сентября 1824 г. (т. е. уже в Михайловском, куда Пушкин прибыл 9 августа 1824 г.). На л. 17, под черновиком „Разговора книгопродавца с поэтом“ — 26 сент. 1824. На л. 20 записана дата окончания третьей главы „Евгения Онегина“ — 2 окт. 1824. На л. 27 — дата окончания „Цыган“ — 1824, 10 окт. На л. 36 об. и л. 37 один за другим следуют черновики двух писем к Жуковскому, которые в беловых подлинниках соответственно помечены 31 октября и 29 ноября. Следующую дату встречаем на л. 52 под черновиком XXIII строфы четвертой главы „Евгения Онегина“. Здесь помечено 31 дек. 1824 и 1 генв. 1825».⁷

Наброски «Подражаний Корану» встречаются на различных листах второй масонской тетради — от 9-го до 68-го. Однако обстоятельство истории текста «Подражаний» осложняется тем обстоятельством, что только иногда стихотворения эти занимают доминирующее положение на странице, в большинстве же случаев они приписаны на свободных частях страниц, как правило позже последовательного их заполнения.

Наиболее обстоятельно вопрос о хронологии создания цикла был изучен У. Викери.⁸ Он обратил внимание на то, что в рабочей тетради имеются два места, которые отражают интенсивную работу над циклом, что соответствует резкому отличию первых шести «Подражаний» от последних трех. Если первые из них занимают л. 18—22 (или тяготеют к ним, так как разбивают намеченные здесь темы), то последние — л. 35—39. Следовательно, считает У. Викери, весь цикл был создан в два приема. Однако исследователь упустил из виду, что из этой стройной системы выпадает один набросок — «В пещере тайной в день гоненья...», помещенный сбоку на л. 68 об., после того как здесь же была

---

⁷ Пушкин. Полн. собр. соч. [Л., 1935], т. 7. Драматические сочинения, с. 386—387. См. также описание В. Е. Якушкина («Русская старина», 1884, т. 43, июль, с. 1—37). Черновик второго (ноябрьского) письма Жуковскому был несомненно записан позднее на оставшемся в рабочей тетради свободном месте, так как далее идут черновики, связанные с работой над «Подражаниями Корану», относящейся к концу октября—началу ноября 1824 г. (см. об этом ниже).

⁸ См.: Vickery Walter N. Toward an Interpretation of Pushkin's «Podrazhania Koranu». — Canadian—American Slavic Studies, 11, № 1 (Spring, 1977), p. 61—74.

уже записана одна из строф «Евгения Онегина».⁹ И хотя набросок этот не был окончательно Пушкиным обработан, он, на наш взгляд, позволяет уточнить всю творческую историю цикла, так как не мог быть написан после стихотворений «Клянусь четой и нечетой...» и «Встань, боязливый...», являясь их первоначальной редакцией (в противном случае мы имели бы невозможный в творческой практике Пушкина случай вялого повторения уже написанного ранее). Стройная соразмерность цикла возникла вовсе не случайно, а в результате обычной в пушкинском творчестве тщательной работы над планом произведения.

В творческой истории цикла «Подражания Корану» следует выделить три основных этапа.

Первым по времени создания было несомненно стихотворение «Смутясь, нахмурился пророк...», черновик которого занимает целую страницу л. 18 об. второй масонской тетради (все остальные «Подражания», встречающиеся выше, занимают лишь части страниц, оставшиеся ранее свободными).

По крайней мере три признака указывают на то, что это первый приступ Пушкина к переложению Корана. Во-первых, не сразу установился стихотворный размер цикла; вначале испытывался четырехстопный хорей (см. верхнюю часть л. 18 об.):

Слаб и робок человек
Слеп умом — и все тревожит.

Во-вторых, это стихотворение наиболее полно от начала до конца отражает содержание избранной поэтом суры; впоследствии

⁹ Набросок этот в собраниях сочинений Пушкина (в том числе и академическом) обособляется от цикла «Подражания Корану», несмотря на прямое упоминание о Коране в тексте стихотворения. Очевидно, более значимым представляется редакторам другое упоминание в стихотворении — о талисмане, отождествляемом со знаменитым перстнем с каллиграфической надписью, подаренным поэту Е. К. Воронцовой и вдохновившим его на создание стихотворения «Храни меня, мой талисман...» (1825). При таком толковании набросок «В пещере тайной, в день гоненья...» приобретает условно-поэтический смысл. Необходимо, однако, напомнить, что согласно легенде новые заповеди «священной книги» передавались Магомету в виде тайных писем архангелом Гавриилом. Ср. в 3-м «Подражании Корану»: «С небесной книги список дан Тебе, пророк, не для строптивых...». Таким образом, слово «талисман» в наброске и обозначает именно этот «список». Согласно «Словарю языка Пушкина» (т. 4, с. 475), талисман — «по суеверным представлениям, предмет, наделенный чудодейственной силой и приносящий его обладателю счастье, удачу». Ср. также: «Талисман, речение» Кабалистическое. Звездоподобие, планетоподобие. Под сим словом суеверные люди разумют изображение, представляющее какой-либо небесный знак, созвездие, планету, или письмена, вырезанные на мнимом симпатическом камне или на металле, коим приписывают чрезвычайные силы и отношения с планетами; также молитвы, завернутые в треугольную бумагу и запитые в треугольный кожаный мешок, который носят всегда при себе. Мнят, что сие суеверие вышло от египтян, распространилось же оно в Европе с тех пор, как мавры ворвались в Испанию» (Новый Словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1806, ч. 3, с. 790).

Пушкин более свободно обращается с текстом первоисточника: избирает из той или иной суры всего несколько стихов, обогащая их стихами, взятыми из других сур. И наконец, перебеляя это стихотворение в третьей кишиневской тетради, Пушкин дает точное указание на источник:

Подражание Корану

I

Из главы> Слепый в 42 стихах>

Впоследствии ни заглавие суры, ни количество в ней стихов (так было принято в первоисточнике) Пушкиным не отмечались.

Окончательный текст в составе семи строф стихотворения сложился не сразу.

Сначала, форсируя тему противопоставления слабости человека и всемогущества божества, Пушкин всю экспозицию излагает лишь в одном четверостишии:

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье.
Почто ж осмелился порок
Ему являть недоуменье
Почто ж не верит человек <...>

Однако, дописав второе четверостишие, Пушкин на левом поле начинает работать над промежуточной строфой, беловая редакция которой переписывается чуть ниже:

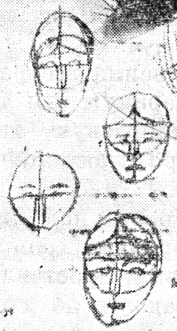
С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых>
Ты только возвещай К<оран>, <...>
Не понуждая нечестивых.

А еще ниже, также сбоку, развитие темы пророка было продолжено:

Пророк мой вам того не скажет
[Мои законы]
[Он вежлив, скромн]

Традиционно эти строки считают наброском иного, в окончательном составе цикла — второго, «Подражания» (см. II, 886), имея в виду и примечание Пушкина к нему, содержащее сходную мысль, и то, что похожий стих содержится в 33-й суре Корана, послужившей источником стихотворения «О жены чистые пророка...». Однако первая (незачеркнутая) строка так глубоко вторгается в основной текст, идущий посреди листа, заставляя даже несколько сместить внутренние строки вправо, что это не оставляет сомнений в том, что данный набросок входит в черновой состав стихотворения «Слепый», а не является фрагментом

Handwritten text in Russian, likely a draft of a work by Alexander Pushkin. The text is dense and somewhat illegible due to the handwriting and ink bleed-through. It appears to be a collection of notes or a preliminary sketch of a text, possibly related to the 'Imitations of the Prophet' mentioned in the caption.

А. С. Пушкин. Автограф. «Подражания Корану» («Смутясь, нахмурился пророк. . .»).

иного замысла (ср. фотографическое воспроизведение рукописи на с. 27 настоящего издания).

Обратим внимание еще на одну деталь рукописи. В конце страницы записаны слова, не относящиеся, по-видимому, к анализируемому стихотворению:

[в боях]
— ничем не знамениты

Здесь уже намечается тема иного «Подражания», над которым Пушкин начал работать на следующей странице тетради (л. 19):

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
Во рву, на башне, на стене
Гремящих острыми мечами
Вам бог победу даровал
[Гоните робких, похотливых]

Однако на этом стихотворение пока обрывается. На следующей странице Пушкин тщательно прописывает строфу XXXVIII третьей главы «Евгения Онегина», на обороте л. 19 он продолжает работу над третьей главой, заканчивая ее на л. 20 и ставя дату: 2 окт. 1824.

Чуть ниже на л. 20 находится черновик, а затем и беловик стихотворения «С тобою древле, о всесильный...». Некоторое время спустя записывается в нижней половине л. 22 (после набросков «Второго послания цензору») и стихотворение «Земля недвижна — неба своды...».

В том же порядке, обозначенные соответственно цифрами 1, 2, 3, под общим заглавием «Подражания Корану» эти стихотворения были переписаны в третью кипшиневскую тетрадь (л. 28—28 об., 29, 32; на л. 30—31 — «Второе послание цензору»).

Это стало итогом первоначальной работы поэта над циклом, включавшим в то время всего три стихотворения, хронология создания которых приблизительно определяется проставленной Пушкиным датой: 2 октября 1824 г., т. е. незадолго до и вскоре после нее. Думается, что дату начала работы над циклом можно даже конкретизировать.

Нам представляется вполне ощутимой переключка начала стихотворения «Смутясь, нахмурился пророк...» со следующим фрагментом письма Дельвига Пушкину: «Великий Пушкин, маленький дитя! Иди, как шел, т. е. делай, что хочешь, но не сердися на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит... Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе не достает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, бога ради. Употреби получше время твоего изгнания...» (XIII, 110).

Письмо это было написано 28 сентября 1824 г. и отправлено поутру следующего дня с оказией. Вечером 29 сентября или на следующий день Пушкин мог уже его читать. Может быть, совпадение советов лицейского друга с только что прочитанной к этому времени 80-й сурой Корана поразило Пушкина — и это стало побудительным импульсом работы над циклом.

Характерно, однако, что первоначальное содержание цикла, включавшего в себя всего три стихотворения, темы которых органически переходят из одного в другое, пока что почти лишено арабского (мусульманского) колорита. Позже, в примечаниях к циклу, заметив, что Коран есть «собрание новой лжи и старых басен», Пушкин добавит, что «несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом» (II, 358).

«Слог Аль-Корана, — отмечал переводчик М. Веревкин, — везде прекрасен и текущ, паче же на местах подражательных реченьям пророческим и стихам библейским».¹⁰

Это сходство вольно или невольно подчеркнуто Пушкиным в отобранных им из Корана текстах, звучащих подобно книгам библейских пророков и псалмам Давида. Так, 55-я сура Корана, послужившая, по-видимому, первоисточником стихотворения «Земля недвижна — неба своды...», традиционно сопоставляется арабистами со 135-м псалмом Давида.¹¹ И если, как это показал Б. В. Томашевский,¹² образность данного пушкинского «Подражания» обогащается за счет включения в него стихов из других сур, то сходные, параллельные места нетрудно найти и в Библии. Совпадение это было обусловлено как обильным заимствованием в самом Коране библейских мотивов (например, спора Авра-

---

¹⁰ Книга Аль-Коран, аравлинина Магомета... СПб., 1790, с. XXV (ниже ссылки на этот источник см. в тексте с пометой: Книга Аль-Коран).

¹¹ См.: Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 604 (далее ссылки в тексте: Коран).

Ср.: «Милосердый научил знати Аль-Коран; он создал человека, дал ему солнце и луну числити употребление разума своего, даде ему годовые времена.

Звезды и дресеса поклоняются милосердому; он возвысил небеса, он установил правосудие, он предписал праведные весы и меры, он дал землю на обитание человекам со всеми ее плодами, хлебными зернами и листьями, его руки дело — ветры и вихри» (Книга Аль-Коран, с. 278).

Ср. также:

Славьте господа господствующих, ибо во всем милость его,

Того, который один творит чудеса великие.

Который сотворил небеса премудро...

Утвердил землю на водах...

Сотворил светила великие...

Солнце для управления днем...

Луну и звезды для управления ночью...

(Псалтырь, 135, 3—9)

¹² Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961, кн. 2, с. 23—25.

ама и Нимврода — ср. у Пушкина: «С тобою древле, о всесильный...»), так и стилистикой перевода М. Веревкина, которым пользовался в данном случае Пушкин.

Как бы то ни было, на первом этапе работы над стихотворным циклом Пушкин увлекся мотивами столь же мусульманского, сколь и библейского свойства. Именно к этим, генетически первым трем пушкинским «Подражаниям» наиболее применима характеристика Б. В. Томашевского «духовных од», традиции которых Пушкин в данном случае использовал: «... жанр „духовных од“, несмотря на религиозную оболочку, вовсе не замыкался в узкой сфере религиозных размышлений. Это был жанр, широкий по охвату тем и лирических настроений. В какой-то степени этот жанр в эпоху господства оды в лирической поэзии является предшественником того ряда стихотворений, которые в эпоху господства элегий отошли в область так называемых „медитативных элегий“. Особенно псалмы давали материал для развития тем, по существу, никак не связанных с религиозными догмами».¹³

Лирический субъект первых по времени «Подражаний» вовсе не бог, а человек, ощущающий величие и разумную непреложность законов природы, перед лицом которой суетны спесь и честолюбие людские. В этих стихотворениях впоследствии будет сосредоточена лирическая доминанта всего цикла.

2

Вернувшись в конце октября к мотивам первых «Подражаний», Пушкин по инерции романтического этапа своего творчества на первых порах совершенно пренебрегает «духом» Корана, перерабатывая его мотивы в привычном элегическом ключе.

На л. 34 рабочей тетради мы находим черновой набросок стихотворения, в академическом издании его сочинений отнесенный (что, на наш взгляд, вполне справедливо) к первоначальным вариантам 9-го «Подражания»:

Я не дремал — но усыпление
И совершалось надо мной
виденья
Приснились мне древа и воды
Увидел я и шум и день.

Только один, необычный для лирики Пушкина тех лет архаизм «древа» намекает на стилизацию «в духе древности», но и это в общем соответствует традиционной элегической поэзии.

На л. 35 тетради Пушкин тщательно работает над стихотворением, в котором биографы поэта усматривают отражение пушкинского замысла о побеге из ссылки:

¹³ Там же, с. 28.

Презрев и голос укоризны
И зовы сладостных надежд
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд
Прости предел неблагоприятный,
Где свет узрел я в первый раз,
Прости

Достаточно сопоставить этот фрагмент со стихотворением «Клянусь четой и нечетой...», впоследствии открывшим цикл (и пока еще не написанным), чтобы увидеть в них нечто общее (в одном случае изложенное от лица божества, в другом — от лица гонимого пророка). Через три листа в тетради появляется черновой набросок «восточного» стихотворения:

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других¹⁴ не заключил, —
Ходи к источнику могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает,
Так жизни время (?) убегает,
В гареме так исчезну я.

(II, 344)

Это, конечно, тоже не подражание Корану; но здесь намечена отчасти ситуация стихотворения «О жены чистые пророка...», увиденная взором европейца.

На обороте того же л. 38 Пушкин начинает работу над стихотворением «Торгуя совестью пред бледной нищетою...». Здесь же оно и переписывается набело под заглавием «Милостыня». По своему источнику (сура 2-я, «Крава», ст. 261) это подражание Корану. Но совершенно лишнее арабского колорита, к тому же обособленное самостоятельным (не имеющим соответствия в названиях сур Корана) заголовком, стихотворение это едва ли мыслилось поэтом в составе целостного цикла. Очевидно, элегические модификации коранических мотивов Пушкина не удовлетворяют, и он пытается освоить его высокую нравственную проблематику — впрочем, во вполне традиционной форме притчи. Это антитеза написанному годом ранее стихотворению «Свободы сеятель пустынный...», и по своей поэтической форме это стихотворение разительно отличается от созданных ранее «Подражаний», что очевидно при сопоставлении с духовной одой «С тобою древле, о всесильный...», сюжет которой восходит к той же суре «Крава». Если месяц назад, преобразовав повествовательную интонацию оригинала,¹⁵ Пушкин добивается напря-

---

¹⁴ Коран разрешал мусульманину иметь не более четырех жен, однако для Магомета здесь оговаривалось исключение.

¹⁵ Ср.: «Не рассуждаете ли вы о деянии такового (здесь разумеется Нимврод, — прим. пер.), кому дал господь царство? Како состязается он

женного, патетического лиризма, то теперь он прибегает к учительской, назидательной тональности, характерной для поздних, мединских сур.

Еще далее отходит Пушкин от прежних «Подражаний» в стихотворении «И путник усталый на бога роптал...», черновик которого занимает обе стороны следующего л. 39. Свободно интерпретируя два стиха все той же суры «Крава», используя опять же строфическую форму, как и в предыдущем стихотворении, но меняя ямб на амфибрахий, Пушкин создает довольно большое (36 строк) стихотворение-притчу, но не сухое, назидательное, а воссоздающее поэтический мир восточной сказки.

Новое обращение к тексту Корана, по-видимому, стимулировало продолжение работы над стихотворением «Недаром видел вас во сне...», которое было начато на л. 19. Теперь на свободном клочке л. 36 Пушкин продолжает начатое ранее.

Вторая строфа открывалась строкой

Вам бог победу даровал —

в духе тогда же написанного стихотворения «Слепый» (ср.: «За то, что бог и умертвит И воскресит его по воле, Что с неба дни его хранит И в радостях, и в горькой доле»). Теперь Пушкин пишет:

Мы победили! Слава, —

и это связано с 3-м из первоначальных «Подражаний» (ср.: «Да притечем и *мы* ко свету...»). Окончательная же обработка стихов на этой странице рукописи дает нам следующий вид:

Вы победили! Слава вам —
А малодушным посмеянье
Они не веря дивным снам
Не шли на бранное призванье
Прельстясь добычей дорогою
Они в раскаянье своем
Рекут: Возьмите нас с собою
Но вы скажите: не *возьмем*

Стихотворение в составе трех строф (вместе с написанной месяц назад) собственно завершено. Используя всего несколько стихов суры 48-й («Победа»), Пушкин исчерпывает тему исполненного пророчества и по законам цикла подчеркивает синтаксическую параллель к стихотворению «С тобою древле, о всеильный...» (там: «ты рек» — «он рек»; здесь: «рекут» — «вы скажите»). Однако на развернутой предыдущей странице (л. 35 об.)

о боге с Авраамом?..» и пр. (Книга Аль-Коран, с. 33). У Пушкина: «С тобою древле, о всеильный...».

Пушкин продолжил работу над стихотворением, дописав в верхнем правом углу еще одно четверостишие:

Блаженны падшие в сраженье,
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденье,
Не отравленном уж ничем.

По источнику обработки эта строфа сориентирована уже на 61-ю суру Корана («Ряды воинов»),¹⁶ но творческим импульсом именно такого завершения темы послужило, вероятно, только что законченное Пушкиным вчерне стихотворение «И путник усталый на бога роптал. . .».

Дело в том, что при обработке соответствующего стиха Корана Пушкин совершенно пренебрег эсхатологической его проблематикой и заменил мотив воскресения путника, усомнившегося во всемогуществе бога, мотивом чудесного сна. Ср.: «Размысли о деянии вышедшего из селения пустынного и разоренного, вещающего к себе сице: како может дати жизнь бог умерщвленным здесь и восстановить селение по-прежнему? Бог умертвил самого его, по прошествии ста лет воскресив, сказал ему» и пр. (Книга Аль-Коран, с. 33—34). Однако не понадобившаяся для восточной сказки-притчи эсхатологическая тема пригодилась для обогащения образности стихотворения «Недаром вы приснились мне. . .», дальнейшая работа над которым была, вероятно, стимулирована общим с восточной сказкой мотивом чудесного сна, возникшим под пером поэта.

Целиком стихотворение «Недаром вы приснились мне. . .» переписывается на свободной нижней половине л. 37 (ниже черновых набросков «Клеопатры»).

Характерно, что мотив небесного блаженства правоверных, падших в бою, здесь — в полном соответствии с воинственным духом Корана — подкреплен и описанием земного воздаяния живым. После первой строфы, развивая ее пластику, Пушкин пишет:

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь,
Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу.

Отметим также, что, закончив переписывать стихотворение, Пушкин набрасывает на полях должное стать четвертой строфой следующее четверостишие:

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет.

---

¹⁶ Ср.: «Не падите имуществ и жизни, егда сражаетесь за его закон, бог простит согрешения ваши, введет в сады, в коих протекает рок множество, водворит в домах великолепных Едема и обрячете тамо вышшее блаженство. . .» (Книга Аль-Коран, с. 304).

Они ума его «творенья?»
Его ль нам слушать? он поэт.

В академическом издании эти строки напечатаны в качестве самостоятельного наброска «Подражаний» (II, 473, 983), между тем они несомненно относились к стихотворению «Недаром вы приснились мне...» и не вошли в печатную его редакцию, вероятно, по той причине, что несколько ослабляли испушенную патетику целого.

Положение в рабочей тетради черновых набросков указанных выше стихотворений позволяет датировать их концом октября—началом ноября 1824 г. Именно к ним относится замечание Пушкина в письме к брату (1—10 ноября 1824 г.): «Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что...» (XIII, 119).

После этого в творческой истории цикла слова наступает пауза. Отчасти от «Подражаний Корану» Пушкина отвлекла работа над «Борисом Годуновым» и четвертой главой «Евгения Онегина». Однако существовала, по-видимому, и внутренняя причина остановки работы над циклом. Он не давался поэту. Стихотворение «Блаженны падшие в сраженье...» резко противоречило созерцательному настроению трех ранних «Подражаний» (см.: «Спокойно возвещай Коран, Не понуждая нечестивых!»). Еще далее отстояли от них элегические резиньяции, отдаленно воспроизводившие мотивы Корана, а также эпические, наставнические стихотворения-притчи, приобретающие вполне самостоятельное значение.

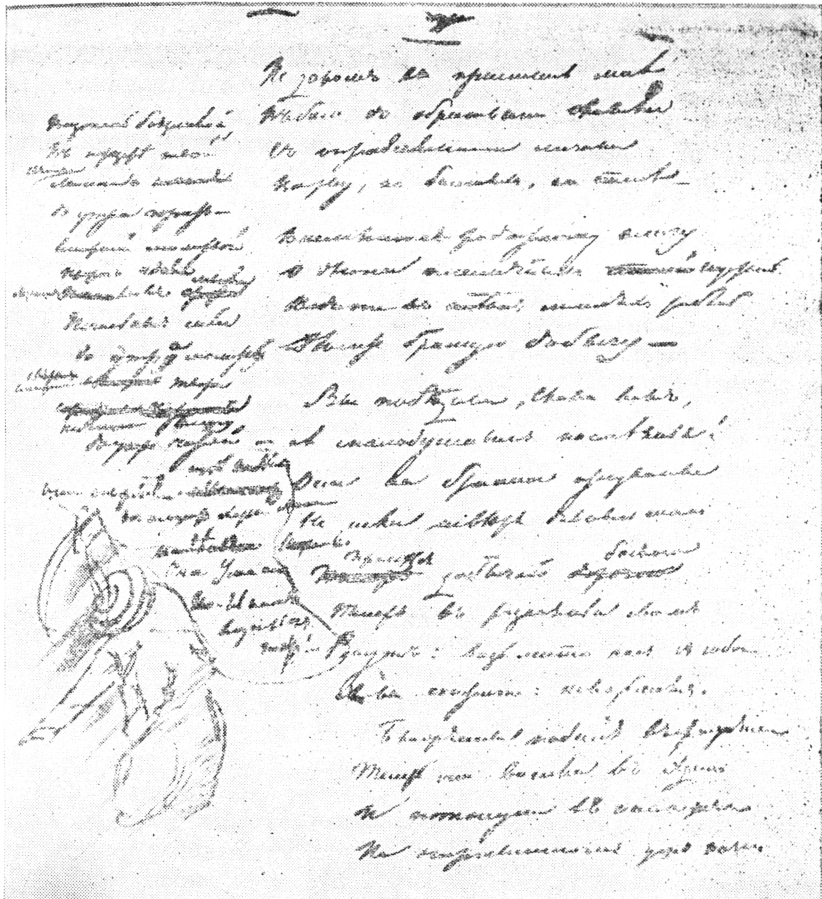
Еще предстояло найти некое подобие сюжета, единую тему, которая бы могла удержать в органическом единстве трудносочетаемое.

Для понимания логики дальнейшего движения творческого замысла «Подражаний» чрезвычайно важна одна, но особенно значительная на первый взгляд деталь, относящаяся к источнику двух последних притч.

В пушкиноведческой литературе утвердилось мнение о том, что в качестве первоисточника для своих подражаний Пушкин использовал перевод Корана, выполненный М. Веревкиным.¹⁷ Это мнение справедливо, но необходимо учитывать еще следующее обстоятельство. Последние стихотворения цикла неопровержимо свидетельствуют, что к концу октября 1824 г. Пушкин имел перед глазами французский перевод Корана, выполненный М. Савари.¹⁸

¹⁷ См.: Капшталева К. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. — Записки Коллегии востоковедов, 1930, т. V.

¹⁸ Вероятно, в издании 1822 г. «Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Magomet. Par M. Savary. A la Mecque. L'an de l'Hégire 1165» (в дальнейшей ссылке на это издание в тексте: Le Coran). Другое издание этой книги (Paris, 1828) сохранилось неразрезанным в библиотеке Пушкина (см.: Модзалев-

А. С. Пушкин. Автограф. «Подражания Корану» («Восстань, боязливый. . .» и «Недаром вы приснились мне. . .»).

На этот источник было указано еще Л. Поливановым, постоянно соотносившим пушкинский текст именно с этим переводом.¹⁹

Исследуя тему «скупого подаяния» у Пушкина, Н. М. Лобикова отмечает: «Усилен эмоциональный смысл этой темы. О скупю творящих добро в Коране сказано: „Благотворения таковых, яко камни, покрытые сверху землею весьма мало, прольет сильный дождь, обнажит их от оных“. Пушкин сравнивает скупую дань даже не с землею на камне, а с пылью, смыть

ский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. — Пушкин и его современники. СПб., 1910, вып. IX—X, с. 212).

¹⁹ См.: Пушкин А. С. Сочинения. Издание Льва Поливанова. М., 1887, т. 2, с. 133—141.

которую обильному дождю еще легче».²⁰ Так и в переводе Савари: «Такой подобен скале, покрытой пылью (roussiéге). Пройдет обильный дождь и оставит только жесткий камень» (Le Coran, v. 1, p. 48). Как отмечал Л. Поливанов, упоминание белых костей и рева воскресенного осла в 9-м «Подражании» Пушкин также заимствовал из комментария, приведенного у Савари (ср.: Le Coran, v. 1, p. 46).

Таким образом, уже в конце октября 1824 г. Пушкин несомненно ознакомился в своем михайловском затворье не только с французским текстом Корана, но и с обильными примечаниями к нему, а главное — с достаточно подробным жизнеописанием Магомета, предпосланным переводу Савари. По всей вероятности, книги этой у Пушкина не было еще месяца назад, когда он приступил к созданию цикла,²¹ и достал он ее именно в связи с этой работой. Результат знакомства с фактами легендарной биографии пророка сказался в новых «Подражаниях Корану».

3

Третий этап работы над циклом открылся наброском (поперек листа) на нижнем свободном поле л. 68 об., верхняя часть которого занята обработкой онегинской строфы «Итак, я жил тогда в Одессе». После некоторых переделок начало нового подражания Корану приняло такой вид:

В пещере тайной в день гоненья
Читал я сладостный Коран
Внезапно ангел утешенья
Влетев, принес мне талисман
Его таинственная сила
С тех
Слова святые начертила
На нем безвестная рука

Биографы Магомета упоминают, что в первые годы своего «избранничества» (после 609 г.) Магомет часто скрывался в пещере на горе Тор близ Мекки, где его посещал архангел Гавриил, открывая главы «небесной книги». Об этом и повествует пушкинский набросок, который должен, по-видимому, связать все остальные «Подражания».

²⁰ Лобикова Н. М. Пушкин и Восток. Очерки. М., 1974, с. 78.

²¹ Начало стихотворения «Смутясь, нахмурился пророк...» Пушкин изложил по М. Веревкину, смело преодолев некоторую невразумительность его перевода. В более точном переводе Савари Магомет осуждается свыше за то, что он оборачивается к богатому и знатному, презрев слепого. (Ср. у Пушкина: «Бежит, да не дерзнет порок Ему являть недоумень»). «В оригинале, — справедливо указывает Л. Поливанов (т. 2, с. 136), — ход мыслей таков: Магомет, занятый обращением богатого, отвернулся от бедного слепого. Берегись поступать так».

Надо полагать, что вскоре после этого Пушкин предпринимает попытку переработать стихотворение «И путник усталый на бога роптал...», унифицировав его ритмику с остальными стихотворениями цикла. Открыв тетрадь на л. 11 об., Пушкин снизу вверх написал два четверостишия:

В пустыне древле человека
Господь узрел и усыпил —
И протекло три века
Он человека пробудил.
Скажи: под кладезем пустынным
В дремоте долго ты лежал
Мне сон мой показался длинным
Пол верно спал.

Вполне очевидна здесь сознательно запланированная Пушкиным параллель к стихотворению «С тобою древле, о всесильный...», которое ощущалось в то время поэтом как центральное в цикле, едва ли не несущее его главную идею (ср. отмеченную выше параллель с этим «Подражанием» и в стихотворении «Недаром вы приснились мне...»). Однако замысел этот также не получил окончательной реализации.

Просматривая один за другим записанные на разных листах наброски «Подражаний», Пушкин задержался на л. 37, где был помещен беловик стихотворения «Недаром вы приснились мне...». В минуту вдохновения он набрасывает на левом узком поле листа сразу, без помарок короткие нерифмованные строки (двух-стопный амфибрахий) стихотворения «Восстань, боязливый...». Резкое, обнаженное изменение и тональности (сосредоточенное в себе раздумье), и ритмики цикла создавало смелый переход к стихотворениям «Торгуя совестью пред бледной нищетою...», «И путник усталый на бога роптал...».

Только после того как концовка цикла была переработана, Пушкин вернулся к его началу.

Черновик наброска первого в цикле стихотворения до нас не дошел: он был записан на отдельном листе, так как требовал особо тщательной обработки. В рабочей же тетради на свободном нижнем поле л. 13 записывается беловая (тут же частично правленая) редакция стихотворения «Клянусь четой и нечетой...» — своеобразная увертюра всего цикла.

Основные темы его намечаются уже в первом «клятвенном» четверостишии. Отталкиваясь от первого стиха избранной для подражания суры 93-й «Клянуся лучезарностью солнечного восхода и темнотою ночи, что господь твой не оставил тебя» (Книга Аль-Коран, с. 368), Пушкин насыщает четверостишие другими клятвами. На первый взгляд причудливо неожиданные,²² они соразмерены с главными темами цикла.

²² Это отвечает духу ранних сур Корана. См., например: «Клянусь ветрами, разносящими прах по воздуху, облаками, полными дождей; кораблем, рассекающим волны морские; и всеми участниками благ зем-

Первая строка, воспроизведенная Пушкиным буквально по переводу Веревкина, комментируется Б. В. Томашевским так: «Выражение „чета и нечета“ не следует понимать как „чет и нечет“, речь идет о сочетаемом и несочетаемом».²³ В переводе Савари читаем: «*par réunion et la séparation*» (*Le Coran*, v. 2, p. 431), т. е. объединением и разделением. Пушкин, как мы знаем, сверялся с Савари и в данном случае, по-видимому, ощущал его толкование клятвы. Противопоставление единомышленников и врагов («праведных» и «нечестивых») является одной из главных тем пушкинских подражаний. Строка «Клянусь мечом и правой битвой» предвосхищает 6-е «Подражание». Выше уже отмечалось, что исступленная патетика 6-го «Подражания» резко контрастировала с другими стихотворениями цикла, — тем важнее было в самом начале художественно обнажить, предупредить этот контраст; этим же объясняется внешне «нелогичная» концовка 1-го «Подражания»:

Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

(II, 352)

На 7-е «Подражание» ориентируют вторая половина первого и все следующее четверостишие. Такая особенно тесная связь этих стихотворений не случайна: они развились из одного общего замысла (ср. набросок «В пещере тайной в день гоненья...»). С другой стороны, последние три стихотворения, как уже отмечалось выше, имеют тенденцию к обособлению от всего цикла — тем важнее было для Пушкина обозначить в самом начале цикла их главную тему. По той же причине два последних четверостишия главным образом соотносятся с последним стихотворением цикла; особенно значима переключка строк:

Стезекю правды бодро следуй

(II, 352)

И с богом он дале пускается в путь.

(II, 357)

Она придает кольцевое обрамление циклу и в то же время делает его финал открытым.

Последним, по всей вероятности, было написано 2-е «Подражание» (его беловую редакцию мы находим в нижней половине

ных...» (Книга Аль-Коран, с. 264). Ср. также второе авторское примечание к циклу, где Пушкин говорит о клятвах, «странном риторическом обороте, который в Коране встречается поминутно».

²³ Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 2, с. 21. В научном комментарии к Корану смысл этой строки объясняется так: «четом» всего, созданного парами, и «нечетом» единого творца» (Коран, с. 632).

л. 9), контрастное по отношению к предыдущему и определившее стройную трехчастную (в каждой части по три стихотворения) архитеконику всего цикла.

Уже в 1-е (по окончательному счету) «Подражание Корану», обрабатывая суру 93-ю, поэт привносит упоминание о главном событии в жизни Магомета: его изгнании из Мекки (хиджре), с которого впоследствии будет вестись летосчисление всего мусульманского мира. «В самом начале вместо сиротства, — замечает Б. В. Томашевский, — Пушкин говорит об изгнании. Между тем, хотя в Коране в жизнеописании Магомета и говорится о гонении, бегстве, изгнании, но текста, аналогичного пушкинскому, не подыскано».²⁴ Данное замечание симптоматично тем, что, следуя буквально смыслу заглавия цикла, исследователь традиционно считает источником пушкинских строк лишь суры Корана. Между тем Пушкин использовал наряду с Кораном и жизнеописание Магомета. В данном случае строки:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоепья
Я ввел главу его любя
И скрыл от зоркого гоненья —

прямо соотпесены с легендарным эпизодом в жизни Магомета, о котором, между прочим, упоминается в биографии пророка, предпосланной переводу Корана, выполненному Савари. Здесь говорится о том, что при бегстве из Мекки, спасаясь от погони, Магомет со своим спутником скрылся в пещере, которая, однако, была обнаружена преследователями, хотя перед входом в нее по мановению небес моментально выросло дерево. «Некоторые из них, готовые проникнуть в грот, заметили, что вход туда закрыт паутиной и что голубь там отложил яйца. При виде этого они вернулись обратно» (Le Coran, v. 1, p. 58).

Строго говоря, событийная хронология отдельных стихотворений цикла такова:

1. «Клянусь четой и нечетой...» — бегство Магомета из Мекки в Медину (хиджра), 622 г.

2. «О, жены чистые пророка...» — женитьба на Зейнаб, 627 г.

3. «Смутясь, нахмурился пророк...» — до изгнания из Мекки, т. е. до 622 г.

6. «Недаром вы приснились мне...» — возвращение в Мекку, 630 г. (пророческий сон — двумя годами ранее, в 628 г.).

7. «Восстань, боязливый...» — вскоре после первого видения в пещере на горе Тор («избранничества»), т. е. после 609 г.

Однако, говоря об «агиографичности» содержания цикла, мы постоянно должны иметь в виду ее лирическую интерпретацию. Оттапливаясь от события, поэт создает его обобщенно-лирический образ.

²⁴ Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 2, с. 21.

Давно замечено, что Пушкин ни разу не называет в «Подражаниях» ни Мекки, ни Медины. В том же ключе в 3-м «Подражании» исчезает образ корейшита (жителя Мекки), во время разговора с которым к пророку и подошел слепец. Также и в 7-м «Подражании» создается образ боязливой (смирненной) пророка, который, одержав победу над врагами, остался верен ранним устоям своей подвижнической деятельности. Вообще 73-я сура Корана («Робкий»), послужившая прообразом для этого «Подражания», считается одной из самых ранних, когда Магомет еще «не привык» к общению с архангелом Гавриилом. «Аравляне, — замечал М. Веревкин, — назвали главу сию о робком, будто бы Магомет утрастился сияния, излившегося от архангела Гавриила, егда принес он к нему сию главу; будто бы одеждою своею накрыл главу, и посему-то бы архангел возгласил к нему: „о робкий!“, а не „о пророче!“, по обыкновению» (Книга Аль-Коран, с. 330).

Однако уже в наброске стихотворения «В пещере тайной в день гоненья...», из которого развилось 7-е «Подражание», Пушкин относит это событие к моменту бегства из Мекки. Теперь же оно хронологически перемещается к последним годам жизни Магомета, что не очень противоречит легендарному жизнеописанию пророка: в пещере на горе Тор близ Мекки он по обыкновению проводил в одиночестве месяц Рамадан и возвещал после этого свои новые откровения. Так создается поэтом обобщенно-лирический образ пророка, сквозь испытания, гонения следующего «стеблю правды». Важно при этом подчеркнуть условно остранный характер этого лиризма.

Н. М. Лобикова, впервые обратившая внимание на событийную основу цикла, пишет: «Пушкин восстанавливает хронологическую последовательность глав Корана, как бы отражая историю возникновения и развития ислама. С другой стороны, события вводятся во временные рамки, очерчивающие жизненный путь Мухаммеда, позволяя проследить его эволюцию».²⁵ Если со вторым из этих положений можно с некоторыми (изложенными выше) оговорками согласиться, то первое — вызывает решительное возражение. Показательно, как искажается пушкинский цикл в целом и отдельные его стихотворения, как только мы начинаем искать в них «историю ислама». Если так, то мы и в самом деле должны увидеть, как в соответствии с доступными ему источниками Пушкин будто бы показал, что «за проповедью новой веры скрывались узурпаторские намерения проповедника».²⁶

Пушкин об этом знал не только из «Жития лжепророка Магомета», принадлежащего перу аббата Ладвоката, «библиотекаря Сорбоннского училища в Париже», и приложенного к веревкин-

²⁵ Лобикова Н. М. Пушкин и Восток, с. 68.

²⁶ Там же, с. 77.

скому переводу Корана, но из многих других работ и русских, и европейских авторов, среди которых был и Вольтер. «Перед нами, — писал он в «Письме королю Прусскому о трагедии „Магомет“», — всего лишь погонщик верблюдов, который забунтовал народ в своем городишке, на вербовал себе последователей среди несчастных корейшитов, внушив им, будто его удостаивает беседа архангел Гавриил, и хвалился, что бог уносил его на небо и там вручил ему сию непонятную книгу, каждой строкой своей приводящую в содрогание здравый смысл. И если, чтобы заставить людей уважать эту книгу, он предает свою родину огню и мечу; если он перерезает горло отцам и похищает дочерей; если он не оставляет победенным иного выбора, как принять его веру или умереть, — то его, безусловно, не может извинить ни один человек, если только это не дикарь и не азиат, в котором фанатизм окончательно заглушил природный разум».²⁷

В «Подражаниях Корану» нет и тени подобной оценки. Навивная убежденность героя пушкинских стихотворений, его вера в пророческую миссию, в избранничество не колеблется ни на миг. Показательно, что, отбирая для своего цикла легендарные события, Пушкин, как правило, касается тех, которые вызвали у современных ему историков скептический или прямо издевательский комментарий. Инерция такого комментария, от которой в «Подражаниях» был совершенно свободен сам Пушкин, многих впоследствии приводила в недоумение.

В примечании к суре 33-й («Артели, или Участки людей ратных»), послужившей основой 2-го «Подражания», М. Веревкин напоминает, что здесь получил отражение чуть ли не скандальный эпизод из жизни пророка: «Магомет влюбился в жену Зеида, невольника своего, заставил его развестись и обратился к нею: ибо она была прекрасна» (Книга Аль-Коран, с. 158). Более подробно освещается эта история в комментарии к переводу Савари: «Когда Магомет женился на Зейнаб, разведенной жене своего приемного сына Зеида, евреи и безбожники начали хулить этот союз. Господь провозгласил, что подобные браки дозволены и что приемный сын не имеет прав законного сына» (Le Coran, v. 2, p. 188). В данном случае Савари использует комментарий арабского автора Гелаледдина, сам же в жизнеописании Магомета изображает это событие в ироническом ключе, отмечая, как, войдя в дом Зеида, Магомет увидел его жену Зейнаб и воспыхал к ней любовью, как преданный про-

---

²⁷ Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971, с. 644. Отметим одну, вероятно не случайную, переключку строк вольтеровской трагедии и пушкинских «Подражаний»: «Кровь угодна небесам» (Магомет. Трагедия в пяти действиях из театра Вольтера. 2-е изд. Перевод П. С. Потемкина. СПб., 1810, с. 48) — «Щедрота полная угодна небесам» (II, 356).

року Зеид развелся с Зейнаб, как на великолепной свадьбе Магомета гости возроптали на постыдный развод и нечестивый брак и как, наконец, кстати явившееся пророку откровение от бога вполне разъяснило правоверным справедливость его действий (Le Cogan, v. 1, p. 99—101).

Пушкин, зная все эти подробности, в своем «Подражании» довольствуется лишь вышеуказанным «откровением». Не правы те комментаторы (начиная еще со Страхова), которые склонны видеть в стихотворении «О, жены чистые пророка...» тонкую насмешку над Магометом. Очевидный для европейских авторов механизм корыстного лжепророчества не работает в образной системе стихотворения Пушкина: суетный суд «велеречивых» безусловно отрицается свыше.

Таков пророк и в шестом стихотворении цикла, восходящем к суре 60-й («Победа»). «Глава сия издана, — замечал М. Веревкин, — на случай покорения града Мекки» (Книга Аль-Коран, с. 252). Пушкин снова «не замечает» двусмысленности поведения Магомета, казалось бы достаточно убедительно вскрытой историками.

События, предшествующие самой важной победе Магомета, складывались так. На шестой год хиджры (в 628 г.) изгнанник Магомет решил было отправиться на молебствие к храму Кааба в Мекке во время месяца набожных странствий, когда все войны прекратились. Видение Магомета о благополучном исходе этого намерения убедило его приверженцев, которые вместе с ним отправились к святыне. Расположившись лагерем близ Мекки, Магомет, однако, так и не решился войти в город, дав в конце концов повеление своим спутникам обречь головы и заколоть жертвенных верблюдов (обычный ритуал при посещении Каабы) в самом лагере, после чего возвратиться в Медину. Когда же ему напомнили о его пророческом сне, он был вынужден уточнить, что исполнение сна обещано аллахом через год (см.: Le Cogan, p. 108—109, 115—116).

Лирический герой пушкинского цикла ни на миг не колеблется в своих побуждениях, изначально праведных; он настолько уверен в этом, что не способен даже уязвляться подозрениями.

Обогащенный «агиографической» темой, цикл «Подражания Корану» приобрел лиро-эпический характер. Особо подчеркнуты в его «сюжете» два события: изгнание Магомета в Медину и его возвращение в Мекку. Вместе с тем это не просто событийный ряд, но и своеобразная лирическая тема. В период работы над циклом Пушкин сопоставлял свою судьбу с судьбой гонимого пророка, как об этом свидетельствует, например, шутливая фраза в письме к Вяземскому от 29 ноября 1824 г.: «Между тем принужден был бежать из Мекки в Медину, мой Коран пошел по рукам — и доныне правоверные ожидают его» (XIII, 125). Пушкину был близок поэтический смысл легенды о Ма-

гомете, согласно которой время самых тяжелых испытаний (изгнание из родного города, проклятие со стороны близких и родных) стало для пророка началом полнейшего торжества его учения — именно из Медины оно распространилось по всей Аравии.

Надо полагать, что по своему пророческому пафосу (при всем восточном, остраненном колорите его) стихотворение «Недаром вы присились мне...» было близко к таким написанным в михайловском изгнании строкам, как

И час придет... и он уж недалек:
Падешь тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.

(II, 401—402)

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье!
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я...

(II, 427)

Мы не можем точно обозначить хронологические границы последнего этапа работы Пушкина над циклом. Несомненно только, что окончательное его оформление (вместе с доработкой отдельных строк и составлением примечаний) закончилось до 15 марта 1825 г., когда поэт отправил в Петербург рукопись сборника своих стихотворений (см. письмо Пушкина к брату и к Плетневу, датированное этим числом, — XIII, 153). В выпущенных из печати в самом конце 1825 г. «Стихотворениях Александра Пушкина» цикл «Подражания Корану», помеченный 1824 г., включает книгу, что подчеркивает его принципиальное значение в творческой эволюции Пушкина. На том же месте помещен этот цикл и в книге «Стихотворения. Часть первая» (СПб., 1829).

4

В заключение скажем несколько — по необходимости коротких — слов о композиции цикла. Он складывался в ходе постоянного обогащения замысла и включил в себя три основных начала, доминирующих на разных этапах работы Пушкина над «Подражаниями Корану»: лирико-патетическое (в традициях «духовных од»), назидательно-проповедническое и «агиографическое». Естественно, что эти начала взаимопроникают благодаря постоянному сопоставлению отдельных стихотворений, на каждое из которых падает отсвет других и всего целого; но в то же время трем основным доминантам соответствуют три равные части цикла (по три стихотворения в каждой из них): от «рассказа» о жизни Магомета — через хвалу могуществу высших сил

(кульминация в пятом, центральном стихотворении) — цикл движется к обобщенно-проповедническому финалу. При этом ослабление к концу цикла «агиографического рассказа» (который пропадает в 4—5-м и 8—9-м «Подражаниях») ведет к усилению нравственной проповеди, все более и более отчетливо принимающей форму притчи (4-е, 8-е и 9-е «Подражания»). Тем самым легендарная судьба Магомета приобретает притчевую окраску: в этой судьбе просматривается судьба человека вообще, спасающегося от невзгод, сомнений и гонений на «стезе правды», обретающего силы в служении истине.

В соответствии с этим общим замыслом от части к части меняется соотношение лирических субъекта и объекта цикла. В начале вещает сам бог, что находится в полном соответствии с разительной чертой самого Корана, о которой академик И. Ю. Крачковский пишет так: «Главный эффект — божество в первом лице; неслыханное новшество сравнительно с Торой и Евангелием. В Ветхом завете положены речи Иеговы, но говорящий всегда хронист; речи — цитата. В Евангелии Христос говорит по ходу рассказа, цитирует не Иегову, а закон и пророков. Нововведение — Аллах сам дает себя услышать и сам ниспосылает отрывки своей „книги“, пророк — только посредник. Иногда роль нарушается, и неожиданно бог говорит о себе в третьем лице» (Коран, с. 671).

Эта особенность Корана хорошо была осознана Пушкиным, который специально подчеркнул: «В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором и третьем лице» (II, 358). И несмотря на это, в 4-м «Подражании» субъектом становится сам Магомет; этот переход, несмотря на его содержательную роль, — не подчеркни его в специальном примечании сам Пушкин, — почти не заметен в общем движении цикла, ибо, хотя бог обращается и к Магомету (1-е «Подражание»), и к его близким (2-е «Подражание») и дальним (3-е «Подражание»), он в сущности говорит только с пророком, его, избранного, опекает и поддерживает. Поэтому, когда Магомет говорит сам, он обращается к божеству («С тобою, боже...»), почти сливаясь со всеми в порыве к богу («Да притечем и мы ко свету»), имея высшее право говорить доверительно с праведными от лица бога:

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на дивное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

(II, 355)

В 7-м «Подражании» мы снова наблюдаем смену ракурса — субъекта и объекта. О пророке опять (как и в первой части цикла) говорится в третьем лице (он объект), но по инерции

предыдущих стихотворений возникает стойкое впечатление, что и субъектом является здесь сам пророк, погруженный в себя, смиренно («боязливо») обращающий заветы высших истин к себе самому, в себе самом подозревающий суетность («Печальные мысли, лукавые сны») и жаждущий очиститься от скверны. Следующее стихотворение обращено от пророка к каждому, ко всем, без деления их на «праведных» и «нечестивых» — наоборот, тень возможности такого деления превращает самого сеятеля, подвижника в «неправедного» с «завистливой дланью», уничтожает смысл его деяний. И, наконец, в последнем «Подражании» окончательно преодолевается односторонняя речь, обращенная к безответному собеседнику. Здесь впервые возникает диалог, причем без посредника (пророка), диалог земного человека с небом. Религиозно-мифологическая образность цикла в целом служит отмеченному выше его притчевому замыслу. Так, на границах каждой части возникает эсхатологическая картина Страшного суда (конец 3-го «Подражания») и вечного блаженства (конец 6-го «Подражания»), но это поэтическая метафора очищения и обновления человека, преодолевающего жизненные испытания и искус сомнений, — она наглядно реализуется в последнем стихотворении цикла:

И ветхие кости ослицы встанут,
И телом оделись, и рев издают,
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

(II, 357)

Очевидна перекличка этих строк с другими, более известными:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

(II, 407)

Мы начали свою статью с цитаты о благородном стремлении истинного поэта в подражании чужим гениальным творениям найти новые миры. Проанализировав цикл «Подражания Корану», мы обнаружили, что в нем за внешними колоритными чертами иной культуры Пушкин открывает все тот же мир земной красоты и нравственной истины. В этом и заключается тайна всемирной отзывчивости гения Пушкина, постоянно ощущавшего сущностное единство мира, общего для всего человечества.

Лидия ЛОТМАН

«И Я БЫ МОГ, КАК ШУТ <...>»

Эти слова дважды начатой, но не завершенной Пушкиным стихотворной строки, записанной поэтом на 38-м листе так называемой третьей масонской тетради,¹ привлекают пристальное внимание исследователей. Загадочность этого неоконченного предложения, упорство, с которым Пушкин, очевидно, размышлял над ним (стих два раза повторен на странице, второй раз уже без сравнения с шутом — «И я бы мог» — и в той же форме записан на обороте 56 листа тетради № 833), а главное — местоположение записей, расположенных рядом с двумя рисунками, изображающими казнь декабристов, — все это требует осмысления, хотя и не дает материала, достаточного для окончательного и бесспорного разъяснения смысла начатой, но не завершенной поэтом строки. Попытку дать свою интерпретацию загадочной строки сделал ряд исследователей, начиная с С. А. Венгерова, который первым правильно прочел строку и опубликовал фототипическое воспроизведение 38-го листа в Собрании сочинений Пушкина в изд. Брокгауз—Ефрон (т. II, СПб., 1908, с. 527).

Венгеров считал несомненным, что Пушкин имеет в виду, что и он бы мог быть повешен, как декабристы, и стремился лишь «оправдать» сравнение с шутом, которое он относил к декабристам. Почти все последующие интерпретации сходились в одном: Пушкин, утверждали их авторы, предполагает, что он мог бы быть повешен с пятью декабристами, казнь которых он нарисовал. Усилия ученых, писавших об этом предмете, а также и их разногласия сосредоточивались вокруг сравнения с шутом. Выдвигалось предположение, что Пушкин сравнивал себя с шутом, так как считал, что он рядом с вождями декабризма на виселице «унижал» бы их своим случайным соседством.² Утвер-

¹ ПД, № 836.

² Бояновский В. Ф. Пушкин и декабристы. — Вестник литературы, Пг., 1921, № 2 (26), с. 8—9.

ждалось, что в сравнении с шутом содержится намек на уни-
зительные шутовские обряды, которыми сопровождалась якобы
казнь декабристов.³ А. Эфрос, тщательно исследовавший
38-й лист третьей масонской тетради и определивший порядок
его заполнения, писал о загадочной строке, дважды занесенной
на него: «О том, что должно было следовать за этим и какое
значение придавал Пушкин слову „шут“, в том трагическом
сопоставлении, какое дал рисунок виселицы, можно лишь гадать,
но явственно, что до строчка и рисунок связаны двойным повто-
рением и что смысл „шута“ должен заключать в себе что-то
вроде сравнения предсмертных конвульсий в веревочной петле
при позорной казни с вынужденным и унизительным кривлянием
шута на канате перед базарной площадью».⁴

Это сравнение, целиком принадлежащее А. Эфросу (у Пуш-
кина нет ни малейшего намёка ни на предсмертные конвульсии,
ни на паяца на базарной площади), довольно неудачно, так как
канатоходец, как бы он ни кривлялся, не имеет ничего общего
с человеком, умирающим на виселице. Однако оно было поддер-
жано исследователями, обращавшимися к этому вопросу позже.
Не ограничиваясь уподоблением судорог умирающего кривля-
ниям шута, они предположили, что мысль о казни на виселице
друзей и даже его самого могла у поэта ассоциироваться с шу-
точными, несколько фривольными образами поэмы В. И. Май-
кова «Елисей, или Раздраженный Вакх»,⁵ с картонной игруш-
кой — изображением шута, дергающего ногами (кстати, и ру-
ками, чего никак не могли делать подвергавшиеся казни), и
даже с чучелом в огороде. Приводя эти последние предположе-
ния С. М. Бонди, Т. Г. Цявловская не оспаривает их.⁶ Она
также утверждает, что «перед нами самое начало стихотворного

³ Благой Д. Социология творчества Пушкина. 2-е изд. М., 1931, с. 287. Эта мысль Д. Д. Благого была своеобразно развита Л. В. Крестовой. Она отметила шутовской, «буффонско-маскарадный» элемент в переодевании декабристов в халаты после гражданской казни и предположила, что Пушкин знал подробности этой казни и как бы видел себя среди осужденных на каторгу и в ссылку (см.: Крестова Л. В. Пушкин и декабристы. — Временник Пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963, с. 41—48). По справедливому утверждению Б. П. Городецкого, «подобное объяснение представляется искусственным и натянутым» (Городецкий Б. П. Пушкин после восстания декабристов. — Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 369).

⁴ Эфрос А. Рисунки поэта. 2-е изд. М., 1933, с. 360.

⁵ М. А. Цявловский, первым напомнивший строки из поэмы Майкова «Елисей» в связи с незаконченной строкой Пушкина, не сближал содержания соответствующего эпизода поэмы с предполагаемым смыслом строки Пушкина. См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 160. Б. П. Городецкий пошел дальше. Он усмотрел в незаконченной фразе Пушкина уподобление казни декабристов комическому эпизоду из «Елисея». См.: Городецкий Б. П. Пушкин после восстания декабристов, с. 370—371.

⁶ Цявловская Т. Г. Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 203.

произведения с мыслью о том, что и он, Пушкин, мог быть повешен»,⁷ и в поисках объяснения слова «шут» в таком контексте готова принять предположения С. М. Бонди.

Представление о том, что рисунок виселицы и текст неоконченной строки связаны «напрямик», непосредственно, как картинка и подпись или текст и своего рода иллюстрация, оказало влияние на прочтение строки. Прежде чем С. А. Венгеров прочел слово «шут», строку эту читали: «И я бы мог, как тут» (т. е. как на рисунке). Впоследствии, когда в правильности чтения Венгерова убедились все, а А. Эфрос доказал, что стихотворная строка по времени начертания предшествовала рисунку казни, две буквы начатого слова после слова «шут» стали читать как «на», т. е. «И я бы мог, как шут на <...>»⁸ (очевидно, подразумевалось — на виселице).

Т. Г. Цявловская предложила новое чтение: «И я бы мог, как шут висеть».⁹

То обстоятельство, что крупнейшие ученые, знатоки рукописей Пушкина, так сильно колебались в прочтении недописанного слова — две буквы его читались как «на» и как «ви», т. е. обе они прочитывались по-разному, и чтение «на» сохранялось в течение десятилетий, — а также и то, что «реставрация» его как слова «висеть» требует прибавления к двум сомнительно прочтенным буквам произвольных четырех, заставляет нас признать следующее: на возникновение этой гипотезы оказала большое влияние априорная уверенность в том, что Пушкин хотел здесь сказать, будто и он мог бы висеть.

Между тем комплексный анализ материалов, относящихся к последнему периоду пребывания Пушкина в Михайловском в 1826 г., и, в частности, привлечение к этому анализу поступившей в 1963 г. в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) книги Вальтера Скотта «Иванго» с рисунками поэта дает, как нам представляется, возможность подойти к проблеме незаконченной строки Пушкина с новой стороны и высказать гипотезу, если не окончательно решающую этот вопрос (очевидно, бесспорно решить его при материалах, которыми мы располагаем в настоящее время, и невозможно), то проливающую на него дополнительный свет.

Узнав о восстании декабристов с опозданием и затем долго не имея известий и томясь беспокойством о ходе дела и судьбе своих друзей и многочисленных знакомых — участников восстания, Пушкин предполагал возможность привлечения его к следствию, но надеялся оправдаться. 10 июля 1826 г. Пушкин писал

---

⁷ Там же.

⁸ Эфрос А. Рисунки поэта, с. 358.

⁹ Невозлощенный замысел Пушкина. — Литературная газета, 1972, № 11, 15 марта, с. 7.

П. А. Вяземскому: «Если б я был потребован комиссией, то я был конечно оправдан, но меня оставили в покое, и кажется это не к добру» (XIII, 286).

Опасения за собственную судьбу соединялись в его сознании с неотвязными мыслями о положении передовых людей своего поколения в целом и, главное, с тревогой за друзей, за братьев «по музам, по судьбам», участь которых решал Верховный уголовный суд. Тяжело переносил изоляцию, желая освобождения из ссылки и понимая, что без «разъяснения» своей позиции он не может надеяться на облегчение своего положения, Пушкин стремился при этом оговорить свое право на независимый образ мыслей: «Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть, его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости», — писал он В. А. Жуковскому 7 марта 1826 г., рассчитывая на его посредничество (XIII, 265—266). Та же интонация независимого человека звучит в письме поэта на имя царя, в котором он просит разрешения покинуть Михайловское для лечения в Москве, Петербурге или чужих краях (XIII, 283—284). После известия о приговоре по делу декабристов и совершения казни над пятью из них Пушкин писал Вяземскому: «Ты находишь письмо мое холодным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» (XIII, 291). Однако рядом со слабой надеждой на изменение своего положения теплится мысль о возможности пересмотра решения о декабристах, о «милости» в отношении их. Чудовищный факт массовой репрессии против лучших людей русского общества не укладывается в его сознании: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна», — пишет он Вяземскому (там же).

Вызов Пушкина в Москву, длительная, часовая аудиенция, которая была дана ему царем и во время которой Николай I приложил немало усилий, чтобы сыграть роль прогрессивно мыслящего государственного деятеля, а Пушкин все с той же независимостью и прямоотой признался, что в случае, если бы во время восстания он был в Петербурге, он принял бы в нем участие, породили у поэта иллюзию, что его непосредственный контакт с царем может быть полезен гонимым друзьям, что его призыв оказывать милость «падшим» может быть услышан. Очувтившись в Москве после длительной разлуки с друзьями, отрыва от литературной среды и общества, Пушкин стал центром всеобщего внимания, погрузился в поток общений и встреч. Наблюдавший его в эти дни М. П. Погодин в своем дневнике запечатлел, с какой стремительностью Пушкин включился в художественную и литературную жизнь Москвы.

Среди больших и малых явлений культурной жизни лета—осени 1826 г. можно отметить сравнительно незначительное, но имеющее отношение к интересующему нас вопросу событие. В июле этого года в Петербурге вышел сделанный Ковтыревым¹⁰ и изданный в типографии Смирдина в 4-х томах перевод романа Вальтера Скотта «Иванго» — «Айвенго», — появившийся под заглавием «Иванго, или Возвращение из крестовых походов».¹¹ На полях тома принадлежавшего Пушкину экземпляра этого издания сверху первой страницы рукою поэта нарисована, как и на 38-м листе третьей масонской тетради, виселица с пятью декабристами. Т. Г. Цявловская, которая первой исследовала «историю» этой книги и изложила ее в обстоятельной и содержательной статье,¹² предположила, что русский перевод «Айвенго» Пушкин приобрел в 1827 г. Она дважды высказала эту мысль на протяжении своей статьи: «Приобрел Пушкин роман, вероятно, весной 1827 г., когда в конце мая он впервые после возвращения из ссылки приехал в Петербург»; и далее: «Пушкин мог купить книгу не ранее конца мая 1827 г. (см. выше, с. 8)».¹³ Вторая формулировка несколько расходится с первой. Она более категорична. На с. 8, к которой исследовательница отсылает читателя, нет аргументации, доказывающей, что Пушкин не мог купить книгу ранее мая 1827 г. Между тем есть основания предположить, что Пушкин приобрел «Иванго» осенью 1826 г. в Москве. 12 августа 1826 г. состоялось цензурное разрешение X книги «Московского телеграфа». В ней (ч. X, № 14, отд. I, с. 167—168) была помещена краткая рецензия, информировавшая читателей о выходе в свет перевода романа Вальтера Скотта, и давалась оценка этого перевода. Рецензент признал перевод «довольно хорошим», но указал, что при сличении его с подлинником обнаруживаются сокращения текста, которые недопустимы. Таким образом, приехавший в Москву в начале сентября Пушкин в свежем номере «Московского телеграфа» мог прочесть о выходе перевода романа Вальтера Скотта и в Москве его приобрести как литературную новинку. Обращает на себя внимание обстоятельство, до сих пор не отмеченное в литературе. В записях «Старинные пословицы и поговорки», сделанных в Михайловском (ПД, № 290), одна из русских пословиц толкуется при помощи изречения, заимствованного из «Айвенго» Вальтера Скотта, скорее всего из русского перевода этого романа. «Нужда научит калачи есть, т. е. пужда — мать

¹⁰ См.: Вальтер Скотт. К 125-летию со дня смерти. М., 1958, с. 44.

¹¹ Дата выхода в свет романа установлена В. Б. Сандомирской. См.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966, с. 8.

¹² См.: Цявловская Т. Г. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963, с. 5—30.

¹³ Там же, с. 8 и 28. Курсив наш, — Л. Л.

изобретения и роскоши», — записывает Пушкин.¹⁴ В тексте «Ивангое» читаем: «...нужда есть мать изобретения, говорит старая пословица».¹⁵ Здесь речь не идет о роскоши, Пушкин переосмыслил старинную английскую поговорку. Следует отметить, что выражение «мать изобретения» отсутствует в оригинале Вальтера Скотта — там пословица передается словами: «нужда поощряет изобретательность» («But necessity according to the ancient proverb sharpens invention» — глава XXVII).¹⁶ Нельзя не оговориться, однако, что во французском тексте, с которого, очевидно, сделал свой перевод Ковтырев,¹⁷ фраза эта естественно соответствует русскому переводу: «...nécessité est mère d'invention, dit un ancien proverbe».¹⁸ Поэтому нельзя с несомненной уверенностью утверждать, что фраза Пушкина заимствована именно из русского перевода «Айвенго», а не из его французского источника. Однако вероятность такого ее происхождения все же меньше, чем возможность заимствования пословицы из русского перевода. Речь ведь все же идет о русской фразе. Вместе с тем нельзя сбросить со счетов, что Пушкин ознакомился с французским переводом «Айвенго» еще на юге¹⁹ и что в библиотеке Тригорского, которой он пользовался, были произведения В. Скотта в немецких и французских переводах.²⁰ В Михайловском, как утверждал поэт, чтение Вальтера Скотта было для него «пищей души» (см.: XIII, 121).

Если принять гипотезу, что Пушкин приобрел русский перевод «Айвенго» осенью 1826 г. в Москве, то это повлечет за со-

¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Л., 1978, т. VII, с. 365.

¹⁵ Скотт В. Ивангое, или Возвращение из крестовых походов. СПб., 1826, ч. III, с. 31. Извлечение Пушкиным пословицы из романа Вальтера Скотта и применение ее к обстоятельствам русской жизни, которое зафиксировано в «Старинных пословицах и поговорках», не является единственным. В 1836 г., отказавшись от полемики с Чаадаевым по поводу его 1-го Философского письма, Пушкин своеобразно выразил на листе с не отосланным им ответом Чаадаеву сочувствие своему адресату, на которого обрушились правительственные репрессии: «Ворон ворону глаза не выклюнет — Шотландская пословица, приведенная Вальтером Скоттом» в Woodstock». См.: Пушкин Письма последних лет. Л., 1969, с. 328.

¹⁶ Walter Scott. Ivanhoe. A Romance. Edinburg, 1873, p. 219.

¹⁷ См.: Якубович Д. П. Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтер Скотта. — В кн.: Язык и литература. 1930, т. V, с. 175.

¹⁸ Walter Scott. Ivanhoe ou le Retour du Croisé. Paris, 1825, t. III, p. 51.

¹⁹ Об интересе к В. Скотту в России в первой трети XIX в. и, в частности, о Пушкине как читателе В. Скотта см.: Левин Ю. Д. Прижизненная слава Вальтера Скотта в России. — В кн.: Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975, с. 5—29. Здесь же, в библиографическом приложении (с. 29—67), даны указания на соответствующие публикации.

²⁰ См.: Модзалевский Б. Л. Каталог библиотеки села Тригорское. — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1903, вып. I, № 40, 135, 136, 294, 295.

бою ряд последствий. Вероятным становится предположение, что рисунки виселиц на 38-м листе третьей масонской тетради и на полях «Ивангое» возникли примерно в одно время. Явится необходимость уточнения времени записи «Старинные пословицы и поговорки», которая предположительно датировалась 1825 г.; ее датировка, очевидно, должна будет быть передвинута на осень—зиму 1826 г.

Независимо от того, читал ли Пушкин в Михайловском «Айвенго» во французском или русском переводе, пословица «нужда есть мать изобретения» была им извлечена из главы романа, в которой шут Вамба является одним из главных действующих лиц (II глава III части в русском и III глава во французском переводах, XXVII глава в оригинале). В этой главе храбрый и самоотверженный шут, проникший в лагерь врагов, чтобы выручить Седрика Саксонца, предстает перед владельцем феодального замка и его союзниками и, не испугавшись угроз расправы, в частности угрозы быть повешенным вниз головой (традиционно унизительная, «шутовская» казнь),²¹ смелыми и остроумными ответами смирят гнев и ожесточение врагов.

Создавая образ шута, Вальтер Скотт в значительной степени ориентировался на шекспировскую традицию. Русские читатели и литераторы ощущали связь романов Вальтера Скотта с пьесами Шекспира. А. А. Шаховской, создавший в 1821 г. на основе «Айвенго» «романтическую комедию» «Иваной, или Возвращение Ричарда Львиное сердце», в водевиле «Меркурий на часах» устами героя, воплощающего современный роман, утверждал, что Вальтер Скотт обеспечил огромный успех своим произведениям, «ущепившись» за Шекспира.²²

---

²¹ О подобной казни упоминает В. Майков в своей комической поэме «Елисей, или Раздраженный Вах» (песнь I, ст. 407—411), что дало повод к сближению строк о «шутовской казни» в этом произведении со строкой Пушкина «И я бы мог как шут <...>». М. А. Цявловский указал на это место поэмы как на пример «общего места» (Рукою Пушкина, с. 159—160). Б. П. Городецкий высказал предположение, что именно воспоминания об образе шутовской казни в поэме Майкова, соединившись с мыслью о казни декабристов, породили строку 38-го листа третьей масонской тетради Пушкина (см.: Городецкий Б. П. Пушкин после восстания декабристов, с. 370—371). Это мнение исследователя не представляется убедительным. Вряд ли «лютые подробности <...> казни» (Вяземский) декабристов, в частности падение трех осужденных с виселицы, могли напомнить, как думал Б. П. Городецкий, Пушкину игривые строки веселой поэмы Майкова, хотя поэт действительно хорошо ее знал. В. Скотт, разумеется, не знал поэмы Майкова, но в его романе Вамба угрожает издевательским повешением вниз головой. Однако, сравнивая себя с шутом, как нам представляется, Пушкин не имел в виду ни эпизод из поэмы Майкова, ни угрозу, вызвавшую в романе Скотта ответную реплику Вамбы: «<...> говорят, что у меня мозг не на месте, может быть, если вы меня повесите головую вниз, мозг мой придет в порядок» (перевод 1826 г.).

²² Об этом см.: Левин Ю. Д. Приживленная слава Вальтера Скотта в России, с. 18—19.

На фигуру шута в пьесах Шекспира Пушкин обратил внимание при первом же знакомстве с творчеством великого драматурга Англии. Первая цитата из Шекспира и первое упоминание персонажа Шекспира в творчестве Пушкина — упоминание шута Йорика и цитирование слов о нем Гамлета во второй главе «Евгения Онегина».²³ Однако, всесторонне осмысляя опыт Шекспира в Михайловском, в пору работы над «Борисом Годуновым», поэт не соблазнился возможностью ввести выигрышный в специическом отношении персонаж шута в свою трагедию. Впоследствии А. С. Хомяков не устоял перед таким соблазном и ввел в свою трагедию «Димитрий Самозванец» (1833) подобный персонаж.

В романе «Айвенго» шут Вамба играет заметную и своеобразную роль. Именно этого героя романист наделяет тем изобретательным умом, которого не хватало Седрику Саксонцу и который пробудился в нем лишь в минуту величайшей «нужды». В переводе 1826 г. упоминается «изобретательный ум Вамбы»,²⁴ который помог ему освободить из плена Седрика. Характеристика шута связана, таким образом, с пословицей, обратившей на себя внимание Пушкина. Вся глава, содержащая рассказ о подвиге шута, очевидно, произвела сильное впечатление на поэта. Нельзя не заметить, что в «Сценах из рыцарских времен» поведение Франца, оказавшегося в плену в рыцарском замке и не теряющего присутствия духа перед лицом смертельной опасности, во многом напоминает поведение Вамбы, «которого и самое приближение смерти не могло удержать от острого слова».²⁵ Франц остается и в виду смерти миннезингером, как Вамба — шутком. Шута Вамбу в «Айвенго» автор именует «домашним миротворцем» (глава XVIII), «великодушным»; он «верен как сталь», решителен, его призвание — пробуждать человеческие чувства в сильных мира сего. Вместо награды за свою героическую помощь он добивается у Седрика Саксонца прощения ослушника-раба и освобождения его от рабства и крепостной зависимости (глава XXXII). В конце романа шут становится собеседником монарха, которому предстоит занять свой трон. Как остроумный посредник между Ричардом Львиное сердце и его бунтующими подданными, шут объясняет королю образ действия и своеобразные этические принципы «вольных стрелков». Объяснение это в главе XL романа (глава VI части IV в русском переводе), шутливое и остроумное по форме, по существу отражает глубокие социально-исторические обобщения автора романа. Отклики на вложенные В. Скоттом в уста шута Вамбы мысли можно обнаружить в ряде произведений Пушкина. В русском

²³ Об этом, а также и о дальнейшем освоении Пушкиным творчества Шекспира см.: Алексеев М. П. А. С. Пушкин. — В кн.: Шекспир и русская культура / Под ред. акад. М. П. Алексеева. М.: Л., 1965, с. 162—200.

²⁴ Вальтер Скотт т. Ивандго. СПб., 1826, ч. III, с. 116.

²⁵ Там же, с. 36.

переводе 1826 г. этот эпизод подвергся некоторым сокращениям, часть из которых, очевидно, имеет цензурный характер. Так, в русском тексте отсутствуют имеющиеся и в английском первоисточнике, и во французском переводе фразы о том, что «честные стрелки» отрядов Робина Гуда заключают с небом договор о «балансе» грехов и добрых дел и действуют в этом соответственно Священному писанию, воздавая седмерицею за дела милосердия самим себе. Нет в русском переводе и упоминания о том, что если вольные стрелки чинят убогую часовню, то они грабят церковь. Через весь диалог Вамбы и короля Ричарда проходит двусмысленно выраженный мотив «баланса», равновесия и взвешивания на весах злых и добрых дел. Эта двусмысленность явно ощутима в английском и французском текстах, где слово «balance» может иметь разные значения («баланс», «весы», «равновесие»). Однако и в русском тексте отчетливо проведена мысль о «взвешивании» и стремлении к уравниванию добрых и злых дел, а также и о том, что своеобразие толкования добра и зла влияет на «равновесие» нравственных весов, что оно приравнивает зачастую друг к другу неравные величины, склоняя весы в нужную сторону. О понимании «баланса» добра и зла вольными стрелками Вамба говорит: «Например, они отнимают сто золотых монет у богаго и дают полкроны нищему <...> у них одно дело заменяет другое, и баланс делается верным <...> ежели наши добрые люди, живущие в лесу, жгут замки, то взамен строят хижины; ежели они убивают шерифа, то избавляют пленного, и наконец, ежели они сжигают живого норманского барона, то помогают саксонскому франклину».²⁶ Так, Вамба дает понять, что на весах нравственности вольных стрелков бродячий монах перетягивает жирного аббата, истомленный пленник — важного полицейского чиновника, а бесправный саксонский франклин — гордого завоевателя, норманского барона. Замечание короля: «А которые из этих дел добрые и которые не так хороши?» — вызывает высокую оценку Вамбы: «Прекрасно! превосходно! Ничто так не делает умным, как товарищество с умными людьми. Я отвечаю, что вы никогда так остро не говорили, г. Рыцарь, как теперь».²⁷ «Острота» вопроса Ричарда состоит в проявленном им понимании того, что сама оценка добра и зла зависит от позиции оценивающего.

Не трудно заметить родство этого эпизода романа с некоторыми мотивами «Дубровского» («баланс» кузнеца Архипа, сжигающего чиновников и спасающего кошку) и «Капитанской дочки» (соотношение добрых и злых дел Пугачева).

На экземпляре книги «Ивангое», принадлежавшем Пушкину, над рисунком виселицы изображены наклоненные в одну сторону весы. Подобное изображение было известно знатокам рукописей

²⁶ Вальтер Скотт. Ивангое. СПб., 1826, ч. IV, с. 108—109.

²⁷ Там же, с. 108.

поэта прежде, чем была найдена книга «Ивангое» с его пометами: рисунок весов дважды повторен на верхней части составленной из листов самодельной суперобложки, испещренной с обеих сторон рисунками и набросками портретов, большая часть которых изображает декабристов (ПД, № 798).

А. Н. Вульф пояснил на внутренней стороне суперобложки содержание этих рисунков Пушкина: «Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декаб. 825 года работы Алекс. Сер. Пушкина во время его пребывания в с. Тригорском в 826 году».

Не дают ли вышеизложенные факты основание высказать гипотезу, что за пушкинским изображением весов стоит мысль о балансе добра и зла, насильственно склоняемом в одну сторону, и что строка «И я бы мог, как шут <...>» содержит намерения на шуту из романа «Айвенго» Вальтера Скотта, вступившего в неожиданно прямой контакт с самодержцем, говорившего с ним о логике поведения его непокорных подданных и намекавшего на милость к ним? Нам представляется, что основания для такой гипотезы есть.

В интересующем нас стихе Пушкин употребил форму сослагательного наклонения, возможно выражающую неудовлетворенность результатами разговора, и, собственно, сравнивал не себя с шутом, а ситуацию, в которой он оказался, или действие, которое он мог произвести, — с теми ситуациями и действиями, в которых оказался или которые произвел шут. Речь идет не о любом шуте, а о конкретном, определенном шуте — герое «Айвенго» Вальтера Скотта.

Впоследствии Пушкин не раз сравнивал себя с шутом, но это сравнение обогатилось новыми оттенками смысла.

С начала 1830-х гг. жизнь Пушкина стабилизировалась. Надежды его на «почетный мир» с царем и, главное, на успешное осуществление своей миссии заступничества за «друзей, товарищей, братьев» не оправдались. Пушкин оказался насильственно привязанным ко двору. Призвание поэта делало его особенно уязвимым. При дворах монархов Европы положение поэтов и шутов в XVII—XVIII вв. было сходно. Об этом писал Буало в I Сатире «Отъезд поэта» (1660 г.), сопоставляя успех при дворе поэтов и официального шута Людовика XIV Л'Анжели. Мадам Севинье в письме к графу де Бюсси Раубутен от 18 марта 1678 г. сравнивала Буало и Расина с шутами.²⁸ Русских поэтов XVIII в. самоуправцы-вельможи, фавориты царей и цариц и сами монархи ставили нередко на грань положения шута. Пушкин отлично это знал. Он горячо протестовал против того, что Лажечников в «Ледяном доме» изобразил Тредьяковского как низкого угодника, доходящего до шутовства, и тем самым оправдал известный факт избиения его Волынским. Ла-

---

²⁸ См.: Газо А. Шуты и скоморохи всех времен и народов. СПб, 1898, с. 110.

жечников не знал некоторых исторических документов, которые были известны Пушкину. В своем письме Лажечникову от 3 ноября 1835 г. Пушкин писал: «За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с Вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лице мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя» (XVI, 62). Впоследствии Белинский выразил близкий к Пушкину взгляд на унижения, которым подвергся Тредьяковский при дворе. В лице Тредьяковского, по мнению Белинского, «нещадно бито было ошлеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта».²⁹

Характеризуя положение писателей XVIII в., Пушкин утверждал: «Сумароков был шутком у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина: его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками <...> Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали: во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где <...> не смели при нем пикнуть» (XI, 253). Пример Ломоносова был дорог Пушкину. Недаром он в письмах и дневнике неоднократно ссылался на полное собственного достоинства письмо Ломоносова Шувалову от 19 января 1761 г.

Опасения, что его тяжелым, внутренне напряженным и конфликтным отношениям с царем и придворной камарильей будет придан шутовской характер, терзали Пушкина и были небезосновательны. Угроза шутовской интерпретации его положения определялась двойственной традицией: он рисковал оказаться в положении третируемого лица в качестве поэта и в качестве опального представителя «игроу счастья обиженных родов».

В книге «Восточная Европа и император Николай» (Лондон, 1846) Ч. Ф. Хеннингсен, посетивший Россию в 1838 г. и из уст очевидцев узнавший подробности последних лет жизни Пушкина, сообщил следующий, не сохраненный другими источниками факт: «Николай никогда не мог полностью скрыть своего пренебрежения к человеку, которому расточал свои милости. Вскоре стала известна его презрительная фраза о том, что Пушкину, учитывая его талант, следует предоставить ту неограниченную свободу слова <...>, какая предоставляется, в порядке исключения, одному из поэтов или одному из шутов, но никому другому». Разъясняя английским читателям смысл этой фразы, Хеннингсен писал: «Дед <Пушкина> был женат на дочери Ганнибалы — негра, которого Петр Великий долгое время держал при себе для забавы; впоследствии он стал любимцем царя, командовал флотами и армиями и женился на представительнице одной из благороднейших русских фамилий, положив на-

---

²⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. IX, с. 190.

чало роду Аннибалов. Намек был для Пушкина очень болезненным».³⁰

Л. М. Аринштейн, который ввел этот источник в научный оборот, исследовав степень достоверности сообщаемых Хеннингсеном сведений и прочие связанные с книгами Хеннингсена о России вопросы, пришел к выводу, что Хеннингсен в целом «твердо стоял на почве услышанного», хотя иногда и допускал некоторые неточности в датах и именах.³¹ Комментируя приведенное выше сообщение Хеннингсена, Аринштейн высказывает предположение, что выпады Булгарина против Ганнибала, деда Пушкина, стоят в связи с этими получившими огласку язвительными словами царя.³²

Унижение и дискредитация представителей гордых и наиболее влиятельных аристократических родов, превращение их в шутов практиковались Иваном Грозным. Шутовские обряды применял и Петр I в борьбе со сторонниками старины. Такая же форма репрессирования имела место и в период «бироновщины».

В начале 1834 г. положение Пушкина резко ухудшилось, его зависимость от двора приобрела особенно тягостный характер. 31 декабря 1833 г. ему был «пожалован» придворный чин камер-юнкера, что превратило необходимость бывать в «свете», вращаться в среде придворной черни в обязанность, службу, всякая попытка уклониться от которой влекла за собою унижительные выговоры и неприятности. Само звание камер-юнкера, не соответствовавшее возрасту Пушкина и приравнивавшее его к юнцам из привилегированных семейств, глубоко оскорбляло поэта и ставило его в унижительное, смешное положение.

7 января 1834 г. Пушкин записал в дневник свой разговор с великим князем Михаилом Павловичем, которому в ответ на поздравление с назначением он возразил: «Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили» (XII, 319).

С этого момента в письмах и дневниках Пушкина постоянно мелькает уподобление его чина камер-юнкера «званию» пажы, его придворного мундира — шутовскому кафтану и его положения при дворе — положению шута. Одно из писем поэта такого содержания (письмо к Н. Н. Пушкиной от 20 и 22 апреля 1834 г.) было перлюстрировано московским почт-директором А. Я. Булгаковым, стало известно Николаю I и вызвало крайнее недовольство царя. Пушкин, возмущенный поступком монарха, который не устыдился «давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина» (XII, 329), сделал безуспешную попытку уйти в отставку и порвать со двором. 10 мая 1834 г. он записал

³⁰ Цит. по статье: Аринштейн Л. М. Неизвестные страницы рапней английской пушкинианы. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. IX. Л., 1979, с. 250—251.

³¹ Там же, с. 254.

³² Там же, с. 251.

в дневнике: «Государю» неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. — Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного» (там же). Образ Ломоносова и формула, при помощи которой он отстаивал свое достоинство, были для Пушкина эталоном и опорой. Впоследствии в опубликованной в 1836 г. в «Современнике» статье о Вольтере Пушкин утверждал, что издание писем Вольтера показало читателям слабые стороны характера великого человека. Читатели, верившие до того легенде о том, что Вольтер отослал Фридриху камергерский ключ и орден из чувства самоуважения, убедились, что он добровольно променял свою независимость «на своенравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить» (XII, 80). Так поэт выразил мысль, что только принуждение заставляет его терпеть унижительное положение придворного, которое далее в статье уподобляется положению шута: «К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король <...> не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление» (XII, 80—81).

В начале 1834 г., в момент, когда Пушкин крайне остро переживал свое придворное назначение, вышел альманах «Денница на 1834 год», издававшийся М. А. Максимовичем. Пушкин обратил внимание на помещенную в этом альманаче главу из нового, еще не опубликованного романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом». 3 июня 1834 г. он писал Лажечникову: «С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в альманаче Максимовича».³³

Опубликованная в «Деннице» глава из романа Лажечникова под названием «Ледяная статуя» заканчивалась эпизодом, который должен был затронуть в Пушкине особые, глубоко личные чувства. Эпизод этот содержал рассказ о назначении, по прихоти царицы Анны Иоанновны, пятидесятилетнего представителя знатного рода в наказание за его тайный переход в католичество в пажу с одновременным определением его в шуты: «Пятидесятилетнему Кульковскому велено явиться ко двору в должности пажа <...> надо было нити его жизни пройти сквозь эту иголку, и он выслушал свой приговор с героической твердостью, несмотря на поздравления насмешников-пажей, просящих его, как товарища, не лишать их своей дружбы».³⁴

Этот эпизод романа «Ледяной дом» (целиком опубликованного в 1835 г.) был основан на реальном историческом факте, который, вероятно, был известен Пушкину и прежде и лишь восстановлен в его памяти публикацией «Ледяной статуи», а за-

³³ Пушкин. Письма последних лет, с. 48—49.

³⁴ Денница на 1834 год. М., 1834, с. 151—152.

тем и всего романа Лажечникова. Под именем Кульковского Лажечников изобразил князя Михаила Алексеевича Голицына (1689—1775) — внука фаворита царевны Софьи Алексеевны В. В. Голицына.

О драматической судьбе М. А. Голицына рассказал в своих записках Х. Г. Манштейн: «Г... <Голицын> хотя и из первых в империи домов, принужден был сделаться шутом. Ему дали сию должность в наказание за принятие католической веры во время его путешествий; он в то же время сделан придворным пажом, хотя было ему от роду почти сорок лет...».³⁵ Записки Манштейна были переведены и дважды издавались в начале XIX в. — в 1810 и 1823 гг. В издании 1823 г. имеется рассказ о Голицыне. Помимо этого в библиотеке В. А. Жуковского хранилась рукопись перевода воспоминаний Манштейна.³⁶

Могила М. А. Голицына находилась недалеко от Москвы, по дороге в Троице-Сергиевскую лавру, в селе Братовщина, наследственной вотчине Голицыных.³⁷ Пушкин мог видеть эту могилу. Таким образом, уподобляя свое камер-юнкерство положению пажа (см., например, его письмо Н. Н. Пушкиной от 30 апреля 1834 г.), тяготясь «товариществом» с «молокососами 18-летними» (см. упоминания в письмах от 17 апреля, 28 ноября и 5 декабря 1834 г., записи от 28 ноября и 5 декабря 1834 г. в дневнике — XII, 332—333), ужасаясь, что в случае внезапной смерти его похоронят «как шута» «в полосатом кафтане» (намек на камер-юнкерский мундир — в письмах от 28 июня и 14 июля 1834 г.), поэт отдавал дань мрачной исторической ассоциации.

Образ остроумного, глубокомысленного и отчаянно смелого шута, как равный с равным ведущего беседу с самодержцем и вступающегося за его подданных, — шута Вальтера Скотта — в сознании Пушкина в начале 1830-х гг. был оттеснен и окончательно заслонен призраком реального, исторического шута, воплощавшего унижение и поругание личности произволом монарха и раблешием светской черни.

---

³⁵ Манштейн Х. Г. Записки исторические, гражданские и военные о России. М., 1823, ч. II, с. 62.

³⁶ См.: Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 13.

³⁷ См.: Полевой П. Могила князя-шута. — Исторический вестник, 1890, № 1, с. 171—174.

Н. П. ПРОЖОГИН

ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНА ЧЕЗАРЕ БОЧЧЕЛЛА

Имя итальянского поэта прошлого века Чезаре Боччеллы (Cesare Boccella) известно ныне лишь узкому кругу историков литературы, причем литературы скорее русской, чем итальянской. Объясняется это тем, что собственные поэтические произведения Боччеллы давно забыты, в то время как его переводы из русской поэзии, особенно поэзии Пушкина, остались заметной вехой на пути ознакомления итальянцев с миром нашей литературы.

В 1835 г. Боччелла издал в Пизе отдельной книгой перевод поэмы И. И. Козлова «Чернец».¹ В 1841 г., также в Пизе, вышел сборник под названием «Четыре главные поэмы Александра Пушкина, переведенные Чезаре Боччеллой». В него вошли «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы» и «Братья разбойники».²

Возникает вопрос, почему из числа «главных поэм» Пушкина оказался исключенным «Евгений Онегин»? Ответ на него мы находим в предисловии переводчика к сборнику. Излагая кратко содержание пушкинского романа в стихах, Боччелла невольно превращает его из «энциклопедии русской жизни», каким он является по определению Белинского, хотя и в «неподражаемое и точное», но всего лишь «живописание нравов провинции, весьма далеких от утонченности нравов больших городов, в глазах обитателей которых первые, часто несправедливо, выглядят столь смешными». Видимо, отсюда и проистекало его заблуждение, будто «Евгений Онегин», «как и романы Булгарина <sic>

¹ Il Monaco, poema di Kozloff, tradotto dal russo in italiano da Cesare Boccella. Pisa, co' caratteri di Didot, MDCCCXXXV.

² I quattro poemi maggiori di Alessandro Pouschkine, tradotti da Cesare Boccella, Pisa, co' caratteri di Didot, MDCCCXLI.

Итальянское слово «maggiori» означает как «главные», так и «крупнейшие». Первое значение в большей мере отвечает замыслу сборника именно главных, а не самых больших по количеству строк поэм.

Чезаре Боччелла.
Бюст работы неизвестного скульптора (гор. Лукка).

вещь сугубо местная, которая никогда не могла бы представить всеобщего интереса для публики, не знакомой с Россией»,³ — мнение, как известно, опровергнутое временем и в Италии.

Не будем, однако, слишком строги к Боччелле. Следует иметь в виду, что сам он не знал русского языка и о содержании произведений русских авторов первоначально мог судить только по пересказу. При этом его самого как поэта-романтика, очевидно, больше прельщал «экзотический фон» ранних поэм Пушкина, нежели выглядевший для него бытописательским «Евгений Онегин».

Работая над переводами, Боччелла пользовался тем, что теперь называют подстрочниками. Посылая Козлову с княгиней Салтыковой, урожденной Долгорукой, несколько экземпляров итальянского издания «Чернеца», он признавался: «Я едва знаю

---

³ Здесь и далее предисловие цитируется по перепечатке в журнале: Provincia di Lucca, 1975, № 2, p. 65—70.

несколько слов Вашего великолепного языка; поэтому я прибег к прекрасному буквальному переводу, специально для меня сделанному одною из Ваших любезных соотечественниц, помогая себе, сколько возможно, самим текстом и стараясь проникнуть во внутренний смысл Ваших мыслей».⁴

Что касается переводов пушкинских поэм, то в предисловии к ним он сообщает: «Прилежнейший буквальный вариант, сделанный со всем тщанием для этой цели, служил нам руководством; поскольку невозможен перенос изящества стиля с одного языка на другой и задача в конечном счете сводится к точной передаче образов и мыслей, которые составляют подлинную сущность поэзии, наше почти полное незнание речи Пушкина не казалось нам непреодолимым препятствием».

Отметим также, что, приступая к своей «небольшой, но трудоемкой работе», Боччелла не знал и о том, существовали ли до него переводы произведений Пушкина на итальянский или другие знакомые ему иностранные языки. «Имя Александра Пушкина известно всей Европе, — писал Боччелла, — но никакое из его произведений, насколько нам известно, не появлялось на иностранных языках, за исключением, быть может, нескольких фрагментов».

В действительности переводы пушкинской поэзии к тому времени имелись и на итальянском языке. Правда, некоторые из них были недоступны Боччелле. Так, еще в 1828 г. находившийся тогда в России римлянин Миниато Риччи перевел стихотворения «Демон» и «Пророк»; переводы эти были, однако, напечатаны лишь более ста лет спустя, в 1934 г., в нашей стране. Но также при жизни Пушкина, в 1834 г., в Неаполе вышла поэма «Кавказский пленник» в переводе Антонио Роккиджани. Эта же поэма появилась на итальянском языке в 1837 г. в Одессе в переводе анонима, скрывшегося под инициалами D. F. G. с добавлением слова «toscano», т. е. «тосканец». В 1839 г. в миланском журнале «Ривиста зуропеа» в прозаическом переводе Микеле Сарторио были напечатаны баллада «Русалка» и «Песнь о вешем Олеге». Наконец, в 1841 г., когда в Пизе выходил сборник Боччеллы, другой миланский журнал, «Фама», напечатал перевод «Пиковой дамы».⁵

Этот перечень не должен, однако, умалять заслуги Боччеллы. В любом случае он входит в число пионеров перевода произведений Пушкина на итальянский язык. К тому же он проделал

---

⁴ Полностью французский текст письма и его русский перевод опубликованы К. Я. Гротом. См.: Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, 1904, т. IX, кн. 2, с. 92—95.

⁵ Литературоведческий анализ этих переводов см. в ст.: Ласорса Клаудиа. Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828—1856). — Русская литература, 1970, № 4, с. 95—105. См. также: Damiani Enrico. Quel che c'è di Puskin e su Puskin in italiano. A. Puskin nel primo centenario della morte. Roma, 1937.

по сравнению с каждым из своих предшественников более значительную работу.

Переводы Боччеллы получили высокую оценку. В середине XIX в. Г. Н. Геннади считал, что «это едва ли не лучший итальянский перевод из сочинений Пушкина — известного итальянского писателя Боччелла: он передал нашего поэта белыми стихами <...>».⁶

Более развернутую, также положительную характеристику этих переводов дает в наше время итальянская русистка Клаудиа Ласорса. Рассматривая их в плане эволюции итальянского стихосложения, она отмечает: «Белый стих, позволяющий свободнее запечатлевать мысль, в последних десятилетиях XVIII в. и еще более в начале XIX в. придал новую эмоциональную ответственность старому итальянскому одиннадцатисложному стиху и способствовал художественному обновлению итальянской поэзии тех лет <...> Боччелла искусно использует преимущества белого стиха, свободного от всякой строфической структуры. Тонкое чередование стихов с различным ритмическим ударением, так называемых „а шаіогё“ и „а шіпогё“, частое применение enjambements создают поэтическую ткань, сочетающую в себе близость как к структуре итальянской фразы, так и к структуре переводимого текста. Переводы Боччеллы, — свидетельствует Ласорса, — и сегодня читаются с увлечением, они исполнены поэтическим и романтическим трепетом <...>».⁷

Интересно и то, как представлял Боччелла Пушкина своим читателям. Его предисловие к сборнику — это одновременно очерк жизни поэта и оценка его творчества.⁸ В живой форме он набрасывает портрет поэта: «Александр Пушкин был человеком скорее маленького роста, внешне некрасивым, имевшим что-то странное в облике; он происходил от негра и сохранял типичные черты негритянской расы, то есть курчавые волосы, пухлые губы и приплюснутый нос. Его глаза от этого были не менее прекрасны и искрились живейшим огнем».

Сведения, излагаемые в предисловии, очевидно, почерпнуты автором от русских людей, на которых он неоднократно ссылается, не называя, правда, конкретных имен, а употребляя безличную форму: «по словам русских», «говорят русские». Как увидим, круг этих его знакомств в Италии был довольно широ-

---

⁶ Геннади Г. Н. Переводы сочинений Пушкина. М., 1859, с. 14—15. В цитатах фамилия Боччеллы дается в написании авторов.

⁷ Ласорса К. Указ. соч., с. 100. В другой своей работе исследовательница, анализируя суждения итальянского слависта середины прошлого века Карло Тенки о южных поэмах Пушкина, пишет, что он должен был познакомиться с ними в «хорошем переводе», который, как она полагает, принадлежит Боччелле (Lasorsa Claudia. *Pagine di slavistica italiana*. Carlo Tensa e «Il Crepuscolo». Lucarini Editore, Roma, 1979, p. 133).

⁸ Геннади был неточен, когда писал, что книга Боччеллы состоит из «предисловия, очерка жизни Пушкина и его поэм».

ким, причем часто речь идет не просто о современниках Пушкина, а о людях, лично его знавших. Таким образом, предисловие Боччеллы является своего рода интерпретацией итальянским автором того, что говорилось о Пушкине в русских кругах, близких поэту.

В этой связи особое внимание привлекает та часть боччелловского текста, в которой рассказывается о политических идеях молодого Пушкина и упоминается ода «Свобода». Она, утверждает Боччелла, «по суждению многих, могла бы вызвать всеобщее восхищение, если было бы возможно опубликовать ее. Эта ода <...> никогда не была напечатана, но <...> некоторые бережно хранят ее».

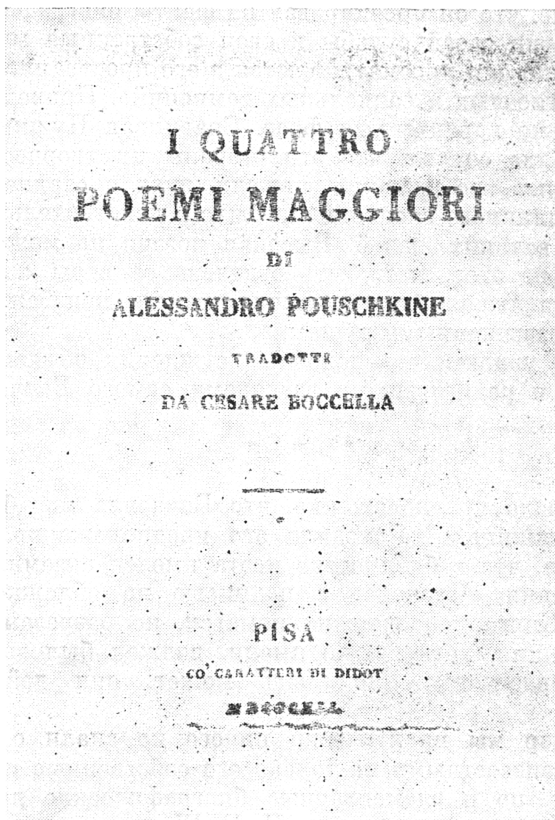
При составлении контекста, в котором употребляется здесь слово «всеобщее» («genegale»), с тем местом предисловия, где говорится, что «Евгений Онегин» не мог бы вызвать «всеобщего интереса», становится ясным, что в обоих случаях имеются в виду иностранные — в данном случае итальянские — читатели. В отличие от «Евгения Онегина», не представляющего, по мнению Боччеллы, для них интереса, ода «Свобода» вызвала бы их восхищение, но опубликовать ее в находящемся под бдительным надзором австрийской монархии итальянском государстве невозможно так же, как в александровской или николаевской России. Это интересный штрих, характеризующий взгляды как самого Боччеллы, так и его русских друзей, хотя по понятным причинам он избегает называть не только их имена, но в данном случае и национальную принадлежность.

«Простая по форме и далекая от всякой тени выпренности, его поэзия, по словам русских, является по языку подлинной музыкой и звучит очень нежно даже для иностранного уха», — сообщает Боччелла, считая, что в сочинительстве Пушкин «обладал тем, что могло бы быть названо трудолюбивой легкостью. Наделенный умом обширным и наблюдательным, он быстро схватывал, но много размышлял над исполнением».

В общем Боччелла правильно судит о характере, месте и значении пушкинской поэзии. Пушкин в его описании был «общепризнанным гением», «одним из немногих поэтов, которые оказывали столь мощное воздействие на массу своих современников, что смогли еще при жизни получить в награду их самое восторженное восхищение»; «его смерть была оплакана как подлинно национальное бедствие и оставила невосполнимую пустоту в русской литературе».

Известно, однако, что даже в кругах людей, близких Пушкину и сочувствовавших ему, глубинная сторона драмы последних лет его жизни была понята очень немногими. И это также находит отражение в тексте. В сложившемся у Боччеллы представлении Пушкин-бунтарь превратился после женитьбы в «совершенно иного человека», «поступил на императорскую службу в качестве придворного и до самого трагического конца вел уеди-

Титульный лист итальянского издания
поэм Пушкина в переводе Чезаре Боччеллы.

ненную и спокойную жизнь». Правда, «кажется, сладкая праздность домашнего существования не очень отвечала характеру его поэтического дара», и с этого времени Пушкин «почти ничего не писал, а последние главы „Онегина“, которые он опубликовал уже женатым, в целом оцениваются много ниже, чем первые». «Впрочем, — продолжает Боччелла, — уже написанное им ранее было более чем достаточным основанием для его славы, и он полностью пользовался ею, когда фатальный случай, вызванный неосторожностью других <!>, и слишком горячее и поспешное суждение поэта <?!> положили несчастный конец дорогой для его родины жизни».

Не следует, конечно, полагать, что предисловие писалось под чью-то прямую диктовку. Ознакомление с черновиками Боччеллы, хранящимися в Государственном архиве в городе Лукка, привело нас к выводу, что ему приходилось полагаться и на память.

Похоже также, что он проецировал на факты биографии русского поэта перипетии своей судьбы и свои собственные мысли. Наиболее явственно они просматриваются в его пространном экскурсе в тему «религиозных и социальных сомнений». Приведем из него лишь несколько характерных фраз. Сравнивая Пушкина с Байроном, Боччелла считал, что эти стороны их творчества «были скорее болезнью воображения, нежели духа и сердца <...> Думаем, что подлинного скептицизма было в действительности мало у этих двух великих людей. Высокая поэзия не может, что бы ни говорили на этот счет, быть отделена от веры <...> В смиренности веры заключено такое величие, что она неизбежно должна овладевать возвышенными душами».

Далее мы увидим, что подобные суждения объясняются политическими и религиозными взглядами самого Боччеллы.

* * *

Существовало предположение, что Боччелла мог быть лично знаком с Пушкиным.⁹ Исходило это предположение, очевидно, из того факта, что в библиотеке поэта имелся экземпляр итальянского издания «Чернеца» с надписью на обложке: «á М-г Rouschkin». Книга не содержит пометок, но разрезана.¹⁰ Таким образом, Пушкин, хотя бы по имени, должен был знать своего будущего переводчика. Но, быть может, они действительно встречались?

До сих пор мы практически ничего не знали о Боччелле. Оставались неизвестными не только его собственные поэтические произведения, но и элементарные биографические данные, начиная с дат рождения и смерти. П. Е. Щеголев, цитируя «Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина», дойдя до имени Боччеллы (кстати, это, насколько нам известно, было единственным в нашей литературе упоминанием о нем вне связи с его переводами из русской поэзии), делает сноску и задается вопросом: «Не этот ли маркиз Boscella перевел на итальянский язык поэмы Пушкина?». При этом он констатировал: «Несмотря на то, что Геннади именует Боччелла известным писателем, в наиболее распространенных книгах по истории итальянской литературы он совершенно не упоминается даже по имени».¹¹

Не восполнила этого пробела и Ласорса, ограничившаяся следующим замечанием: «Сам поэт, увлекающаяся личность, романтик, восторженный автор популярного тогда перевода поэмы „Чернец“, <Боччелла> не был „известным итальянским писателем“».

⁹ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 41.

¹⁰ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910, с. 263.

¹¹ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931, с. 262.

как определяет его Геннадий. Однако он был хорошим переводчиком и пользовался в свое время искренними симпатиями читающей публики». ¹²

Кто же был этот Чезаре Боччелла? В какой исторической обстановке он жил и работал? Когда и при каких обстоятельствах посетил Россию и встречался ли он с Пушкиным? Каков был круг его русских знакомых?

Заняться поисками ответов на эти вопросы нас побудила публикация Джино Арриги «Чезаре Боччелла — первый итальянский переводчик четырех главных поэм Пушкина», появившаяся в 1976 г. в журнале «Провинция ди Лукка». ¹³ Журнал этот, ныне уже не издающийся, выпускался органом местного самоуправления — советом провинции Лукка, за пределами которой он практически не распространялся. Обнаружить публикацию помог отклик на нее поэта Джованни Джудичи в газете «Коррьере делла sera». ¹⁴

Публикация Арриги состояла из краткой заметки о Боччелле с включенным в нее в качестве поэтического образца посвящением к «Кавказскому пленнику», перепечатки предисловия к сборнику пушкинских поэм и трех иллюстраций: портрета Пушкина работы Вивьена, титульного листа пизанского издания поэм и скульптурного портрета самого переводчика. Там же приводился краткий список литературы, посвященной Чезаре Боччелле. ¹⁵

Выяснилось, однако, что имя Боччеллы довольно часто упоминается в книгах по истории Лукки и католического движения в Италии. Некоторые его личные документы удалось найти в Государственном архиве в этом городе и в доме потомка его бывшего нотариуса и доверенного лица. Они позволили узнать, что

---

¹² Ласорса К. Указ. соч., с. 99.

¹³ Arrighi Gino. Cesare Boccella, primo traduttore dei quattro poemi maggiori di Puskin. — Provincia di Lucca, 1975, № 2, p. 61—70 (журнал вышел в 1976 г.). Впервые об этом сообщалось в ст.: Прожогин Н. С любовью к Пушкину. — Правда, 1977, 11 февраля.

¹⁴ Giudici Giovanni. L'approdo di Puskin in Toscana. — Corriere della sera, 14 febbraio 1976. Статья Джудичи вызвала в свою очередь читательское письмо в ту же газету (от 8 марта 1976 г.) с уточнением некоторых моментов из истории переводов пушкинской поэзии в Италии. Джованни Джудичи принадлежит поэтический перевод «Евгения Онегина»: Aleksandr Sergeevič Puškin. Evgenij Onegin (Eugenio Oneghin). Traduzione in versi italiani di Giovanni Giudici. Aldo Garzanti Editore, Milano, 1975.

¹⁵ В этот список включены следующие три названия: In morte del Marchese Cesare Boccella. Parole dette dal sacerdote Luca Teldeschi-parroco di S. Giusto di Brancoli. Lucca, tip. Arcivescovile S. Paolino, 1877; Il Marchese Cesare Boccella. Ricordo di Cesare Sardi. Lucca, tipografia Giusti, 1878; Ricordi e biografie lucchesi di Giovanni Sforza. Lucca, tipografia editrice Baroni, 1916.

К данному списку следует добавить: Pardini D. L. Cesare Boccella e un poema di Kosloff. Poggibonsi, 1924; Bernardini-Sanghellini M. Boccella Cesare. — Dizionario biographico degli Italiani, v. XI. Roma, 1969.

Боччелла пользовался французскими подстрочниками пушкинских поэм, уточнить и расширить список русских знакомых Пушкина, с которыми он общался, и по-новому взглянуть на характер его взаимоотношений с ними, о чем в нашей литературе имелись лишь отрывочные сведения.

Но прежде всего мы имеем теперь возможность познакомиться с биографией итальянского переводчика Пушкина.

Маркиз Чезаре Габриеле Боччелла (таково его полное имя) родился в Лукке 25 марта 1810 г. Учился в религиозном колледже в городе Парма, который окончил в 1825 г., затем в Монпелье, во Франции. В молодости он много путешествовал, побывал в Англии, Испании, Германии, Австрии, России. Позже, в 1838 г., будучи снова во Франции, познакомился с Гизо, с которым состоял в длительной переписке, а также встречался с Шатобрианом.

Факт поездки в Россию, упоминавшийся и в заметке Арриги, кажется, подтверждает предположение о возможности встречи Пушкина и Боччеллы. Однако никто из его биографов не приводит деталей, связанных с этим путешествием. Во всяком случае оно должно было состояться до 1830 г.

На рубеже 1820—1830-х гг. Боччелла входит в свиту герцога Карла-Людовика из династии Пармских Бурбонов, которые в Лукке царствовали временно, поскольку в перспективе должны были вернуться в Парму, отданную по решению Венского конгресса в пожизненное владение дочери австрийского императора Франца I, второй жене Наполеона Марии-Луизе. О Карле-Людовике историк Лукки пишет: «Приятный в манерах, но неуравновешенный и экстравагантный, он не был создан ни для того, чтобы править, ни для того, чтобы подчиняться, но для рассеянной, полной капризов и прежде всего вольной жизни <...> Непостоянство и противоречивость были основными чертами его характера во всем». С 1827 до 1833 г. он «вообще не появлялся в своих счастливых владениях», живя между Веной, Дрезденом и Берлином.¹⁶

Что касается Боччеллы, который был в это время одним из наиболее приближенных к герцогу лиц, то другой историк замечает, что не стал бы относить его к разряду «фаворитов дурного пошиба, от которых он решительно отличался честностью, умом и образованием»; правда, он добавляет, что Боччелла, «к сожалению, был слишком поэтом даже за пределами Парнаса».¹⁷

В 1833 г. Карл-Людовик возвращается в Лукку, где под влиянием французской революции 1830 г. происходит брожение, возглавленное местными либералами. Вопреки требованиям Вены,

¹⁶ Mancini Augusto. Storia di Lucca. Maria Pacini Fazzi editore, Lucca, 1975, p. 329.

¹⁷ Sardi Cesare. Lucca e il suo Ducato. Firenze, Rassegna nazionale, 1912, p. 79—80.

настаивающей па усилении репрессий, он объявляет амнистию и устраняет двух наиболее реакционно настроенных министров. Делается это по совету Бочеллы, который с тех пор сам приобретает репутацию либерала.

Возвращение двора в Лукку сопровождается скандалом, несущим религиозный, но отчасти и политический характер. Одним из главных действующих лиц является опять-таки Бочелла. Речь идет о слухах, согласно которым Карл-Людовик и его друзья из свиты, находясь в Дрездене, тайно обратились из католичества в протестантизм, что наделало много шума в Вене, где этот шаг прямо связывали с либеральными реформами, инспирированными Бочеллой.

Этот эпизод, без сомнения, заинтересовал бы Щеголева, изучавшего роль внучки А. В. Суворова, княгини М. А. Голицыной, в жизни и творчестве Пушкина и в этой связи собиравшего материалы об ее обращении в протестантизм. Справедливо отмечая, что в то время, когда переход русской знати от православия к католичеству был почти эпидемическим, действия Голицыной трудно считать шаблонными,¹⁸ он, очевидно, не учитывал, что они могли иметь и политический оттенок.

Именно в связи с Голицыной Щеголев и цитировал «Записки Бутурлина, в которых упоминается Бочелла. Назвав его «литератором и меломаном, бывшим чем-то при дворе миниатюрного герцогства Луккского»,¹⁹ Бутурлин в другом месте отзывался о нем как о «довольно умном и начитанном человеке», замечая при этом, что «ученостью же не отличалась вообще тогда итальянская аристократия».²⁰

Далее Бутурлин пишет, что Бочелла «воспламенялся (всегда, впрочем, платонически) то к одной, то к другой женщине, идеализируя ее каким-то сверхъестественным в психологическом отношении созданием из всех Евиных дочерей». «Таковою представлялась ему некогда княгиня М. А. Голицына (рожд. княжна Суворова), завлекшая его в туманный мистицизм, который у него зашел до полупротестантизма, а у княгини, если верить молве, до перехода в это исповедание».²¹

Рассказ Бутурлина, относящийся к его пребыванию во Флоренции в 1836 г., подтверждает интерес Бочеллы к религиозным проблемам, проявившийся и в тексте предисловия к сборнику пушкинских поэм, хотя более ранний эпизод со слухами об обращении Карла-Людовика и его приближенных в протестантизм позволяет усомниться в том, что именно Голицына завлекла Бочеллу в «туманный мистицизм».

Для нас более интересен сам факт их духовной близости. Известно, что Голицына жила во Флоренции (а Лукка находится

¹⁸ См.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина, с. 166.

¹⁹ Русский архив, 1897, кн. III, № 9, с. 91—92.

²⁰ Там же, 1901, кн. III, № 10, с. 247.

²¹ Там же.

от нее неподалеку) в конце 1836—начале 1837 г.²² Среди личных документов, принадлежавших Боччелле, сохранились два альбома большого формата, в которые он из года в год наклеивал визитные карточки своих знакомых. Судя по расположению карточки Голицыной, впервые они встретились на модном тогда тосканском курорте Бани ди Лукка зимой 1836/37 г. Очевидно, княгиня делилась с ним доходившими из Петербурга до русской колонии в Тоскане слухами, связанными с трагической гибелью поэта.

Еще одним прямым источником сведений об этом печальном событии могли являться для Боччеллы, служившего в министерстве иностранных дел, рассказы лицейского товарища Пушкина князя А. М. Горчакова, находившегося в то время в Италии на дипломатической службе и приезжавшего в Лукку. Его визитная карточка наклеена рядом с карточкой Голицыной.

Зимой 1838/39 г. Боччелла познакомился в Пизе с княгиней С. Г. Волконской, в доме которой на Мойке Пушкин, как известно, снимал свою последнюю квартиру. В целом же число русских, с которыми Боччелла встречался в Италии между 1836 и 1841 гг., когда вышел сборник переводов пушкинских поэм, исчисляется двумя десятками человек. Некоторые из них, как например члены многочисленной семьи Бутурлиных, поселившейся во Флоренции, также знали Пушкина.

Ранее нам уже встречалось имя княгини Салтыковой, урожденной Долгорукой, доставившей в Россию по поручению Боччеллы экземпляры итальянского издания «Чернеца». Была еще одна женщина, не чуждая интересам русской поэзии, — она выполнила для него «прекрасный буквальный перевод» поэмы Козлова. Но ее имя осталось неизвестным. Впрочем, быть может, это была та же Салтыкова.

Сборник пушкинских поэм Боччелла посвятил «благородной (итальянское слово „nobile“ означает также „дворянка“, — Н. П.) Елизавете Шереметевой, урожденной Мартыновой» — «в знак дружеской признательности». С достаточной степенью достоверности можно полагать, что это она сделала для него подстрочные переводы поэм Пушкина. Визитная карточка Шереметевой появилась в альбоме Боччеллы зимой 1840/41 г., которую он проводил во Флоренции. Некоторые рукописи подстрочных переводов, хранящиеся в архиве, помечены этим же годом.

О Шереметевой мы знаем мало. Но и то, что известно, представляет интерес для нашей темы. Ее имя встречается в публикации «Из записок сенатора К. Н. Лебедева». Автор шокирован тем, что дама курит папиросы, да к тому же дурно воспитывает своих детей. «Но, — продолжает он, — это женщина умная, смелая, образованная, и я не удивляюсь, что она умела так сблизиться с Кат. Чернышевою, существом добрым, восприимчивым

---

²² См.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина, с. 161.

и глубоко признательным) Немаловажная деталь: Екатерина Чернышева, урожденная Тенлова, была замужем за родственником Пушкина, декабристом З. Г. Чернышевым. Рассуждая с позиций человека, принадлежавшего к высшему обществу, сенатор подмечает такие общие черты в судьбах обеих женщин: «Главная вина Чернышевой та, что она (впрочем, ребенком) вышла за ссыльного Захара Чернышева и потому не может иметь места в кругу, в котором хотелось бы, а Шереметевой то, что она, Мартынова, вышла за Шереметева, и Мартыновой не дают места, которое хотела бы и должна иметь Шереметева, а оставшись вдовою 22 лет, она уже не хотела переменить на другое свое имя, которое в России и вне России звучит богатством».²³

Запись Лебедева относится к 1849 г., т. е. сделана через восемь лет после выхода пизанского издания poem Пушкина, но она дает известное представление о взглядах и симпатиях Шереметевой. К этому мы можем добавить, что, согласно хранящемуся в Государственном архиве Тосканы регистру флорентийской Академии изящных искусств, 10 сентября 1843 г. Шереметева была удостоена почетного звания профессора-академика первого класса.²⁴ Умерла она в Италии и похоронена на римском некаатолическом кладбище «Тестацчо» («Testaccio»). На могильной плите высечены даты ее жизни: 7 июля 1812—1 февраля 1891 (по старому стилю).²⁵

После возвращения Карла-Людовика в Лукку, как и до того, Боччелла числится по министерству иностранных дел. Служба не должна была быть слишком обременительной. Столица крошечного государства не имела даже постоянного дипломатического корпуса. Иностранные дипломаты, среди них и Горчаков, лишь навещивались в Лукку, приезжая из соседней Флоренции или из Рима. Герцог, сделавший поначалу жест в сторону либералов, вскоре должен был уступить давлению Вены. Влияние Боччеллы при дворе падало. Когда его жена, бывшая фавориткой Карла-Людовика, напомнила герцогу об обещании сделать мужа министром иностранных дел, тот ответил, что «маркиз Боччелла проводит свой день в молитвах и богоугодных заботах и у него не было бы времени заниматься делами. К тому же маркиз Боччелла всегда окружен священниками, и в Лукке стали бы говорить, что в ней царят и правят церковники».²⁶

Боччелла все больше погружается в литературные труды и теологические исследования. Отныне он — ревностный католик.

²³ Русский архив. 1940, № 11, с. 371—372.

²⁴ Archivio di Stato della Toscana. Ruolo degli Accademici Professori della 1-me Classe.

²⁵ Cimitero Acattolico per gli Stranieri al «Testaccio», zona «a», fila 3, № 28. О захоронениях некоторых из друзей и знакомых Пушкина в Италии см.: Прожогин Н. Бродя в краю чужом. — Нева, 1978, № 6, с. 180—188.

²⁶ Sforza Giovanni. Ricordi e biografie lucchesi, p. 489—490.

Меняются и его политические взгляды. Быть может, высокая оценка пушкинской оды «Свобода» была последним отзвуком его либеральной молодости. В конфиденциальном письме, датированном 9 ноября 1841 г., пьемонтский дипломат маркиз Джанбаттиста Каррега ди Дженова сообщал: «Маркиз Чезаре Боччелла, слышавший здесь в 1830 г. за преданного либеральным взглядам, уже давно пересмотрел свои ошибки, и нынешнее его поведение весьма похвально и весьма примерно во всех отношениях».²⁷

Биографы отмечают хорошие знания Боччеллы в области иностранных языков и литературы. Стихи он начал писать еще в молодости. В 1829 г. в Пизе была напечатана элегия «На смерть И. Пиндемонте». В 1833 г. вышел вторым изданием его сборник «Стихотворения». В 1840 г. увидел свет другой сборник «Стихотворения». К 1841 г. относятся посвященные Жорж Санд «Песни», к 1842 г. — «Поэтические мысли». Но главным литературным произведением Боччеллы биографы считали написанную октавой поэму в двенадцати песнях «Гамплиер», вышедшую в 1845 г. отдельной книжкой.²⁸ Проникнутая религиозным настроением в духе Шатобриана, она явилась своеобразным поэтическим итогом поездки на Мальту, в Египет и Палестину, описанию которых посвящены и его «Письма с Востока», печатавшиеся в луккском журнале «Прагмалоджиа каттолика».

В том же журнале, одним из редакторов которого являлся Боччелла, им опубликован ряд статей, большей частью на религиозные темы. Для понимания эволюции общественно-политических и религиозных взглядов Боччеллы наибольший интерес представляет его работа «О современном состоянии протестантизма в Германии» (*Pragmalogia cattolica*, VIII, 1840, p. 207—222; IX, 1841, p. 5—24, 45—71), сопровождаемая своего рода исповедью, в которой он кается в том, что в молодости поддался «бесконечным соблазнам» рационализма и, пройдя через скептицизм Вольтера, увлекся впоследствии «фатальной видимостью свободы, которую заключает в себе протестантизм».

В конце 1840-х гг. в истории Лукки произошло событие, в результате которого, на первый взгляд, перед Боччеллой открылись новые возможности, достойные его репутации широкообразованного человека. Но окончились они для него чрезвычайно плачевно.

По Венскому трактату 1815 г. и подписанному в 1817 г. в Париже Дополнительному акту к нему после окончания царствования в Парме Марии-Луизы и возвращения туда Пармских Бур-

²⁷ Там же.

²⁸ *Boccella Cesare. In morte di I. Pindemonte, Elegia. Pisa, 1829; Versi di Cesare Boccella. Seconda edizione. Pisa, co' caratteri di Didot, MDCCCXXXIII; Versi di Cesare Boccella. Pisa, presso Capurro, MDCCCXLI; Boccella Cesare. Canzone. Pisa, MDCCCXLI; Boccella Cesare. Pensieri poetici. MDCCCXLII; Boccella Cesare. Il Templiere. Lucca, co' tipi del Giusti, 1845.*

бовов Лукка должна была отойти к великому герцогству Тосканскому. В 1847 г. Карл-Людвик, окончательно запутавшийся в делах правления, особенно финансовых, предпочел досрочно отдать Лукку в обмен на выделявшееся ему денежное содержание.

Это был разгар Рисорджименто — движения за освобождение от иностранного господства и объединение разрозненных итальянских государств. Приближались революционные события 1848—1849 гг. Присоединение к великому герцогству Тосканскому, где на престоле находился Леопольд II, оказывавшийся во все большей зависимости от реакционной политики, диктовавшейся ему из Вены, было крайне непопулярно. В Лукке патриоты выкрикивали лозунг: «Итальянцы — да! Тосканцы — нет!».

В 1848 г. Боччелла, занимавший в то время пост председателя католической ассоциации Лукки, был избран депутатом Тосканской ассамблеи от консервативной партии. В следующем году он получил (говорили, по рекомендации русского горнозаводчика А. Н. Демидова, проживавшего постоянно во Флоренции) пост министра общественного образования. Те, кто знал Боччеллу-либерала начала 1830-х гг., не смогли бы узнать его в Боччелле-министре. Его руками был закрыт Университетский колледж в Лукке и расчленен Пизанский университет, ряд кафедр которого перевели в Сиену, — власти боялись студенческих волнений. С именем Боччеллы связывались и другие реакционные меры, вызвавшие ненависть к нему прогрессивно настроенных кругов.

В 1854 г. Леопольд II, еще пытавшийся спасти свой трон, увольняет Боччеллу в отставку. Но время великого герцогства сочтено. В 1859 г. Леопольд вынужден навсегда покинуть Тоскану, присоединившуюся в следующем году к Итальянскому королевству. Для Боччеллы это означает лишение пенсии. В том же 1859 г. он возвращается в Лукку, живет в уединении в небольшой, уцелевшей до наших дней загородной вилле. Произведения его в печати больше не появляются.

Летом 1980 г., работая в Государственном архиве ЧССР в Праге, мы обнаружили девять писем Боччеллы к Леопольду II, относящихся к периоду 1857—1867 гг. (бывший великий герцог Тосканский, уехав в Австрию, поселился в Чехии, или Богемии, как ее в то время называли; таким образом, его архив оказался в Чехословакии). Для умонастроений Боччеллы последних лет его жизни показателен такой пассаж из письма, датированного 20 декабря 1867 г.: «В том, что это вовсе не конец света и мир должен возродиться на бессмертных принципах католицизма, я не сомневаюсь, но мы, люди старого поколения, этого не увидим, и не знаю, как сможет это увидеть поколение, рождающееся в презрении, больше того в *ненависти* к сверхъестественному, в материализме наслаждения любой ценой, сменившем святость религиозного чувства, в потоке богохульства, наводняющего ежедневную печать, и в разлагающей деятельности обществ,

являющихся уже не *тайными*, а открыто *языческими*. Да сжалится над нами господь бог!». (Слова, выделенные курсивом, в письме подчеркнуты).²⁹

Так завершилась политическая и общественная эволюция Чезаре Боччеллы, слывшего в молодости либералом. Неудивительно, что в новой, объединенной Италии он был забыт уже при жизни.

Среди бумаг Боччеллы, хранящихся в луккском архиве, был обнаружен листок с написанным от руки текстом: «Чезаре Боччелла / Последний в семье / Родился 25 марта 1810 / Умер... / Я хочу, чтобы эту надпись высекли на камне, который закроет мою могилу...».

По обе стороны от ворот городского кладбища Лукки стоят две капеллы. Сразу при входе в левую из них в пол вделана небольшая квадратная плита белого мрамора. В начале составленной Боччеллой эпитафии добавлено: «Маркиз», в конце: «12 октября 1877».

* * *

Хранящиеся в филиале Государственного архива в Лукке бумаги Боччеллы разделены на две части.³⁰

К первой отнесены документы официального характера: разрешение на чтение «запрещенных» книг, свадебный контракт с Виргинией Пледё баронессой Майнау, составленный в Вене 13 мая 1830 г., назначение камергером Луккского двора от 19 октября того же года, купчие, акт о смерти... Никаких сведений о поездке в Россию среди бумаг нет.

Во второй папке находятся рукописи, связанные с литературной работой Боччеллы. Как уже отмечалось, некоторые подстрочные переводы поэм Пушкина датированы 1841 г., другие — без дат. (В конце «Кавказского пленника» приписка — крик души переводчика: «Аминь и слава богу!»). Все подстрочники выполнены на французском языке. На полях аккуратные пометки с пояснением имен собственных, географических названий или таких слов, как «аул», воспроизведенные затем в сносках печатного издания.

Ласорса отмечала неправильное написание в предисловии к пушкинским поэмам фамилии Гончаровой, но в рукописи она транскрибирована правильно. Однако в рукописи имеются другие неточности, повторенные в печатном тексте и несущие следы восприятия на слух или ошибки памяти. Так, Онегин пишется через «А», среди лицеистов наряду с Дельвигом назван «знаме-

²⁹ Státní ústřední archiv v Praze. Rodinný archiv Toskánských Habsburgů. Deníky a korespondence Leopolda II. 1814—1870. Boccella Cesare.

³⁰ Имеется опись: Inventario delle Carte del Marchese Cesare Boccella (Лукка, 24 marzo 1810—12 ottobre 1877). Redatto dall' Archivistà di Stato dott. Arnaldo d'Addario. 1951. (Указанная здесь дата рождения, встречающаяся также в некоторых печатных изданиях, очевидно, ошибочна).

пшты Баратынский». В рукописи две последние цифры года смерти Пушкина пропущены, а в печатном тексте год указан ошибочно — 1836.

Среди этих бумаг есть листок почтовой бумаги с подстрочными переводами обоих стихотворений М. Ю. Лермонтова, озаглавленных «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...») и «В минуту жизни трудную...»). Судя по виньетке в виде букета роз, они присланы одной из русских поклонниц Боччеллы.

Известно, что семейные бумаги, поступающие в публичные архивы, содержат мало документов, относящихся к личной жизни. Обычно они изымаются владельцами. Но в архиве Боччеллы удивляло отсутствие хотя бы одного адресованного ему письма. Бывший директор Государственного архива в Лукке доктор Доменико Корси рассказал нам, что, когда две преклонного возраста женщины пришли посоветоваться, что им делать с доставшимися от предка, нотариуса Боччеллы, бумагами, и он предложил сдать их на хранение, те пришли в ужас: «Как? Но ведь у маркиза были нелады с женой! И потом, эта история с обращением в протестантизм...».

По мнению Д. Корси, перед передачей бумаг вся переписка была ими уничтожена. Все же мы предприняли еще одну попытку разыскать ее. Результатом явились обнаруженные в доме профессора Пьерфранко Динуччи альбомы с визитными карточками.³¹ Охватывая период с 1836 по 1859 г., они содержат около 120 русских (среди них — В. В. Стасов, работавший в 1851—1854 гг. в качестве личного секретаря А. Н. Демидова) и польских имен, что подтверждает не только многочисленность русской колонии во Флоренции, но и интерес Боччеллы к России. Если другие его документы все же где-то сохранились, быть может, в них содержатся сведения и о его поездке в нашу страну. Что касается предположения о встрече Боччеллы с Пушкиным, то она представляется нам маловероятной.

---

³¹ Искренне благодарим всех, кто помогал нам в поиске, прежде всего служащего совета провинции Лукка доктора Джанфранко Чиарделла, оказывавшего нам неизменно любезное содействие на всех этапах, от присылки журнала «Провинция ди Лукка» до визита к профессору Динуччи. Выражаем благодарность доктору Л. Шпетовой, сотруднице Центрального государственного архива ЧССР в Праге, за помощь при работе в этом архиве. Наша признательность также — заведующей Пушкинским кабинетом Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР В. В. Зайцевой за консультацию по русским дореволюционным и советским источникам.

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1978 ГОДА

- Абрамович С. Л. К истории дуэли Пушкина. (Аудиенция во дворце 23 ноября 1836 года). — Вopr. лит., 1978, № 11, с. 210—228.
- Айрумян Л. В. «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина по-древнеармянски. — Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки, 1978, № 2, с. 206—215.
- Впервые публикуется текст поэмы в переводе М. Эмина.
- Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водою...: Очерки, статьи, беседы, интервью. — Фрунзе: Кыргызстан, 1978. — 406 с.
- С. 222—223: «Кто полюбит Пушкина, тот полюбит и русский язык». [Впервые: Лит. Киргизстан, 1974, № 3]. С. 223: «О Пушкине». [Впервые: Сов. культура, 1974, 4 июня. Ответ на анкету].
- Акутин Ю. Родословная «Барышни-крестьянки». — Наука и жизнь, 1978, № 3, с. 87.
- Ариповский В. И. Свообразие лаконизма пушкинской прозы. — В кн.: Вопросы русской литературы: Респ. межвед. науч. сб. Вып. 2 (32). Львов: Вища школа, 1978, с. 72—79. — (М-во высш. и средн. спец. образования УССР. Черновиц. ун-т).
- Асафьев Б. В. М. И. Глинка. — Л.: Музыка, 1978. — 314 с.
- Кн. I. М. И. Глинка, как творческая биография и его мысли о музыке и музыкантах. Введение. I. До эпохи «Руслана». II. Эпоха «Руслана». III. После «Руслана».
- Кн. II. «Руслан и Людмила».
- Ахметов Э. А. Современное развитие и традиции казахской литературы. — Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1978. — 327 с.
- С. 79—96: Гл. 3. Пушкин и казахская литература.
- Барковская А. Ф. В мире Пушкина: (Буния и Пушкин). — В кн.: Писатель и действительность: Учеб. пособие по спец. курсу для студентов-заочников филол. фак. пед. ин-та. Минск, 1978, с. 26—45. — (М-во просвещения БССР. Минский пед. ин-т им. А. М. Горького).
- Басманов А. Нащокип здесь одна моя отрада... — Огонек, 1978, № 23, с. 20.
- Рец. на кн.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокип. — Л.: Наука, 1976.
- Белодубровский А. Семейная пушкиниана. — Нева, 1978, № 6, с. 217—218.
- О коллекции В. К. Яковлева.
- Белоусов Р. С. Кирджали — подлинный участник Гетерии. — В кн.: Белоусов Р. С. Тайна Иппокрены. М.: Сов. Россия, 1978, с. 147—170.
- Благой Д. Д. О традициях и традиционности. — В кн.: Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978, с. 28—36. — (АН СССР. Науч. совет по истории мировой культуры).
- На материале становления предпушкинской национальной культуры и творческой деятельности Пушкина.

Богданов-Березовский В. М. Пушкин и советский музыкальный театр. — В кн.: В. М. Богданов-Березовский: Статьи. Вспоминаем. Письма. Л.; М.: Сов. композитор, 1978, с. 62—89.

1. Пушкин и музыкальная культура. — 2. Пушкин и советская опера.

Написано в 1948 г.

Богомолова Н. О пушкинской традиции в творчестве Юлиана Тувима. — Сов. славяноведение, 1978, № 4, с. 31—43.

Бойко К. Восточные корни мотива о золотом петушке в сказке А. С. Пушкина. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XIII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (докл. и сообщ. по арабистике). М.: Наука, 1978, с. 14—20. — (АН СССР. Ин-т востоковедения. Ленингр. отд-ние).

Болдинские чтения. [1977]. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. — 151 с. — (Болдинский музей-заповедник А. С. Пушкина. Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского).

Содерж.: Поэтика Пушкина и проблемы изучения текста. Л. С. Сидяков. Болдинская лирика как этап в эволюции пушкинской лирики на рубеже 1830-х годов; Н. Е. Меднис. «Слово» читателя в творчестве Пушкина 30-х годов; В. А. Грехнев. Дружеское послание пушкинской поры как жанр; Б. Ф. Егоров. О жанрах литературно-критических статей Пушкина; Н. И. Михайлова. Пушкин-прозаик и риторика его времени; Ю. Н. Чумаков. Поэтическое и универсальное в «Евгении Онегине»; Д. И. Белкин. О характере ориентальных мотивов в черновиках «Евгения Онегина»; М. С. Альтман. У истоков творчества Пушкина. (Штрихи и заметки). — Пушкин в Нижегородском крае. Г. В. Краснов. Берлинское издание «Стихотворений» Пушкина в Нижегородской губернии; К. Е. Кореева. Пушкинские записи свадебных песен и нижегородская обрядовая традиция; Т. И. Белоус. Русские народные песни в записи А. С. Пушкина и проблемы атрибуции фольклорных текстов; Н. А. Борисова. Деревня Львовка как часть болдинского владения Пушкиных; Л. М. Малышкина. Об усадебном комплексе болдинского имения.

Бонди С. М. «Моцарт и Сальери» Пушкина. — Лит. учеба, 1978, № 2, с. 192—245.

Бонди С. М. О Пушкине: Статьи и исслед. — М.: Худож. лит., 1978. — 477 с.; 1 л. портр.

Содерж.: От автора. — Рождение реализма в творчестве Пушкина. — Драматургия Пушкина. [Впервые частично в кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. — М.; Л., 1941]. — «Моцарт и Сальери». — Пушкин и русский текзаметр. — Народный стих у Пушкина. — Памятник.

Рец.:

Селиванова С. Д. Познание Пушкина. — Вопр. лит., 1979, № 10, с. 273—279.

Чайковская В. — Лит. обозрение, 1979, № 6, с. 87—88.

Бонди С. М. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978, с. 3—44. — (Школьная 6-ка).

Болдин С. М. Черновики Пушкина: Статьи 1930—1970 гг. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1978. — 231 с., пл.

Борова О. В. Мегафора в лирике Пушкина 1830-х годов. — Вестн. МГУ. Филология, 1978, № 1, с. 82—87.

Боровский В. Е. Образы Пушкина на оперной сцене: (Режиссура В. А. Лосского). — В кн.: Пьеса и спектакль: Сб. статей. Л., 1978, с. 152—162. — (М-во культуры РСФСР. Ленингр. ин-т театра, музыки и кинематографии).

Бочаров И., Глушакова Ю. Бутурлины — друзья детства Пушкина. — Огонек, 1978, № 32, с. 24—26 с пл.

- То же. — В кн.: Бочаров И., ГлушакOVA Ю. Русский клуб у фонтана Треви: Из итальянских разысканий. М.: Правда, 1979, с. 52—63. — (Б-ка «Огонек», № 20).
- Бочаров И., ГлушакOVA Ю. Венецианская пушкиниана. — Огонек, 1978, № 7, с. 22—25, ил. между с. 24—25.
- Впервые публикуются портреты Е. М. Хитрово, Д. Ф. и Ш.-Л. Фикельмон.
- Булаховский Л. А. Художественный язык А. С. Пушкина. — В кн.: Булаховский Л. А. Избранные труды: В 5-ти т. Т. 3. Славистика. Рус. яз. Киев: Наукова думка, 1978, с. 532—559.
- Впервые: отд. изд. Киев, 1947.
- Ваншенкин К. Я. Зимняя дорога. — Лит. учеба, 1978, № 5, с. 205—207.
- Заметки о стихотворении Пушкина «Зимняя дорога».
- Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига—Пушкина. — М.: Книга, 1978. — 287 с.
- С. 108—152: Гл. IV. Пушкинский альманах.
- Рец.:
- Ходоров А. Е. — Звезда, 1979, № 9, с. 222.
- Вершины. Книга о выдающихся произведениях русской литературы: Сб. статей. — М.: Дет. лит., 1978. — 432 с.
- С. 177—210: В. И. Коровин. Истина страстей. («Маленькие трагедии» А. С. Пушкина). С. 241—245; С. М. Бонди. Роман в стихах («Евгений Онегин» А. С. Пушкина). С. 247—274; Д. Д. Благой. Роман о вожде народного восстания. («Капитанская дочка» А. С. Пушкина). С. 275—297; М. П. Еремин. Муза свободы. (Стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» А. С. Пушкина). С. 298—313; И. Л. Андроников. Грозный суд поэзии. (Стихотворение «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова).
- Власова Л. Д. Устойчивые народно-песенные конструкции в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Специфика фольклорной лексики и фразеологии. Курск, 1978, с. 82—90. — (Науч. тр. Курск. пед. ин-та, т. 186).
- Волков Г. «Дружина ученых и писателей...». — Студ. меридиан, 1978, № 12, с. 33—36.
- Волков Г. Пушкин и Чаадаев: высокое предназначение России. — Новый мир, 1978, № 6, с. 250—266.
- Волков Ф. Г. Луначарский в Пушкинском заповеднике [в 1926 г.]. — В кн.: А. В. Луначарский. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978, с. 233—239. — (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Володько Т. М. Трагедии Шекспира в трагедии Пушкина «Борис Годунов» (тема народа). — В кн.: Творчество молодых: Сб. студ. науч. работ. Минск, 1978, с. 57—61. — (Минский пед. ин-т им. А. М. Горького).
- Воробьева И. И. Принцип историзма в изображении характера: Классическая традиция и советская литература. — М.: Наука, 1978. — 264 с. — (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
- С. 21—103: Гл. 1. Рождение реалистического характера. Русский исторический роман пушкинского времени. Историзм Пушкина.
- Гавриленко М. А. Об одной интонационно-синтаксической оппозиции в авторском повествовании романа «Евгений Онегин». — В кн.: Термин и слово: Межвуз. сб. Вып. 1 (7). Горький, 1978, с. 155—164. — (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Горьк. ун-т им. Н. И. Лобачевского).
- Герасимова К. М. Семантическая характеристика прилагательного «сладкий» в языке А. С. Пушкина. — В кн.: Проблемы стилистики и лексики русского языка: Межвуз. сб. М., 1978, с. 72—80. — (М-во просвещения РСФСР. Моск. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

- Голубева Т. В. Автор в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и в романе Амана Кекклова «Любовь». — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1978, № 2, с. 32—38.
- Гордеев Н. П., Пешков В. П. Тамбовская тропинка к Пушкину. — 2-е изд., испр. — Воронеж: Центр-Чернозем. кн. изд-во, 1978. — 175 с.
- Гордин Я. А. История и нравственность в драматургии Пушкина. — Вопр. лит., 1978, № 5, с. 274—281.
Рец. на кн.: Рассадин Ст. В. Драматург Пушкин. Поэтика. Идеи. Эволюция. — М.: Искусство, 1977.
- Гречина О. Н. О фольклоризме «Евгения Онегина». — В кн.: Русский фольклор. Т. 18. Славянские литературы и фольклор. Л.: Наука, 1978, с. 18—41. — (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Григорьева А. Д. К вопросу об анализе языка поэтического текста. — Вопр. языкознания, 1978, № 3, с. 62—74.
Анализ стихотворений «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» и «Был я среди донцов...».
- Гусев А. И. Комплексный подход к нравственно-эстетическому воспитанию учащихся при изучении «Евгения Онегина». — В кн.: Коммунистическое воспитание учащихся в процессе изучения русского языка и литературы. — Рига: Звайгзне, 1978, с. 28—53. — (Науч.-исслед. ин-т педагогики М-ва просвещения Латв. ССР).
- Дементьев В. Признание в любви. — В кн.: Дементьев В. За белой зарей: [Новеллы, повести, эссе]. — М.: Современник, 1978, с. 261—299.
«Пушкин и Земфира». — «Еще твоей молвой...». — «В Юрчанах». — «Песни Марфулы». — «Дунай ты мой, Дунай». — «Да сохранится же заветное преданье!» [Впервые первые три новеллы напечатаны: Москва, 1966, № 2, с. 195—208].
- Дзахов И. М. К вопросу о художественных переводах в осетинской литературе: (Нигер — переводчик Пушкина). — Изв. Ин-та истории, экономики, яз. и лит., Орджоникидзе, 1978, т. 33, с. 104—117.
- Дмитровский А. З. О композиции литературно-критической статьи: (Образ автора-критика в статьях Белинского о Пушкине). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Вып. 4. Калининград, 1978, с. 39—45. — (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калининград. ун-т).
- Добродомов И. Г. Из заметок по лексике А. С. Пушкина: (По следам разысканий о слове шаматон из «Капитанской дочки»). — В кн.: Основы лингвистического анализа и методика преподавания иностранных языков в высшей школе: Межвуз. темат. сб./ Под ред. канд. филол. наук, доцента О. Т. Молчановой. Вып. 3. Ярославль, 1978, с. 17—28. — (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Ярослав. ун-т).
- Дычко Д. Мир Пушкина, мир исследования. — Новый мир, 1978, № 2, с. 271—273.
Рец. на кн.: Благой Д. Д. Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. М.: Сов. писатель, 1977.
- Енцолопов И. К. Историчность стихотворения Пушкина «Не пленяйся бранной славой». — Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства, 1978, № 1, с. 8—9.
Доклад, прочитанный на Пушкинской конференции в Тбилиси в 1977 г.
- Еремина Л. И. Почему всадник — медный? — Наука и жизнь, 1978, № 2, с. 127—129.
О стилистике «Медного всадника».
- Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы/ Отв. ред. М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин. Изд. подгот. Н. А. Жирмунской. — Л.: Наука, 1978. — 423 с. — (АН СССР. Отд-ние лит. и яз.).
Впервые: Байрон и Пушкин. — Л., 1924; Пушкин и западные ли-

- тературы. — В кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Т. 3 М.; Л., 1937, с. 66—103.
- Зайцев Н. В. Советский спектакль исторической темы: Современные тенденции. Учеб. пособие. — Л., 1978. — 109 с. — (М-во культуры РСФСР. Ленингр. ин-т театра, музыки и кинематографии).
- Ч. II. Образы великих художников. С. 68—82. 2. На сцену выходит Пушкин. С. 82—94. 3. Памятник или живой человек? [Пьеса В. Коростылева «Шаги командора» в Театре им. Евг. Вахтангова].
- Западов А. В. От рукописи к печатной странице: О мастерстве редактора. — М.: Сов. писатель, 1978. — 304 с.
- С. 63—112: Гл. 2. Пушкин-редактор.
- Звозников А. А. Проблема изображения русского национального характера в художественной прозе Пушкина: Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. — Л., 1978. — 21 с. — (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Зленко Г. Из альбома губернатора. — В мире книг, 1978, № 6, с. 93—94.
- В. Л. Шамиот и Пушкин. Списки пушкинских произведений в фонде Шамиотов (Гос. архив Одесской области).
- Ибрагимов М. Пушкин и азербайджанская литература. — Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства, 1978, № 1, с. 3—7.
- Доклад, прочитанный на Пушкинской конференции в Тбилиси в 1977 г.
- Иезуитова Р. В. Заветная лира. [Рец. на кн.: Благой Д. Д. Душа в заветной лире. — М.: Сов. писатель, 1977]. — Лит. в школе, 1978, № 1, с. 92—94.
- Иова И. Ф. Пушкин в документах дела Алексева-Радича. — Рус. лит., 1978, № 4, с. 106—108.
- Искусство звучащего слова. Вып. 19. — М.: Сов. Россия, 1978. — 125 с. — (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности», № 15).
- С. 53—70: О. П. Белоу. «Венок Пушкину». [О работе над Пушкинской программой]. С. 76—115: Я. М. Смоленский. Стихи и как их читать вслух.
- Карпов А. А. О повествователе в «Путешествии из Москвы в Петербург» А. С. Пушкина. — В кн.: Вопросы филологии. Вып. 7. Л., 1978, с. 187—195. — (Ленингр. ун-т им. А. А. Жданова).
- Карпова Е. С. Прижизненные издания А. С. Пушкина в собрании Отдела редких книг Научной библиотеки Московского университета. — В кн.: Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 49—71.
- Кедров К. А. Неюбилейный Пушкин. — Вопр. лит., 1978, № 2, с. 274—279.
- Рец. на кн.: Благой Д. Д. Душа в заветной лире. — М.: Сов. писатель, 1977.
- Кедров К. А. Человек и природа в романе Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Писатель и жизнь: Сб. ист.-лит., теоретич. и критич. статей. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 146—152. — (Лит. ин-т им. А. М. Горького Союза писателей СССР).
- Керцелли Л. Ф. Удивительный рисунок Пушкина. — Огонек, 1978, № 23, с. 48 с ил.
- Автопортрет Пушкина в образе лошади.
- Ким И. А. А. С. Пушкин и бурятская советская литература. — В кн.: Литература и современность. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978, с. 39—56.
- Кирлюк З. В. Освоение пушкинских принципов изображения личности в украинском художественном переводе. — В кн.: Из истории взаимосвязей братских литератур: (вторая половина XIX—начало XX вв.). Киев: Наукова думка, 1978, с. 127—164. — (АН УССР. Ин-т лит. им. Т. Г. Шевченко).
- Кирпотин В. Я. О личности, смене поколений и индивидуальных ценностях. — В кн.: Кирпотин В. Я. Избранные работы: В 3-х т.

Т. 1. Пушкин. Лермонтов. Салтыков-Щедрин. М.: Худож. лит., 1978, с. 7—39.

Впервые: Новый мир, 1975, № 6, с. 244—255.

Кирпоти В. Я. У истоков романа-трагедии: Достоевский. Пушкин. Гоголь. — В кн.: Кирпоти В. Я. Избранные работы: В 3-х т. Т. 3. Разочарование и крушение Родиона Раскольников. Достоевский-художник. М.: Худож. лит., 1978, с. 472—548.

Впервые в кн.: Достоевский и русские писатели. Традиции. Новаторство. Мастерство: Сб. статей. М.: Сов. писатель, 1971, с. 9—86.

Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. — М.: Современник, 1978. — 303 с.

С. 42—94: 3. Пушкинская поэтическая эпоха. С. 95—154: 4. После Пушкина. Тютчев и его школа.

Козловский Ю. Поэзия и мысль русской лирики. — Вопр. лит., 1978, № 2, с. 279—284.

Рец. на кн.: Маймин Е. А. Русская философская поэзия:

Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. — М.: Наука, 1976.

Колосова Н. А. Антиромантические тенденции в «светских» повестях и новеллах Пушкина и Мериме. — В кн.: Живые традиции: Из истории и теории литературы. Сборник к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Н. К. Пиксанова/ Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978, с. 42—53.

Кондратьева Ю., Петрова Г. Тропа к писателю. — Лит. в школе, 1978, № 1, с. 82—84.

Рец. на кн.: Боголепов П. К., Верховская Н., Сосницкая М. Тропа к Пушкину. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., Дет. лит., 1974.

Кончин Е. В. Дело об исчезновении портрета [Пушкина работы В. А. Тропинина]. — В кн.: Кончин Е. В. Московский поиск: Судьбы. Открытия. Гипотезы. Загадки. М.: Моск. рабочий, 1978, с. 113—127.

Впервые под загл. «Глядим назад, следов не видя там...». — Знание — сила, 1973, № 8, с. 43—45.

Копылова Н. И. Об одном фольклорном образе в романтической литературе. — В кн.: Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978, с. 112—117.

Образ коня в произведениях Пушкина («Руслан и Людмила», «Сраженный рыцарь», «Песнь о вещем Олеге»).

Коровин В. И. «Ужасный век, ужасные сердца!». — В кн.: Пушкин А. С. Маленькие трагедии. М.: Дет. лит., 1978, с. 5—18. (Школьная б-ка).

Краваль Л. Е. W. — Лит. учеба, 1978, № 3, с. 158—164.

Об адресате стихотворения «В последний раз твой образ милый...».

Крамарев Н. «Послужила типом Анны Карениной». [М. А. Гартунг]. — Огонек, 1978, № 37, с. 19.

Краснокутский В. Особенности историзма Пушкина. — Вопр. лит., 1978, № 3, с. 257—261.

Рец. на кн.: Тойбин И. М. Пушкин. Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.

Крейн А. З. В зрительном зале московского Пушкинского музея. — Театр, 1978, № 6, с. 94—96.

Кулешов В. В. Новые этюды о Пушкине ученых США. — Вестн. МГУ. Филология, 1978, № 4, с. 88—90.

Рец. на кн.: Canadian-American Slavic Studies, 1976, vol. 10, № 2.

Кулешов В. И. История русской критики XVIII—XIX веков: [Учебник для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1978. — 526 с.

С. 125—142: Гл. 7. На подступах к реалистической критике. 1830-е годы (Надеждин, Пушкин, Гоголь).

- Куриц Н. Я. А. П. Куницын, учитель Пушкина, государствовед. — Сов. государство и право, 1978, № 3, с. 106—112.
- Курочкина Г. Г. Пушкин глазами детей. — Юный художник, 1978, № 6, с. 28—32 с ил.
Всероссийская выставка «Пушкин глазами детей», организованная Гос. музеем А. С. Пушкина в 1975 г.
- Кусов Г. Кобинский рисунок Пушкина. — Лит. Осетия, 1978, № 52, с. 88—92.
Расшифровка кавказского рисунка Пушкина «Пейзаж Северного Кавказа с фигурами горцев».
- Кушаков А. В. Пушкин и Польша. — Тула: Ирнок. кн. изд-во, 1978. — 112 с.
Содерж.: Введение. — Польская тема в творчестве А. С. Пушкина в 20-е годы. (До польского восстания 1830—1831 гг.). — А. С. Пушкин и польское восстание 1830—1831 годов. — А. С. Пушкин и Адам Мицкевич. — Заключение. — Примечания.
- Лагутов В. «Станционный смотритель» А. С. Пушкина: переключки и реминисценции. — В кн.: Проблемы поэтики. Т. 4. Самарканд, 1978, с. 23—33. — (Тр. Самарк. ун-та им. А. Навои. Новая сер. Вып. 361).
- Ларионов А. Подвижнический труд [С. С. Гейченко]. — Аврора, 1978, № 2, с. 66—68 с фот.
- Леец Г. Портрет Ганнибала. — Знание — сила, 1978, № 4, с. 46—48 с портр.
- К атрибуции портретов прадеда Пушкина А. П. Ганнибала.
- Лукницкий П. Н. Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой: (По материалам архива П. Лукницкого) / Публ., сост. и вступ. заметка В. Лукницкой. Комментар. В. Непомнящего, С. Великовского. Послесл. В. Непомнящего. — Вопр. лит., 1978, № 1, с. 185—228.
- Лурье С. Ирония и судьба: (Заметки о «Капитанской дочке» Пушкина). — Аврора, 1978, № 6, с. 65—75.
- Любимов Б. Тайна и разгадка. — Театр, 1978, № 7, с. 129—132.
Рец. на кн.: Литвиненко Н. Г. Пушкин и театр. — М.: Искусство, 1974; Фельдман О. М. Судьба драматургии Пушкина. — М.: Искусство, 1975; Рассадин Ст. Б. Драматург Пушкин. — М.: Искусство, 1977.
- Магазаник Э. Б. Зачем понадобилось Пушкину «оживающее» изваяние Командора? Статья первая. — В кн.: Проблемы поэтики. Т. 4. Самарканд, 1978, с. 4—16. — (Тр. Самарк. ун-та им. А. Навои. Новая сер., вып. 361).
I. Ошибка великого критика. — II. Как истолковывают роль Каменного командора.
- Магазаник Э. Б. Ономастика, или «Говорящие имена» в литературе. — Ташкент: Фан, 1978. — 146 с. — (Самарк. ун-т им. А. Навои).
Ч. II. Ономастика: имя собственное в широком контексте. Ономастика на службе идейного подтекста произведения. С. 62—74: Две Лизы: крестьянка-барышня и барышня-крестьянка. С. 75—82: Эстафета имен и творческая преемственность. (Онегин—Арбенин—Каренин). С. 124—139: Два римских имени в «Графе Нулине» и подспудная идея этой новеллы в стихах.
- Макаров А. А. В. А. Жуковский — редактор Пушкина: (Проблема атрибуции спорных вариантов стихотворений посмертного издания 1838—1841 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. — М., 1978. — 24 с. — (МГУ. Филол. фак. Каф. рус. лит.).
- Макаровская Г. В. «Медный всадник»: Итоги и проблемы изучения / Под ред. проф. Е. И. Покусаева. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. — 95 с.
- Макаровская Г. В. Пушкин в оценке Чернышевского: (Проблема историзма в литературно-критической концепции Чернышевского середины 50-х годов). — В кн.: Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследо-

вания и материалы. Межвуз. науч. сб. Вып. 8/ Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978, с. 58—111.

Макогоненко Г. П. Священный дар. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные сочинения: В 2-х т. Т. I. М.: Худож. лит., 1978, с. 5—48. — (Б-ка классики. Рус. лит.).

Макринов Д. Б. XXV Пушкинская конференция. — Рус. лит., 1978, № 4, с. 214—219.

Изложение докладов, прочитанных на конференции, посвященной обзору пушкиноведения за 60 лет.

Малинина Л. М. На пути к реализму: (К проблеме традиций и новаторства в раннем творчестве А. С. Пушкина). — В кн.: Писатель и действительность: (Учеб. пособие по спец. курсу для студентов-заочников филол. фак. пед. ин-та). Минск, 1978, с. 12—25. — (М-во просвещения БССР. Мнвский пед. ин-т им. А. М. Горького).

Мануйлов В. А., Холшевникова Е. В. О романе «Дубровский». — В кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1978, с. 75—85. — (Школьная б-ка).

Впервые в кн.: Пушкин А. С. Дубровский. Л., 1964, с. 71—79.

Маркович Я. С. Эпизод «Онегина». — Лит. учеба, 1978, № 2, с. 222—223. «Евгений Онегин» и стихотворение Бунина «Игроки».

Медриш Д. Н. Трезвый реализм: («Медный всадник» А. С. Пушкина и сказка). — В кн.: Проблемы реализма: Вып. 5/ Под ред. проф. В. В. Гура. Вологда, 1978, с. 16—25. — (Вологод. пед. ин-т. М-во просвещения РСФСР).

Милованова О. О. «Борис Годунов» Пушкина в русской критике 1830-х годов: (Проблема художественного историзма). — В кн.: Живые традиции: Из истории и теории литературы/ Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978, с. 19—31.

Мпльдон В. И. Некоторые связи национального мироощущения с русским пейзажем в лирике Пушкина. — В кн.: Проблемы пейзажа в европейском искусстве XIX в. М.: Сов. художник, 1978, с. 179—192. — (Гос. музей изобразит. искусств им. А. С. Пушкина. Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР. Материалы науч. конференции (1976)).

Мирский Д. П. А. С. Пушкин: (Из биографии). — В кн.: Мирский Д. П. Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1978, с. 21—184.

Впервые: Звезда, 1937, № 1, с. 102—146; № 2, с. 205—251.

Михайлова Н. И. Седьмые Болдинские чтения. — Вопр. лит., 1978, № 2, с. 309—311.

Изложение докладов, прочитанных на Болдинских чтениях 1977 г.

Муценко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. — 287 с.

С. 41—54: Гл. 2. Пушкинские «Повести Белкина» как пример

зарождения сказа на фоне персонафицированного повествования. Назарова Г. И. Рец. на кн.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. — Л.: Наука, 1976. — Звезда, 1978, № 1, с. 220—221.

Нарышкина Н. Пушкин о живописных портретах. — Художник, 1978, № 6, с. 54—56.

Наумова Н. А. Образ Татьяны: романтизм и народность. — В кн.: Живые традиции: Из истории и теории литературы/ Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978, с. 31—41.

Наумова Н. А. «Разбойничья тема» в поэмах А. С. Пушкина и Н. М. Языкова. — В кн.: Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб., Уфа, 1978, с. 98—104. — (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Башк. ун-т им. 40-летия Октября).

«Братья разбойники» Пушкина и «Разбойники» Языкова.

- Недзведский В. А. «Иные нужны мне картины...»: (О природе «поэзии жизни» в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина). — Изв. АП СССР. Серия лит. и яз., 1973, т. 37, № 3, с. 221—231.
- Неелов Е. М. «Пиковая дама» Пушкина и научная фантастика: (К постановке вопроса). — В кн.: Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1978, с. 32—38. — (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Петрозавод. ун-т им. О. В. Куусинена).
- Некрасова М. А. Палехская миниатюра. — Л.: Художник РСФСР, 1978. — 363 с., ил.
С. 145—185: «Пушкинские темы. Проблема индивидуального образа».
- Непомнящий В. С. Советскому пушкиноведению — 60 лет. — Вопр. лит., 1978, № 10, с. 304—313.
Подпись: В. Н.
Изложение докладов, прочитанных на XXV Пушкинской конференции.
- Нефедов В. В. «...Есть наука самая занимательная». — В кн.: Нефедов В. В. Творчеству — всю жизнь: Об индивидуальности писателя. Минск: Изд-во БГУ, 1978, с. 7—11.
- Нечаева Н. С. Второе «я» экспоната. — В мире книг, 1978, № 1, с. 79—81.
Книги в экспозиции Гос. музея А. С. Пушкина (Москва).
- Никишов Ю. М. Читатель в творческом сознании А. С. Пушкина — автора «Евгения Онегина». — В кн.: Художественное творчество и проблемы восприятия. Межвуз. темат. сб. Калинин, 1978, с. 67—85. — (Калинин. ун-т).
- Новиков И. А. Пушкин в изгнании: Роман/ [Вступ. статья Е. П. Дрягина; Худож. А. А. Ивахненко]. — Симферополь: Таврия, 1978. — 735 с., ил., 1 л. портр. (Б-ка «Таврия»).
- Нуйкин А. Живой в творениях своих. [Рец. на кн.: Благой Д. Д. Душа в заветной лире. — М.: Сов. писатель, 1977]. — Октябрь, 1978, № 2, с. 222—224.
- Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвест. письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых/ [Авт. вступ. статьи Д. Д. Благой, с. 3—51]. — 2-е изд., доп. — М.: Сов. Россия, 1978. — 302 с., 8 л. ил.
- Орлов В. Н. Гамаюн: Жизнь А. Блока. Л.: Сов. писатель, 1978. — 710 с.
С. 15—19: «Пушкинский праздник». [Юбилей 1880 г.]. С. 697—701: «Именем Пушкина». [«О назначении поэта» (речь Блока, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина)].
- Островский А. Н. По случаю открытия памятника Пушкину. — Полн. собр. соч.: В 12-ти т. Т. 10. М.: Искусство, 1978, с. 110—115, 551—552 (варианты черного автографа).
Речь, произнесенная за обедом Московского Общества любителей российской словесности в Благородном собрании 7 июня 1880 г.
- Павлов Т. Александр Сергеевич Пушкин: К 150-летию со дня рождения. — В кн.: Павлов Т. Избранные труды по эстетике: Пер. с болг. М.: Искусство, 1978, с. 471—482.
- Палиевский П. В. Литература и теория. — Изд. 2-е, доп. — М.: Современник, 1978. — 283 с.
С. 34—40: «Пушкин как человеческая задача русской литературы». [Впервые в кн.: День поэзии. 1969. М.: Сов. писатель, 1969, с. 222—224]. С. 41—62: «Пушкин и выбор русской литературой новой мировой дороги». [Впервые: Москва, 1974, № 6, с. 200—208].
- Паперный З. С. «Леший» и «Русалка». — В кн.: Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература. Сб. науч. трудов. М., 1978, с. 16—20. — (Б-ка СССР им. В. И. Ленина).

- Песков А. М. Образ эпиграммы в «маленьких трагедиях» Пушкина. — В кн.: Культурологические аспекты теории и истории русской литературы. М., 1978, с. 56—70. — (Моск. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак.).
- Поддубная Р. Н. Герой и его литературное развитие: (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского). — В кн.: Достоевский: Материалы и исследования. Т. 3. Л.: Наука, 1978, с. 54—66. — (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).
- Попов С. А. Пушкин в Оренбургском крае. — В кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1978, с. 345—355.
- Попович К. Ф. А. С. Пушкин в Молдавии. — В кн.: Попович К. Ф. Страницы литературного братства: (По материалам молдавской, русской и украинской литератур). Кишинев: Литература артистика, 1978, с. 26—39.
- Прожогин Н. П. «Бродя в краю чужом». — Нева, 1978, № 6, с. 180—183.
О поисках мест погребения Н. А. Корсакова, К. П. Брыжлова, О. А. Кипренского, З. А. Волконской, С. А. Раевской, Е. Н. Раевской, З. Г. Чернышева в Италии.
- Прозоров Ю. М. О пушкинских мотивах в книге Н. А. Некрасова «Мечты и звуки». — В кн.: XXXI горьковские чтения: Проблемы художественного метода и жанра. Сб. науч. трудов. Л., 1978, с. 28—32. — (Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Прокушев Ю. Л. Даль памяти народной. — М.: Мол. гвардия, 1978. — 272 с., ил.
С. 11—16: «Подвиг Пушкина». [Впервые в кн.: Прокушев Ю. Л. Подвиг Пушкина. М., 1974, с. 3—8]. С. 29—46: «Пушкин и Есенин». [Впервые под загл. «Вперед к Пушкину: (Пушкин и Есенин)» в кн.: Прокушев Ю. Л. Подвиг Пушкина. М., 1974, с. 43—61].
- Пурцхванидзе И. К. Изучение стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву» в IX классе грузинской школы. — Рус. яз. в груз. школе, 1978, № 2, с. 30—34.
- Путешествие А. С. Пушкина в Оренбургский край/ Сост. С. А. Попов. Худож. Л. И. Деменкова. — Оренбург: Оренб. обл. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры, 1978.
Буклет.
- Пушкин А. С. Медный всадник/ Изд. подгот. Н. В. Измайлов. — Л.: Наука, 1978. — 288 с.; 1 л. портр. — (Лит. памятники).
Содерж.: От редколлегии. — Медный всадник. — Варианты. — Дополнения. I. Источники текста поэмы. II. Разночтения текстов поэмы — Цензурного автографа (1833) и писарской копии (1836) III. «Езерский». Варианты. 1. Черновые тексты вступительных строф. 2. Черновой текст строф, не вошедших в родословие Евровских. IV. Родословная моего героя. V. Документальные материалы о петербургском наводнении 7 ноября 1824 г. «Русский ивангид. или Военные ведомости»; В. Н. Берх. Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Санктпетербурге; С. Аллер. Описание наводнения, бывшего в Санктпетербурге 7 числа ноября 1824 г.; А. С. Грибоедов. Частные случаи петербургского наводнения; С. М. Салтыкова (Дельвиг). Письмо к А. Н. Семеновой, А. В. Кочубей. Записки. (Семейная хроника). VI. Литературный фон поэмы. А. Н. Радищев. Письмо к другу; К. Н. Батюшков. Прогулка в Академию художеств; С. П. Шевырев. Петроград; Адам Мицкевич. Олешкевич. Памятник Петра Великого. — Приложения. Н. В. Измайлов. «Медный всадник» А. С. Пушкина. История замысла и создания, публикации и изучения; Примечания к тексту поэмы; Б. Л. Кандель. Указатель переводов поэмы «Медный всадник» на языки народов СССР и иностранные языки; Список иллюстраций; Список сокращений.

русского языка, литературы и методика их преподавания: Сб. науч. трудов. Т. 255. Ташкент, 1978, с. 47—54. — (М-во просвещения УзССР. Ташк. пед. ин-т им. А. Низами).

Соловей Н. Я. Сравнительная рукопись: Из истории создания стихотворения А. С. Пушкина «... Вновь я посетил». — Рус. речь, 1978, № 3, с. 20—29.

Соловьева В. С. К анализу порядка слов в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: (Трехчленные именные словосочетания). — В кн.: Актуальные проблемы методики преподавания русского языка и иностранного в туркменских группах. Чарджоу, 1978, с. 28—34. — (М-во нар. образования ТССР. Туркм. пед. ин-т им. В. И. Ленина).

Стасов В. В. Статьи о музыке: В 5-ти вып. Вып. 4. 1887—1893/ Сост. и коммент. Вл. Протопопов. — М.: Музыка, 1978. — 399 с. — (Рус. классич. муз. критика).

С. 9—13: «Художественные произведения на сюжеты Пушкина». [Впервые в газ.: Новости и Биржевая газета, 1887, 29 янв., № 28. Перепечатана в кн.: Стасов В. В. Собр. соч. Т. I, отд. 1. СПб., 1894, стб. 873—878]. С. 13—15: «Каменный гость» Пушкина и Даргомыжского в концерте. [Впервые в газ.: Новости и Биржевая газета, 1887, 31 янв., № 30]. С. 248—264: «Памяти Глинки. По поводу 50-летия „Руслана и Людмилы“. 1842—1892». [Впервые: Ист. вестник, 1892, ноябрь, с. 432—453. Перепечатана в кн.: Стасов В. В. Избранные статьи о Глинке. М., 1955, с. 214—240]. С. 265—267: «Руслановский венок сестре Глинки». [Впервые: Петербургская жизнь, 1892, 10 дек., № 6, с. 62—63]. С. 310—338: «„Руслан и Людмила“ М. И. Глинки. К 50-летию этой оперы на сцене». [Впервые в кн.: Ежегодник императорских театров. Сезон 1891—1892 гг. СПб., 1893, с. 289—343. Перепечатана в кн.: Стасов В. В. Избранные статьи о Глинке. М., 1955, с. 243—288].

Стеллиферовский П. Цельность концепции. — Вопр. лит., 1978, № 4, с. 292—296.

Рец. на кн.: Еремин М. П. Пушкин-публицист. — 2-е изд., переработ. и доп. — М.: Худож. лит., 1976.

Стевник Ю. В. Пушкин и советская поэзия: (40—60-е годы). — В кн.: Русская советская поэзия: Традиции и новаторство. 1946—1975. Л.: Наука, 1978, с. 90—119. — (АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом)).

Тартаковская Л. А. Жанр песни в творчестве Пушкина-романтика. — В кн.: По страницам литературы: Сб. науч. трудов, № 571. Ташкент, 1978, с. 81—103. — (Ташк. ун-т им. В. И. Ленина).

Тартаковская Л. А. «... Четки мудрости златой...». Поэзия Пушкина и Восток: к вопросу об эволюции художника. — Звезда Востока, 1978, № 6, с. 188—196.

Тархов А. Е. Мир «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. Избранная проза. М.: Худож. лит., 1978, с. 3—24. — (Нар. б-ка, № 6).

Тархов А. Е. Судьба Евгения Онегина. — Комментарий. — В кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Худож. лит., 1978, с. 5—28, 201—301. — (Школьная б-ка).

Телетова Н. К. Ганнибалы — предки А. С. Пушкина. — В кн.: Белые ночи: Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л.: Лениздат, 1978, с. 260—292.

Тихонова С. «Да будет же ей, этой няне... вечная благодарная память!». — Дошк. воспитание, 1978, № 8, с. 67—71.

Об Арине Родионовне Яковлевой.

Трубецкой В. А. Александр Сергеевич Пушкин в Молдавии. — В кн.: Очерки молдавско-руско-украинских литературных связей: (С древнейших времен до середины XIX века). Кишинев: Штиинца, 1978, с. 208—230. — (АН МССР. Ин-т яз. и лит.).

- Трубецкой Б. А. Связь времен: Проблемы эстетики, критики, журналистики. — Кишинев: Литература артистикэ, 1978. — 220 с.
- С. 7—22: «Кто такой Кирджали?» [Впервые под загл. «Новые архивные материалы о Кирджали» в кн.: Лит. наследство, т. 58, М., 1952, с. 333—337]. С. 57—68: «Пушкин в печати Бессарабии XIX—XX вв.» [Впервые в кн.: Пушкин на юге. Труды пушкинских конференций Кишинева и Одессы. Т. 1. Кишинев, 1958, с. 146—150]. С. 69—75: «Пушкин и некоторые проблемы русско-молдавских литературных связей». [Впервые: Кодры, 1973, № 5, с. 148—152]. С. 180—199: «Пушкин на пути от романтизма к реализму». [Впервые в кн.: Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Т. 2. Кишинев, 1961, с. 131—146].
- Турбин В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении лит. жанров. — М.: Просвещение, 1978. — 239 с.
- Туркаев Х. В. А. С. Пушкин в переводе на чеченский язык. — В кн.: Вопросы чечено-ингушской литературы. Т. 7. Грозный, 1978, с. 49—56. — (Чечено-Ингуш. ин-т истории, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР).
- Тюнькин К. И. Высокое призвание поэта. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. Кишинев: Литература артистикэ, 1978, с. 5—14. — (Школьная б-ка).
- Тюрин Г. Цезура в александрийском стихе Пушкина: (По стихотворению «Осень»). — В кн.: Сборник научных работ студентов: (Тез.). Алма-Ата, 1978, с. 90—92. — (Казах. пед. ин-т им. Абая).
- Усок И. Е. Толстой и Пушкин. — В кн.: Толстой и литература народов Советского Союза. Ереван, 1978, с. 64—77. — (Ерев. ун-т. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР).
- Фаньян Дж. С. А. С. Пушкин и А. М. Худобашев. — Ист.-филол. журн., Ереван, 1978, 3 (82), с. 194—206.
- Федоров В. Д. Наш Пушкин. — В кн.: Федоров В. Д. По главной сути. М.: Современник, 1978, с. 463—477.
- Федотов Л. Дети А. С. Пушкина: (Докум. повествование). — Сиб. огни, 1978, № 2, с. 163—177; № 3, с. 180—192.
- Фейнберг И. Л. Загадочный набросок Пушкина. — М.: Правда, 1978. — 48 с. — (Б-ка «Огонек», № 40).
- Содерж.: Исторический анекдот Пушкина. [Впервые в кн.: Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. М., 1976, с. 36—47]. — Загадочный набросок Пушкина «Заступники кнута и плети...». [Впервые: Неделя, 1976, № 39, 4—10 октября, с. 10—11]. — Неведомая книга. [Впервые: Неделя, 1976, № 38, 20—26 сентября, с. 12]. — «До последней запятой...» [написано в 1968 г.]. — Пропавший дневник. [Впервые в кн.: Фейнберг И. Л. История одной рукописи. 2-е изд., доп. М., 1967, с. 111—123].
- Филиппова Н. Ф. Пушкин и Толстой о критериях истинной поэзии. — В кн.: Яснополянский сборник. 1978: Статьи. Материалы. Публикации. Тула: Приок. кн. изд-во, 1978, с. 128—148.
- Френкель В. Я. Петр Борисович Козловский. 1783—1840. — Л.: Наука, 1978. — 142 с., ил. — (Науч.-биограф. сер.).
- С. 49—59: «Возвращение на Родину. Знакомство с Пушкиным».
- Френкель В. Я. «... Одна моя отрада». — Нева, 1978, № 4, с. 191—192.
- Рец. на кн.: Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин. — Л.: Наука, 1976.
- Френкель В. Я. Пушкин и писатели его круга. — Нева, 1978, № 6, с. 197.
- Рец. на кн.: Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. — Л.: Наука, 1977.
- Фридман Н. В. Рец. на кн.: Благой Д. Д. Душа в заветной лире: Очерки жизни и творчества Пушкина. — М.: Сов. писатель, 1977. — Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1978, т. 37, № 1, с. 70—72.

- Фролов В. Хронотоп в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина и принципы киномонтажа. — В кн.: Кино и литература: Сб. науч. трудов. Вып. 16. М., 1977, с. 3—18. — (Всесоюз. ин-т кинематографии).
- Ханило А. В. Пометы Чехова на книгах Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева и Л. Толстого. — В кн.: Чеховские чтения в Ялте: Чехов и русская литература. Сб. науч. трудов. М., 1978, с. 154—160. — (Б-ка СССР им. В. И. Ленина).
- Хихадзе Л. Д. Из истории восприятия русской литературы в Грузии: (Опыт ист.-функционального изучения). — Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1978. — 239 с.
- С. 129—153: Гл. VI. Пушкин и грузинские реалисты.
- Хихадзе Л. Д. О пушкинско-лермонтовской традиции изображения Кавказа в «Кавказском пленнике» Л. Толстого. — В кн.: Толстой и литература народов Советского Союза. Ереван, 1978, с. 78—84. — (Ерев. ун-т. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР).
- Храброва Н. Сокровища усадьбы Маркучый. — Огонек, 1978, № 23, с. 19—20 с фото.
- История создания Пушкинского музея.
- Цветаева М. И. Мой Пушкин/ Вступ. статья «Сильная вещь — поэзия», с. 4—19, Вл. Орлова. Подгот. текста и коммент. А. Эфрон и А. Саакянц. — Челябинск: Южно-Уральск. кн. изд-во, 1978. — 191 с.
- Шайтанов И. Право на воображение. — Наш современник, 1978, № 6, с. 183—186.
- Рец. на кн.: Благой Д. Д. Душа в заветной лире. — М.: Сов. писатель, 1977.
- Шальман Е. С. «Письмо к издателю». (Пушкин, А. Б., Белинский). — В кн.: Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Вып. 7. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978, с. 51—64.
- Доклад, прочитанный на VI Псковской Пушкинской конференции (1973).
- Шорохова В. Н. Лингво-стилистический анализ отрывков из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Лингв. сб. Вып. 11. М., 1978, с. 27—31. — (М-во просвещения РСФСР. Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
- Шуляк Н. Т. Опыт автоматического лингвостатистического исследования синтаксиса текста (на материале прозы А. С. Пушкина). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1978. — 22 с.
- Эйдельман Н. Я. «В садах Лицея». «Город Лицей». — Наука и жизнь, 1978, № 8, с. 76—87; № 12, с. 72—81.
- Эйдельман Н. Я. Медная и негодная... — В кн.: Панорама искусств: Науч.-попул. сб. М.: Сов. художник, 1978, с. 286—304.
- История статуи Екатерины II (приданого Н. Н. Пушкиной).
- Эйдельман Н. Я. Пушкин — Пушкин. Статьи 1—2. — Знание — сила, 1978, № 11, с. 38—41; № 12, с. 31—34.
- История создания «Записок о Пушкине» И. И. Пущина.

ДОБАВЛЕНИЯ К «ПУШКИНИАНЕ 1977 ГОДА»

(ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ. 1977. Л., 1980, С. 76—87)

- Ахмадулина Б. Сны о Грузии. — Тбилиси: Мерани, 1977. — 542 с.
- С. 172—173: «Отрывок из маленькой поэмы о Пушкине. 1. Он и она. 2. Он — ей». С. 457—464: «Вечное присутствие». С. 464—468: «Чудная вечность». С. 468—475: «Пушкин. Лермонтов...».
- Звонцов В. М. Петровское: [Родовое имение Ганнибалов — предков А. С. Пушкина: Альбом/ Рис. худож. В. М. Звонцова]. — Л.: Лен-издат, 1977. — [22] с. ил.

- Попелюхер Н. Л. Пушкинские гравюры Л. А. Ильиной глазами школьников. — Рус. яз. в кирг. школе, Фрунзе, 1977, № 2, с. 12—13.
- Рецептер В. Э. Письма от Гамлета, или Театр начинается. — Ташкент: Еш гвардия, 1977. — 91 с.
- С. 73—89: 7. «До востребования» (Пушкинская перспектива).
- Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. — 2-е изд. — М.: Книга, 1977. — 448 с. — (Всесоюз. добр. о-во любителей книги).
- С. 214—226: «Судьба одного автографа». С. 227—239: «Я помню чудное мгновенье...». С. 240—247: «Альбом творца Татьяны». С. 248—254: «Порубанная книга Пушкина».
- Станиславский — реформатор оперного искусства: Материалы. Документы/ Сост. Г. В. Крсти, О. С. Соболевская. — М.: Музыка, 1977. — 358 с.
- С. 80—111: «Евгений Онегин» П. Чайковского. С. 162—172: «Борис Годунов» М. Мусоргского. С. 172—184: «Пиковая дама» П. Чайковского. С. 184—197: «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова.
- Федорова Г. Л. Вставная песня в поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». — В кн.: Проблемы сюжета и жанра художественного произведения. Вып. 7. Темат. сб. науч. трудов профессорско-преподавательского состава и аспирантов высш. учеб. заведений М-ва просвещения КазССР. Алма-Ата, 1977, с. 3—8. (Казах. пед. ин-т им. Абая).
- Фрумкина А. С. Пушкинские вечера. Искусство звучащего слова. Вып. 17. М.: Сов. Россия, 1977. — 128 с. — (Б-чка «В помощь худож. самодеятельности», № 10).
- Содерж.: О. М. Итина. Имя Пушкинского Дома... — Литературные композиции: На фронте с Пушкиным; Адресаты лирики Пушкина; Пушкин и Москва (1836—1837). — Пушкинские викторины. — Материалы для подготовки пушкинских вечеров.
-

Р. В. ОВЧИННИКОВ, Н. Н. ПЕТРУНИНА

**КАТАЛОГ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ ТЕКСТОВ ПУШКИНА
В «АРХИВНЫХ ТЕТРАДЯХ» И В «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»**

Дополнения и уточнения

В 1969 г. Пушкинская комиссия Академии наук СССР выпустила в свет книгу Р. В. Овчинникова «Пушкин в работе над архивными документами („История Пугачева“). В отзывах об этой книге¹ подчеркивалась самостоятельная ценность приложенного к исследованию Р. В. Овчинникова «Каталога архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в „архивных тетрадах“ и в „Истории Пугачева“». В «Каталоге» учтен 331 документ из архивных книг Военной коллегии, из архива Министерства иностранных дел и из частных коллекций, зарегистрированы все записи «архивных тетрадей» поэта и установлены те документальные источники, к которым они восходят. Значение «Каталога» для изучения «Истории Пугачева» и — шире — для разработки проблемы «Пушкин-историк» очевидно.

За время, прошедшее после выхода в свет труда Р. В. Овчинникова, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР была завершена работа по научному описанию «пугачевского фонда» автографов Пушкина. В ходе полистного описания «архивных тетрадей» поэта и наборной рукописи «Истории Пугачева» Н. Н. Петрунина выявила ряд записей, не учтенных в «Каталоге» Р. В. Овчинникова.

---

¹ Панеях В. М. В творческой лаборатории Пушкина-историка. — Русская литература, 1970, № 3, с. 207—211; Петрунина Н. [Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»)]. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1970, т. XXIX, вып. 5, с. 451—455; Рознер И. Г. Ценное исследование об историко-литературной базе «Истории Пугачева». — Советские архивы, 1970, № 5, с. 115—117; Троицкий С. В творческой лаборатории А. С. Пушкина. — Новый мир, 1970, № 7, с. 274—275.

Среди них оказались две заметки, выпавшие по недосмотру из Академического издания,² ряд фрагментов, отбившихся в ходе хранения и изучения фонда от тех групп автографов, с которыми они связаны по содержанию и происхождению, и напечатанных в Академическом издании в виде вариантов наборной рукописи «Истории»; обнаружены также и отдельные случайные упущения. Ныне архивно-документальные источники всех этих записей определены Р. В. Овчинниковым. Нижеследующий перечень дополнений и уточнений к «Каталогу» и явился результатом этой совместной работы.

«Дополнениями и уточнениями» в «Каталог» вводятся как новые, не вошедшие в него ранее документы (также пункты легко выделяются в общем перечне благодаря литерным добавлениям, сопровождающим каталоговые номера), так и неучтенные отражения в «архивных тетрадях» документов, уже включенных в «Каталог» на основании других, параллельных записей поэта. В последнем случае имеющиеся в «Каталоге» ссылки на тексты «архивных тетрадей» не повторяются, но дополнения вводятся с обозначением «2)» или «3)». Единичные исключения из этого правила (см. № 11 и 12) вызваны существенными уточнениями в описании текстов Пушкина.

Настоящая публикация по построению, способу расположения и описания материала следует правилам, принятым для основной части «Каталога» Р. В. Овчинникова.

---

² См.: Петрунина Н. Н. «История Пугачева». От замысла к воплощению. — Русская литература, 1974, № 3, с. 195.

№ по порядку	Архивный документ	Текст в «архивных тетрадах»	Текст в «Истории Пугачева»
1	1772 г. декабря 19. — Промемория Маликовской управительской канцелярии в Яицкую комендантскую канцелярию об аресте Пугачева в Малыковке за подговор казаков к побегу на Кубань. — Л. 2—4 об. Копия.		Текст в «Истории Пугачева»
2	1773 г. октября 2. — Рапорт казанского губернатора Я. Л. фон Брандта в Военную коллегию о мерах по охране границ Казанской губернии от нападения отрядов Пугачева. — Л. 9—10. Подлинник.	2) «Пугачев пришел ∞ <i>Емельяна Исаилов</i> ». — 1834 г. — ПД, № 1255, л. 3. — Зам. — IX, 782.	Дела о Пугачеве), оп. 47, кн. 1 (1230)
3	1773 г. октября 3. — Письмо Я. Л. фон Брандта к М. Н. Волконскому об успехах Пугачева и о принятых мерах по охране границ Казанской губернии от нападения повстанцев. — Л. 12 и об. Копия.	2) «2 октября ∞ г-ну Миллеру». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 12. — Консп. — IX, 628—629.	
4	1773 г. октября 14. — Именной указ Екатерины II генерал-майору В. А. Кару о назначении его командующим карательными войсками. — Л. 15—16. Копия.	2) «Также писано ∞ Волконскому». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 12. — Зам. — IX, 629.	
5	1773 г. октября 14. — Именной указ Екатерины II Я. Л. фон Брандту о содействии генералу В. А. Кару. — Л. 17. Копия.	3) «Именной указ ген.-м. Кару ∞ Казанской губернии». — 1833 г. — ПД, № 1230, л. 5. — Зам. — IX, 619.	
6	1773 г. октября 14. — Именной указ Екатерины II И. А. Рейнсдорпу о содействии генералу В. А. Кару. — Л. 18. Копия.	1) «Именные указы ∞ вспомогателю». — 1834 г. — ПД, № 1223, л. 278. — Коп. — IX, 164. 2) «Указы ∞ о Каре». — 1834 г. — ПД, № 1255, л. 2. — Коп. — IX, 782.	
6	1773 г. октября 14. — Именной указ Екатерины II И. А. Рейнсдорпу о содействии генералу В. А. Кару. — Л. 18. Копия.	1) «Г. оренбургский губернатор ∞ при всяком случае». — 1834 г. — ПД, № 1223, л. 278 и об. — Коп. — IX, 164. 2) «Указы ∞ о Каре». — 1834 г. — ПД, № 1255, л. 3. — Коп. — IX, 782.	

7	23	1773 г. сентября 25. — Рапорт И. А. Рейнсдорпа в Военную коллегию о захвате повстанцами Илецкого городка и о мерах по обороне Оренбурга. — Л. 58—59 об. Подлинник.	2) «Хотя после ∞ императрице)». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 10 и об. — Вып. — IX, 627.
8	30	1773 г. октября 2. — Указ И. А. Рейнсдорпа казакам-повстанцам с предложением выдать самозванца Пугачева властям. — Л. 72 и об. Копия.	3) «Указ ее имп. вел. ∞ Ив. Скирмантов». — 1833 г. — ПД, № 388, л. 1—2. — Коп. — IX, 719—720.
9	36 а	1773 г. октября 23. — Указ Военной коллегии генерал-аншефу Я. Л. фон Брандту с уведомлением о войсках, посланных на подкрепление корпуса генерала В. А. Кайра. — Л. 87—88 об. Отпуск.	«Военн. Колл. 23 окт. ∞ или ф. Бр.» — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 10. — Вып. — IX, 627.
10	39 а	1773 г. ноября 4. — Указ Военной коллегии генерал-поручику И. А. Деколонгу об охране границ Сибирской губернии от вторжения отрядов Пугачева и об усиленной защите горных заводов. — Л. 124—125. Отпуск.	«Указ генер.-поручику Деколонгу ∞ заводы». — 1833 г. — ПД, № 387, л. 1. — Зам. — IX, 689.
11	39 б	1773 г. октября 17. — Письмо пугачевского полковника, старшины Бушмас-Кипчакского волости Ногайской дороги Книзи Арсланова старшине Ногайской дороги Алибаю Мурагулову с призывом присоединиться к войску Пугачева. — Л. 140. Копия.	«Окт. 17 д. 1773 г. ∞ руку приложил». — 1833 г. — ПД, № 387, л. 1. — Коп. — IX, 689.
12	40 а	1773 г. октября 17. — Рапорт генерала И. А. Деколонга в Военную коллегию о захвате отрядами Пугачева крепостей под Оренбургом и о начавшихся набегах казаков на крепости и селения. — Л. 163—164 об. Подлинник.	«Кургузцы (окт. 17) начинают свои набеги». — 1833 г. — ПД, № 387, л. 1. — Зам. — IX, 689.

«Рейнсдорп вздумал ∞ увещательные манифесты». — Изд. — IX, 23.

№ по порядку	Архивный документ	Текст в «архивных тетрадях»	Текст в «Истории Пугачева»
13	1773 г. ноября 21. — Рапорт Я. Л. фон Брандта в Военную коллегию о слабости и ненадежности местных военных команд для успешной обороны Казанской губернии от вторжения отрядов Пугачева. — Л. 286—287. Подлинник.	2) «Рапорт ф. Брандта 21 ноября». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 4. — Зам. — IX, 623.	
14	1773 г. декабря 1. — Указ Военной коллегии об исключении генерала В. А. Кара из военной службы за самовольное оставление вверенных ему карательных войск. — Л. 322. Печатный экземпляр.	2) «Ноября 30. Указ с выключен». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 5 об. — Коп. — IX, 461 (в виде вариантов).	
15	1773 г. ноября 14. — Протокол допроса солдата С. Степанова в Яицкой комендантской канцелярии о разгромах команд полковника П. М. Чернышева у Оренбурга. — Л. 448 и об. Копия.	2) «14 ноября Савин Степанов показал». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 9 об. — Зам. — IX, 627.	
16	82 а 1773 г. декабря 13. — Указ Сената о принятии мер предосторожности в городах и селениях в связи с выстулением Пугачева. — Л. 62—63. Печатный экземпляр.	ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии. Дела о Пугачеве), оп. 47, кн. 2 (1231) 1) «Дек. 13 указ с не чинить». — 1833 г. — ПД, № 1231, л. 9 об. — Консл. — IX, 627. 2) «Сенатский указ с декабря 13 дня 1773 года». — 1833—1834 гг. — ПД, № 1223, л. 282—287. — Пис. коп. — IX, 165—168, 461. «5) Сенатский указ с вредные разглашения.» — Подл. Публ. — IX, 165—168.	
17	86 а 1773 г. ноября 25. — Реестр численного состава регулярных и нерегулярных войск в осажденном Оренбурге. — Л. 172 и об. — Подлинник.	«Войско в Оренб. с 1898». — 1833 г. — ПД, № 1230, л. 7. — Консл. — IX, 621.	«В сем городе с семидесяти орудий». — Изд. — IX, 23.

18	92	1773 г. — Экстракт из журнала Оренбургской губернской канцелярии, регистрирующего эпизоды борьбы с отрядами Пугачева под Оренбургом с 17 сентября по 19 ноября 1773 г. — Л. 179—197. Подлинник.	3) «Отст. сотник Лепилин со калмыки взяты в город». — 1833 г. — ПД, № 1230, л. 6 и об. — Зам. — IX, 619—624.
19	121 а	1773 г. декабря 23. — Протокол показаний казака Е. Буренина в Яицкой комендантской канцелярии о рыболовном промысле казаков-повстанцев на Яике у Илецкого городка. — Л. 533 и об. Копия.	«В дек. казаки со неводом тянут». — 1833 г. — ПД, № 1223, л. 337. — Зам. — IX, 634.

ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии. Дела о Пугачеве), оп. 47, кн. 3 (1232)

20	138 а	1774 г. февраля 16. — Рапорт астраханских купцов Н. Кулипина и В. Аршинова коменданту г. Красного Яра подполковнику С. М. Пирогову о захвате повстанцами Гурьева городка. — Л. 345 и об. Копия.	«В Красноярск со туда команду». — 1833 г. — ПД, № 1233, л. 8. — Консл. — IX, 638.
21	148	1774 г. апреля 8. — Доношение И. А. Рейнсдорпа Екатерине II о разгроме отрядов Пугачева у Самарского городка и о бегстве их остатков в Башкирию. — Л. 414 и об. Подлинник.	2) «При Тагицевой со с 50 взято).» — 1834 г. — ПД, № 1255, л. 4. — Зам. — IX, 783.
22	148 а	1773 г. декабря 24. — Рапорт И. А. Рейнсдорпа генералу И. А. Деколонгу о препровождении журнала осады Оренбурга за ноябрь и с сообщением о возможности разбить отряды Пугачева без помощи извне. — Л. 445. Дубликат. ¹	«При чем дубликат со над злодеями поиск». — 1833 г. — ПД, № 1234, л. 12. — Консл. — IX, 648.

¹ Дубликат послан при довлении И. А. Рейнсдорпа Екатерине II от 8 апреля 1774 г. (см.: Каталог, № 148).

№ по порядку в кн.	№ по каталогу	Архивный документ	Текст в «архивных тетрадах»	Текст в «Истории Пугачева»
23	164	1774 г. апреля 23. — Рапорт генерала Ф. Ф. Щербатова в Военную коллегию о настулении войск генерала П. Д. Мансурова к Яицкому городку и о преследовании повстанцев в Уральских горах и Башкирии. — Л. 70—71 об. Подлинник.	2) «В Казани учреждена ∞ в Оренб. 4,000». — 1834 г. — ПД, № 1255, л. 4. — Зам. — IX, 783. 3) «Чулошник. ∞ нач. креп.» — 1834 г. — ПД, № 1255, л. 4. — Зам. — IX, 783.	ЦГИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии. Дела о Пугачеве), оп. 47, кн. 4 (1233)
24	164а	1774 г. февраля 7. — Увещевание И. А. Рейнсдорпа, адресованное к повстанцам под Оренбургом, с призывом отстать от Пугачева и явиться с повинной к властям. — Л. 73 и об. Подлинник.	«Рейнсдорпа Увещание ∞ февраля 7. 1774». — 1833 г. — ПД, 1223, л. 189. — Вып. — IX, 454.	
25	171	1774 г. апреля 15. — Рапорт фельдмаршала П. А. Румянцева в Военную коллегию о невозможности откомандировать генерал-поручика А. В. Суворова из действующей армии в состав карательных войск. — Л. 120. Подлинник.	2) «Рапорт о Суворове Румянцова». — 1833 г. — ПД, № 1239, л. 1. — Зам. — IX, 783.	
26	184	1774 г. — Экстракт из журнала Оренбургской канцелярии, регистрирующего эпизоды борьбы с повстанческим движением в Оренбургской губернии с 25 марта по 2 июля 1774 г. — Л. 325 об.—326. Подлинник.	2) «5 числа мая ∞ 600 же ч.», — 1833—1834 гг. — ПД, № 1235, л. 8. — Консп. — IX, 653.	
27	185	1774 г. — Реестр сожженных и разгромленных отрядами Пугачева крепостей и селений Оренбургской губернии, составленный Оренбургской губернской канцелярией. — Л. 342. Подлинник.	2) «Реестр крепости». — 1833 г. — ПД, № 1237, л. 1. — Зам. — IX, 666.	

2) «Реестр ∞ и Заводы». — 1833 г. — ПД, № 1237, л. 1. — Зам. — IX, 666.

2) «Михельсон ∞ малоросс. казаков». — 1834 г. — ПД, № 1239, л. 2. — Зам. — IX, 783.

2) «Михельс. в походе ∞ 19-го июля»). — 1834 г. — ПД, № 1239, л. 2. — Зам. — IX, 783.

2) «Рапорт Галицына ∞ взятии Саранска». — 1834 г. — ПД, № 1239, л. 2. — Зам. — IX, 783—784.

2) «Дундуков 15 авг. ∞ Пугачевым». — 1834 г. — ПД, № 1239, л. 3. — Зам. — IX, 784.

2) «Авг. 20 рал. ∞ злодейству ют». — 1834 г. — ПД, № 1239, л. 2. — Зам. — IX, 784.

... г. — Реестр разгромленных и сожженных повстанцами казенных и частновладельческих заводов Оренбургской губернии, составленный Оренбургской губернской канцелярией. — Л. 343 и об. Подлинник.

1774 г. июля 4. — Доншение генерала Ф. Ф. Щербатова Екатерине II о захвате отрядами Пугачева города Осы и о преследовании повстанцев карательными войсками. — Л. 359—360. Подлинник.

1774 г. июля 13. — Рапорт подполковника И. И. Михельсона генералу Ф. Ф. Щербатову о сражениях с отрядами Пугачева под Казанью 12—13 июля. — Л. 392—393. Копия.

1774 г. августа 4. — Рапорт генерала П. М. Голлицына в Военную коллегию о преследовании отрядов Пугачева и о борьбе с повстанческим движением в поволжских губерниях и в Башкирии. — Л. 445—446 об. Подлинник.

1774 г. августа 17. — Рапорт царынского команданта полковника И. Е. Цыплетева З. Г. Чернышеву о разгроме отрядами Пугачева карательной команды и захвате ими Дмитриевска. — Л. 424. Подлинник.

1774 г. августа 20. — Рапорт воронежского губернатора Н. Я. Шетнева в Сенат о мерах по обороне Воронежа и Павловской крепости от повстанцев и о вызове на помощь карательных команд из корпуса генерала Н. И. Чорбы. — Л. 425 и об. Подлинник.

29 187

30 196

31 202

32 207

33 208

² В рукописи ошибочно: декабря.

№ по порядку	№ по каталогу	Архивный документ	Текст в «архивных тетрадах»	Текст в «Истории Пугачева»
34	210	1774 г. августа 23. — Рапорт И. А. Рейндорпа в Военную коллегию о волнениях башкир и о набегах казахов на пограничные крепости и селения Оренбургской губернии. — Л. 429 и об. Подлинник. 1774 г. сентября 2. — Отчет генерала Ф. Ф. Щербатова о действиях карательных войск в мае—июле 1774 г. — Л. 461—466 об. Подлинник.	2) «23 авг. со Галицына» — 1834 г. — ПД, № 1239, л. 2. — Зам. — IX, 784.	
35	219		2) «Оправдания Щербатова». — 1833 г. — ПД, № 1237, л. 1. — Зам. — IX, 666.	
ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии. Дела о Пугачеве), оп. 47, кн. 5 (1234)				
36	237 а	1774 г. июля 28. — Указ Екатерины II Военной коллегии о немедленном переводе лейб-гвардии Кирасирского полка из Новгорода в Москву. — Л. 196. Копия.	«[Указ В. К.] [Повелеваем со Лейб. гвар. Кирасирск.]» — 1833 г. — ПД, № 1223, л. 298. — Зам. — IX, 462.	
37	237 б	1774 г. июля 31. — Указ Военной коллегии генерал-фельдмаршалу П. А. Румянцеву об откомандировании генерал-майора А. А. Волкова в распоряжение генерала П. И. Панина. — Л. 243. Копия.	«Указ В ^{ой} К ^{оллегии} Румянцову со ген. м. Волкова». — 1833 г. — ПД, № 1223, л. 298. — Зам. — IX, 462.	
38	238	1774 г. июля 29. — Именной указ Екатерины II Военной коллегии о назначении генерал-аншефа П. И. Панина командующим карательными войсками. — Л. 285. Копия.	2) «Указ нашей В. Коллегии со Петергоф. Екатерины.» — 1833 г. — ПД, № 1223, л. 298. — Коп. — IX, 174, 462.	«Именной указ со командою». — Полн. публ. — IX, 174.
39	239	1774 г. июля 30. — Ведомость Военной коллегии, содержащая сведения о составе карательных войск, действующих против отрядов Пугачева и вновь командированных в районы восстания. — Л. 288—289. Подлинник.	2) «(Роспись войску со Нижег. губ.)». — 1833 г. — ПД, № 1237, л. 1. — Зам. — IX, 666.	

40	243	1775 г. августа 9. — Именной указ Екатерины II генералу П. И. Панину об освобождении его с поста командующего кавалерийскими войсками в связи с полной ликвидацией повстанческого движения. — Л. 314. Копия.	2) «Письмо Имп. Графу П. Иа. Панину», — 1833 г. — ПД, № 1223, л. 329. — Зам. — «Рус. литература», 1974, № 3, с. 195.
41	243 а	1775 г. июля 31. — Рапорт генерала А. В. Суворова генералу П. И. Панину о действиях войск, преследующих отряды атаманов И. П. Заметаева и Кулаги (К. В. Дудкина), разбойничавших на побережье Каспийского моря и в низовьях Волги. — Л. 313—314. Подлинник.	«Заметаев и Кулага ∞ по Ка-ме ⁴ », — 1833 г. — ПД, № 1223, л. 329. — Зам. — «Рус. литература», 1974, № 3, с. 195.

ЦГВИА, ф. 20 (Секретная экспедиция Военной коллегии. Дела о Пугачеве), оп. 47, кн. 10 (1240)

42	299 а	1774 г. июня 24. — Протокол показаний крестьян Иргинского завода Т. М. Уткина и А. А. Зорина на допросе в Пермской провинциальной канцелярии об осаде города Осы войсками Пугачева. — Л. 97 и об. Копия.	«18 июня Пугачев ∞ под их прикрытием». — Изл. — IX, 60.
43	303 а	1774 г. июня 28. — Реестр башкир-повстанцев, взятых в плен командой полковника А. Я. Якубовича в боях 26 и 27 июня под Уфой. — После л. 216—218. Подлинник.	«Реестр ∞ Лука Чернышев». — ПД, ф. 244, оп. 3, ед. хр. 151. — Подлинник. — IX, 716.

³ Так в рукописи; в Академическом издании ошибочно: Волкон«скому».

⁴ В рукописи ошибка; в документе: на Каспии.

№ по порядку	№ по каталогу	Архивный документ	Текст в «архивных тетрадах»	Текст в «Истории Пугачева»
44	321 а	1774 г. января 29. — Письмо генерала А. И. Бибикова к Д. И. Фонвизину о состоянии края, охватившего восстанием. — Л. 19 и об. — Подлинник.	ЦГАЛИ, ф. 517 (Д. И. Фонвизина), оп. 1, д. 5 «Письмо Бибикова фон-Визину о человеку поможешь». — ПД, № 1223, л. 340—344. — Кол. — IX, 201—202, 463.	1) «Бибиков понимал о негодование». — Изд. и лит. — IX, 45. 2) «См. в Приложении о автора Недоросля». — Утом. — IX, 110. 3) «Г. — К Д. И. фон-Визину о человеку поможешь». — Публ. с отд. купюрами. — IX, 201—202.
45	321 б	1774 г. августа 25. — Объявление генерал-аншефа П. И. Панина о репрессиях, которым будут подвергнуты сторонники Пугачева. — Л. 201—202. — Копия.	Из архивных дел Нижегородской губернии. «Копия. 1774-го года о секретарь Петр Крамин ⁵⁾ », — 4833 г. — ПД, ф. 244, оп. 3, № 151. — Пис. коп. 1774 г. ⁶⁾ — IX, 720—721.	
46	326 а	1774 г. июня 13. — Именной указ Пугачева полковнику Бахтигару Канкаеву и походному старшине Ермухаммету Кадырметеву. — Подлинник.	ЦГАДА, ф. 6 (Госархив, разряд VI) д. 415, 416, ч. I и II «Указ о июня 13 дня 1774 года. Пугр». — ПД, ф. 244, оп. 3, № 130. — Подлинник. — IX, 680.	
47	326 б	1774 г. июня 13. — Подорожная грамота, выданная повстанческой Военной коллегией есаулу Салиху Наврузову. — Подлинник.	«По указу о Герасим Степанов.» — ПД, ф. 244, оп. 3, № 130. — Подлинник. — IX, 691—692.	

⁵⁾ Секретарь канцелярии нижегородского губернатора А. А. Ступина. В Академическом издании фамилия не раобразана.

⁶⁾ Документ пушкинского фонда представляет собою лист, выятый Пушкиным из архивного дела; какого именно — остается неустановленным.

III. ЗАМЕТКИ

ПОРТРЕТ Д. В. ДАВЫДОВА В ЛИЦЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ ПУШКИНА

В небольшом по размеру рисунке — на обороте листа 67 в так называемой Лицейской тетради¹ — в энергичном, характерном мужском профиле (см. ил. на с. 112—113) узнаются черты знаменитого «певца-гусара» Дениса Васильевича Давыдова. Сравнение этого наброска с известными портретами Давыдова подтверждает такое предположение.

Увлечение Давыдовым и его поэзией началось для Пушкина еще в Лицее; оно ясно чувствуется и открыто декларируется в некоторых стихах начинающего поэта. Позднее Пушкин признавался, что в молодости старался «подражать Давыдову в кручении стиха», «приноравливался к его слогу» и «усвоил его манеру навсегда».

Личная встреча их состоялась в Петербурге в 1819 г. и закрепила юношеское увлечение. В это время среди рукописей конца 1819 г. появляется набросок стихов о Давыдове:

Красноречивый забияка
Повеса, пламенный поэт...

(II, 466)

— и рядом, через два листа, его портрет.

Всю жизнь Пушкин неизменно любил Давыдова. Он посвящал ему стихи, помнил его острые словечки и каламбуры, ценил его творчество. Уже в 1830-е гг. записал слышанный смолоду рассказ, передающий и стилизующий рыцарственность эпохи 1812 г., блеск хладнокровного и как бы небрежного бесстрашия его героев: «Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: „Главкомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить“. Багратион отвечал: „Неприятель

---

¹ Лицейская тетрадь находится в Пушкинском Доме (ПД, № 829). Интересующий нас рисунок был опубликован в газ. «Молодежь Эстонии» (1980, 9 февраля, с. 2) в качестве иллюстрации к нашей заметке (Р. Ж у й к о в а. Рисует беглый карандаш). По-видимому, именно этот рисунок М. А. Цявловский отослал к ноябрю—декабрю 1819 г. (см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, с. 196). Рисунок этот предназначался для воспроизведения в дополнительной второй части «Справочного тома»; это издание, как известно, было подготовлено к печати, но в свет не вышло.

у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко: а коли на моем, так мы успеем еще отобедать!» (XII, 158). В III томе своего журнала «Современник» Пушкин опубликовал статью Д. В. Давыдова «О партизанской войне».

И первое пушкинское изображение Давыдова кажется связанным с 1812 годом. Рисунки рядом с портретом — сабля, какие-то странные, покосившиеся кресты... Как будто воображению рисующего представились снега, безмянные французские и русские могилы, славные партизанские действия Отечественной войны. Отметим, что с наброском портрета Д. В. Давыдова в указанной рукописи Пушкина особенно сходствует первый гравированный его портрет, выполненный пунктиром А. Афанасьевым с оригинала В. П. Лангера (см. ил. на с. 112—113). Д. Н. Ровинский относит этот портрет «к началу XIX в.»² Автором рисунка, с которого сделана гравюра, был будущий художник Валериан Платонович Лангер, лицеист II курса (1814—1820), общавшийся с Пушкиным в лицейские годы;³ вероятно, и Пушкин, и Лангер встречались с Давыдовым и рисовали его приблизительно в одно время.⁴

В последнем, исполненном признания стихотворном обращении к Д. В. Давыдову (в январе 1836 г., при посылке ему «Истории Пугачевского бунта») Пушкин вновь вспоминает о его воинской славе:

Тебе, певцу, тебе, герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир.
Но и по этой службе грудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.

(III, 465)

И первый набросок портрета Давыдова, сделанный двадцатилетним Пушкиным, и это последнее послание ему связаны, объединены памятью о легендарном 1812 годе, вписавшем навсегда имя поэта-партизана в русскую историю и русскую поэзию.

Р. Г. Жуйкова

---

² Ровинский Д. Н. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886, т. I, с. 639 (№ 4).

³ См.: Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, т. 2, с. 238. — О В. П. Лангере см.: «Старые годы», 1912, М., с. 35—50. Ср.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 119—120.

⁴ Известен и другой портрет Д. В. Давыдова, сделанный в рукописи «Евгения Онегина» в начале 1825 г. Определение этого рисунка сделано Т. Г. Цявловской в ее книге «Рисунки Пушкина» (М., 1970, с. 75—79).

В № 22 «Литературной газеты» от 31 мая 1972 г. Г. Л. Аршем был опубликован найденный им в фондах Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 595, д. 28, л. 25) не известный до этого документ, содержащий дополнительные сведения о высылке Пушкина из Петербурга в 1820 г. Позднее текст документа в русском переводе воспроизводился в статье Г. Л. Арша «Иоанн Каподистрия в России», опубликованной в журнале «Вопросы истории» (№ 5 за 1976 г., с. 61—62), а также, наряду с факсимильным воспроизведением французского подлинника, — в его монографии «Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг.» (М., 1976, с. 44). Речь идет о частной записке статс-секретаря графа Каподистрии директору хозяйственного департамента Министерства иностранных дел В. А. Поленову. Нам придется еще раз привести текст перевода записки, благо он не столь уж пространен: «Император приказал вчера, чтобы коллегия (иностранных дел, — *И. М.*) выдала г-ну Пушкину, переводчику, тысячу рублей на дорожные расходы. Я прошу Вас, дорогой Поленов, сделать так, чтобы этот молодой человек смог получить эти деньги сегодня, с тем чтобы ему выехать завтра утром. Я хочу поручить ему срочную депешу для г-на генерала Инзова. Сделайте одолжение, поговорите об этом с графом Нессельроде. Он об этом предупрежден. Мы были вместе, когда его императорское величество дал мне это указание. 5 мая <1820 г.>, утро. Ваш Каподистриас».

Обстоятельства появления записки известны и прокомментированы издателем: весной 1820 г. за вольнодумные стихи царь собирался сослать Пушкина в Сибирь или на Соловецкие острова. Благодаря ходатайству Н. М. Карамзина перед графом Каподистрией ссылка была заменена высылкой на юг России, оформленной как перевод в Екатеринослав, в канцелярию главного попечителя иностранных колонистов Южной России генерал-лейтенанта И. Н. Инзова.

Непривычным в упомянутой записке Каподистрии к Поленову представляется то, что Пушкин назван не по чину («коллежский секретарь»), как в других официальных документах того времени, но по роду занятий в Коллегии иностранных дел («переводчик»). По-видимому, В. А. Поленов в качестве директора департамента должен был знать своего чиновника по роду его служебных обязанностей. Пушкин, как и другие лица, зачисленные в Коллегию по окончании Лицея, занимался переводческой деятельностью. Известно, что Коллегия издавала в Петербурге журнал на французском языке «*Conservateur impartial*», где сотрудничал, в частности, Кюхельбекер;¹ заметим, что в 1820 г. Кюхельбекер уезжает за границу в качестве секретаря А. Л. Нарышкина с обязанностью «вести его корреспонденцию на трех языках».²

¹ См., напр.: Глассе А. Проблемы авторства В. К. Кюхельбекера (1817—1825 годы). — Русская литература, 1966, № 4, с. 145—146.

² Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 299. (Подлинник по-немецки).

Пушкин владел французским языком в совершенстве (ср. его лицейское прозвище «Француз»); не исключено, что он получал от Каподистрии какие-то поручения, связанные именно с переводами с французского или на французский. В письме к И. Н. Инзову Каподистрия указывал, что «г. Пушкин, кажется, желает избрать дипломатическое поприще и начал его в департаменте»,³ и это указание косвенно подтверждает такое предположение: Каподистрия требовал от начинающих дипломатов в числе других достоинств свободного владения французской литературной речью. Когда Д. В. Дашков выразил желание служить в Коллегии иностранных дел, Каподистрия потребовал от него представить сочинение на французском языке, «для того, чтобы он мог видеть и образ его мыслей, и искусство в их изложении». Дашков написал отзыв на книгу Шатобриана «De Bonaparte et des Bourbons», и только после этого вполне удовлетворенный Каподистрия принял его к себе на службу.⁴

Отвечая на запрос графа Каподистрии в письме от 28 апреля 1821 г., Инзов уведомлял, что Пушкин «ведет себя хорошо <...> и занят переводом с французского молдавских законов».⁵ Обращает на себя внимание в этой связи и письмо самого Пушкина к брату Льву из Кишинева от 27 июля 1821 г., в котором поэт просит его писать по-русски, «потому что, слава богу, с моими конституционными друзьями (курсив мой, — И. М.) я скоро позабуду русскую азбуку».

Итак, «конституционные друзья», которые, очевидно, занимаются какой-то законодательной деятельностью и не знают русского языка, в связи с чем, вероятно, поэту и вменялось в обязанность переводить с французского «молдавские законы». Человеку, знакомому с правовой жизнью Кишинева того времени, это говорит о многом. Дело в том, что как раз в это время в Кишиневе, при канцелярии русского наместника, ведет свою работу комиссия по составлению «уложения» или «свода законов» для недавно присоединенной к России (по Бухарестскому миру) Бессарабии. Собственно, комиссия была образована еще в 1817 г. по инициативе графа Каподистрии, который поручил это дело генералу Бахметьеву, преемственнику Инзова на посту наместника. Однако именно в 1820 г. деятельность комиссии заметно активизировалась в связи с тем, что в ее состав вошел молодой юрист Петр Манега. Перелистав специально ему посвященное исследование проф. Л. А. Кассо «Петр Манега — забытый кодификатор бессарабского права» (СПб., 1914), мы узнаем о нем следующее: родился в 1782 г. в Валахии, в семье выходца из г. Арты (Эпир) Василия Манеги весьма неясного этнического происхождения (албанец или «куцовалах», предполагает Кассо, но не исключается, на мой взгляд, и греческое происхождение). Как и некоторые другие дети состоятельных родителей из изрядно офранцузившихся кругов молдаво-валашского общества, он учится на юридическом факультете Парижского университета, который заканчивает в 1820 г. со степенью лиценциата, т. е. кандидата

³ Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. 1817—1825. — Русская старина, 1887, № 1, с. 242. (Подлинник по-французски).

⁴ См.: Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 215.

⁵ Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин, с. 243.

прав, и, хотя он никогда не стал доктором прав, подписывается он и называется другими именами как *Doctour en Droit*. Из Парижа Манега отправился к статс-секретарю Каподистрии, которому был рекомендован еще ранее и который в это время (1820 г.) находился в Троппау, а затем, с рекомендацией Каподистрии, — в Кишинев к Инзову, сменившему там Бахметьева. В письме к Инзову от 16 октября 1820 г. Каподистрия специально обращал его внимание на пригодность Манеги к кодификационным работам («может быть, познание его в молдавском языке и систематическое исследование прав будут небесполезны комиссии, установленной для свода местных законов в Бессарабии»). Уже в ответном письме к Каподистрии от 21 января 1821 г. Инзов хвалит Манегу за трудолюбие и возлагает «некоторую надежду на эту новую рабочую силу в дотоле мало успешном деле составления свода законов для Бессарабии» (изложено по Кассо).

Итак, когда Манега прибыл в Кишинев, Пушкин был уже там (он прибыл туда, как известно, 21 сентября). Думается, что встреча их была неизбежной и что Петр Манега стал одним из тех «конституционных друзей» поэта, о которых тот упоминает в цитированном письме к брату от 27 июля 1821 г. Как и другие члены комиссии, Манега действительно не знал русского языка, что и заставляло их, по мнению Кассо, вначале писать уложению на молдавском языке, а в последующих работах прибегать к французскому. Несколько непонятна, правда, высказанная Манегой в письме к Каподистрии от 1 апреля 1821 г. просьба о приглашении в кишиневскую комиссию коренного француза для чисто редакционной работы, в то время как и сам Манега, да и тот же Пушкин, обладали совершенным знанием французского языка. К сожалению, мне не удалось отыскать в Центральном государственном историческом архиве это крайне важное письмо, глася процитированное проф. Кассо, как впрочем и другие материалы, касающиеся деятельности комиссии (все шифры, указанные Кассо, ныне недействительны), за исключением одного довольно объемистого рукописного тома (ЦГИА, ф. 1261, оп. 1, ед. хр. № 15 в), содержащего законченную уже в 1825 г. с помощью барона Бруннова работу Манеги на французском языке и включающую в себя: 1) *Projet de Code Civil pour la Bessarabie* (л. 1—243); 2) *Appendice au Livre premier du Code Civil (sic!) Bessarabie relatif aux Ziganes* (л. 241—247); 3) *Table des Matières* (л. 248—250 об.); 4) *Discours préliminaire du Projet de Code Civil pour la Bessarabie* (л. 251—273, — помета на л. 273: *Présenté par P. Maniga, Dr. en Droit, Le Baron de Brunnov*). В этом «Проекте гражданского кодекса для Бессарабии» Манега располагает материал по принципу *en regard*, т. е. параллельно со статьями кодекса приводятся те правовые источники, откуда эти статьи заимствованы, а именно: фрагменты из *Corpus juris civilis* Юстиниана (чаще всего приводятся места из Институций, Дигестов, Кодекса), выписки на греческом языке из юридического сборника «Шестикнижие, или Ручная книга законов» византийского юриста XIV в. Константина Арменопола (см., например, л. 74, 92, 119 и др.), параграфы из французского наполеоновского кодекса, изредка ссылки на русские законы (например, на л. 77 выписки из Кодекса России положений о смертной казни) и др. Но все это представляет собою

уже заключительный этап работы, и среди тех помет, которыми испещрены поля рукописи, очевидно, бесполезно искать почерк Пушкина (хотя почерковедам-пушкинистам стоило бы проверить это); по всей вероятности, они принадлежат перу барона Бруннова, а не Манеги, так как дважды последний упоминается в третьем лице (наблюдение Кассо).

Спрашивается, чем в принципе мог быть полезен Пушкин для Манеги? Оценивая потенциальные качества Пушкина как переводчика, проф. И. И. Толстой в статье «Пушкин и античность» (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. XIV, 1938, с. 80) пишет следующее: «Занимался Пушкин и переводами, с латинского более или менее самостоятельно, с греческого через посредство французского, реже русского текста, иначе говоря, из вторых рук: греческого языка он не знал». И в самом деле, как мы видим, в письме Инзова к Каподистрии от 28 апреля 1821 г. сообщается, что Пушкин занят переводом с французского «молдавских законов». Можно предположить, что просьба Манеги о присылке коренного француза (но знающего, очевидно, русский язык), высказанная в письме к Каподистрии от 1 апреля этого же года, осталась неудовлетворенной, поэтому попытались воспользоваться безупречным французским Пушкина. Но при этом возникает еще вопрос о том, что имелось в виду под понятием «молдавские законы». Ответ на него мы найдем еще в одной работе проф. Л. А. Кассо — «Византийское право в Бессарабии» (Москва, 1907), — в которой констатируется, что источниками молдавского права в рассматриваемое время были весьма неопределенные местные законы и обычаи, а также рецептированные византийские юридические сборники, юридические руководства на греческом языке, в рукописном виде распространенные среди судей. Главным и наиболее известным из них является уже упоминавшееся «Шестикнижие» Константина Арменопула, которое, думается, и переводил Пушкин. Написанное фессалоникским судьей в 1345 г. «Шестикнижие» мыслилось автором как практическое руководство судьям, объединяющее в одном томе весь необходимый материал, расположенный в шести книгах, в первой из которых (18 титулов) рассматриваются общие принципы имущественного права, вопросы гражданского состояния, судопроизводства и т. д.; вторая книга (11 титулов) говорит о владении, собственности, морском и домостроительном праве; третья (11 титулов) — об отчуждении, договорном и залоговом праве, найме, товариществе и т. д.; четвертая книга (15 титулов) трактует вопросы брачного и семейного права; пятая (13 титулов) — темы наследственного права, а также опеки; шестая (15 титулов) содержит положения уголовного права. Как юридический памятник труд Арменопула сугубо компилятивен, будучи составлен из целого ряда более ранних, полностью или частично использованных византийских юридических памятников (Прохирона, Эпанагоги, Василик, новелл императоров и т. д.). Тем не менее в силу своих определенных достоинств (ясная, четкая, приближенная уже к современным стандартам систематизация правового материала; юридические нормы, приводимые в сокращенном и упрощенном, освобожденном от всякой риторики виде, и т. д.) арменопуловский сборник снискал широкую популярность на протяжении веков у разных народов.

особенно на Балканах и, в частности, в Греции, где он после провозглашения независимости был принят в качестве официального законодательства. Получил он распространение и в Молдавии, благо греческий язык, на котором и составлена компиляция Арменопула, становился здесь чуть ли не официальным языком. Существовал и молдавский рукописный перевод Арменопула, но зато не было ни французского, ни русского. Поэтому если Пушкин переводил именно Арменопула, то только с того рукописного французского текста, который готовил для него Петр Манега (или какой-либо иной член комиссии), используя в качестве оригинала греческий текст. Перевод памятника на русский язык тоже отнюдь не был пустым занятием: в нем остро нуждались назначаемые в Бессарабию русские судьи, которые не могли руководствоваться молдавским или греческим текстом.

Трудно сказать, насколько продвинулся Пушкин в такого рода работе. Вполне можно себе представить, что она тяготила «юного певца Руслана и Людмилы» и что он при первой возможности постарался от нее отделаться. Тем не менее работа по переводу «Шестипкижия» на русский язык продолжалась, и еще при жизни поэта (в 1831 г.) первое русское издание памятника было напечатано в сенатской типографии. Кто автор перевода, неизвестно, но если им был Балш, как это предполагает (со ссылкой на Нейгебаура) проф. Кассо («Византийское право в Бессарабии», с. 39, прим. 6), то это опять каким-то образом кажется связанным с именем Пушкина, ибо, как известно, с семьей Балшев поэт был связан самыми тесными узами.⁶

И. П. Медведев

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭПИГРАФА К «БАХЧИСАРАЙСКОМУ ФОНТАНУ»

Проблема источников эпиграфа к «Бахчисарайскому фонтану» при всей ее кажущейся простоте служила уже предметом долгой дискуссии, итоги которой подвел Н. В. Измайлов еще в 1975 г. Мы позволим себе целиком процитировать соответствующее место из его статьи «Мицкевич в стихах Пушкина»: «Как показали разыскания исследователя и переводчика Саадп, К. Чайкина (см.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии Академии наук СССР, т. 2, 1936, с. 468, в отчете С. М. Бопди о работе над IV томом академического издания сочинений Пушкина), изречение персидского поэта взято Пушкиным не из известнейшего сборника „Гюлистан“, но из другого сочинения Саади — „Бустан“, в Европе (а тем более в России) гораздо менее известного, вовсе не популярного и к 1820-м годам — ко времени создания „Бахчисарайского фонтана“ — полностью не переведенного ни на один из европейских языков (если не

---

⁶ См. об этом, например: Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979, с. 51 след.

считать старинного немецкого перевода XVII века, приложенного к изданию „Путешествия“ Олеария). Однако и это обстоятельство не доказывает глубокого знакомства Пушкина с творчеством Саади: из сличения пушкинской редакции изречения с подлинным текстом и подстрочным переводом К. И. Чайкин вывел убедительное заключение, что посредствующим между ними звеном был французский перевод. Вопрос вполне разрешен Б. В. Томашевским в его монографии „Пушкин“ (кн. 1, М.—Л., 1956, с. 505—507): исследователь указал на то, что посредствующим звеном явился „восточный роман“ Т. Мура „Лалла-Рук“, и не столько его английский подлинник, сколько французский перевод Амедея Пизо, где читаем: „Plusieurs ont vu, comme moi, cette fontaine, mais ils sont loin et leurs yeux sont fermés à jamais“ (1820), т. е.: „Многие, как и я, видели этот источник; но они далеко, и глаза их закрылись навсегда“. Понимание Пушкиным слова „fontaine“ (источник) как „фонтан“ не вполне точно, но вызвано эстетико-стилистическими соображениями.¹

Однако французский перевод поэмы Мура также имеет значительные расхождения с пушкинским текстом. Во-первых, Пушкин отбрасывает мотив «закрытых глаз», присутствующий также и в английском тексте поэмы, и у Саади — у последнего, правда, с несколько иным смыслом («ушли, как будто мигнувши очами»)². Во-вторых, «ils sont loin» значит в этом контексте не буквально «они далеко» и не «странствуют далеко», но «они умерли». Впрочем, повод для употребленной Пушкиным глагольной формы «странствуют» дает стоящее здесь в английском тексте «they are gone», хотя и тут имеется в виду, конечно, смерть, а не реальное странствие. Наконец, с этим вторым расхождением связано третье, самое главное: ни в оригинале поэмы Мура, ни в переводе нет противопоставления *иных — другие*, чрезвычайно важного для Пушкина, повторенного им в отрывке «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...» (III, 722), а позже в «Евгении Онегине».

Происхождение этого противопоставления можно попытаться объяснить, если привлечь еще один текст. Речь идет о стихотворении В. С. Филимонова «К друзьям отдаленным». Оно было впервые опубликовано в «Вестнике Европы» в 1815 г., т. е. за два года до появления «Лалла-Рук». В нем есть следующие строки:

---

¹ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 161—162 (сноска 73).

² См.: Розенфельд А. З. А. С. Пушкин в персидских переводах. — Вестник ЛГУ, 1949, № 6, с. 99. См. также: содержательную статью того же автора «Об одном крылатом выражении у А. С. Пушкина» (Народы Азии и Африки, 1976, № 6, с. 145—150); Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin, Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov in four volumes, v. 3. New York, 1964, p. 245—250. Н. М. Лобикова в своей книге «Пушкин и Восток. Очерки» (М., 1974, с. 37—38, 92) по-прежнему считает, что слова «иных уж нет, а те далече» взяты Пушкиным из поэмы Саади «Бустан», но ничего не говорит о его посредниках. См. также: Нольман М. О. Пушкин и Саади. — Русская литература, 1965, № 1, с. 132. Попутно отметим, что гипотеза М. О. Нольмана о том, что Пушкин самостоятельно переработал текст Саади, кажется нам малоубедительной — хотя бы потому, что не известны переводы, на которые Пушкин мог бы опираться.

Ах! сердце, в сиротстве, нигде не веселилось!
Как все окрест меня переменилось!
Рассеян круг родства,
Подруга — в сокрушеньи,
Друзей — иных уж нет, другие — в отдаленьи,
В развалинах Москва! ³

Стих «Друзей — иных уж нет, другие — в отдаленьи», как совершенно очевидно, полностью соответствует пушкинской формуле — как грамматически, так и по точному смыслу.

Трудно с уверенностью сказать, знал ли Пушкин это стихотворение. Первое упоминание о Филимонове в переписке Пушкина относится к 1825 г.,⁴ а знакомство (тогда мимолетное) — очевидно, к 1824 г.⁵ До того Пушкин и Филимонов вращались в кругах, практически не пересекавшихся, а в литературном мире Филимонов до «Дурацкого колпака» не был фигурой, обращавшей на себя внимание. Однако и знакомство Пушкина с его поэзией не исключено. «Вестник Европы» в 1815 г. несомненно входил в круг чтения Пушкина. Незадолго же до начала работы над «Бахчисарайским фонтаном», а именно в 1822 г., вышел сборник Филимонова «Проза и стихи». Он находился в библиотеке Пушкина,⁶ однако неизвестно, когда он туда попал — сразу ли по выходе или позже, после знакомства Пушкина с Филимоновым. Во всяком случае тот факт, что сборник Филимонова во время работы над «Бахчисарайским фонтаном» был новинкой, заслуживает внимания.

Итак, гипотеза о стихотворении Филимонова как об одном из прямых источников пушкинского эпиграфа⁷ вряд ли может быть строго доказана, как и большинство, впрочем, гипотез подобного рода; однако она не может быть и опровергнута. Нам она представляется вероятной и удовлетворительно объясняющей расхождение между Пушкиным и Муром, о которых мы говорили выше.

Что же касается того, был ли литературный источник у этой строки Филимонова и если был, то какой, то на этот вопрос ответить затруднительно. Стоит, однако, обратить внимание на третью строфу посвящения к «Фаусту» Гете:

Sie hören nicht die folgenden Gesänge,
Die Seelen, denen ich die ersten sang;
Zerstoben ist das freundliche Gedränge;
Verklungen, ach! der erste Widerklang.
Mein Lied ertönt der unbekanntnen Menge,
Ihr Beifall selbst macht meinem Herzen bang,
Und was sich sonst an meinem Lied erfreuet,
Wenn es noch lebt, irrt in der Welt zerstreuet.

³ Вестник Европы, 1815, № 18, с. 89. См.: Eugene Onegin... Translated... with a Commentary, by Vladimir Nabokov, p. 245.

⁴ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 443.

⁵ См.: Кокорева Л. А. О жизни и творчестве В. С. Филимонова. — Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, М., 1958, т. 56, вып. 4, с. 53.

⁶ См.: Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 1009.

⁷ Разумеется, мы нисколько не отрицаем, что «Лалла-Рук» также была источником этого эпиграфа; по крайней мере, первая его половина является вполне точным переводом из нее; отсюда же пришло имя Саади.

Начало этой строфы явно отозвалось позднее в последней строфе «Онегина» — т. е. в той же самой, где содержатся и строки из Саади;⁸ последняя же строка имеет немало общего с формулой Филимонова—Пушкина. Хотя там мы имеем дело с противительной конструкцией, а здесь — с условной, но у Гете также имеется двучленность формулы, а смысл аналогичен (те, кто еще жив, странствуют по свету).

Вопрос о том, читал ли Пушкин «Фауста» в подлиннике, остается, как известно, дискуссионным. Посвящение к «Фаусту» в России было хорошо известно в переводе Жуковского (посвящение к «Двенадцати спящим девам»), появившемся в 1817 г. В нем последняя строка третьей строфы изменена, двучленная формула перенесена в середину строфы и значительно распространена:

Прекрасный сон их жизни улетел.
Других умчал могущий Дух разлуки...

Таким образом, в интересующем нас отношении перевод Жуковского влиять на Пушкина не мог. Стихотворение же Филимонова было опубликовано раньше, и, следовательно, если перед нами не случайное совпадение, то Филимонов мог заимствовать эту формулу лишь из немецкого оригинала (другие переводы этого произведения неизвестны). В любом случае, как нам кажется, сопоставление с гетевским текстом увеличивает вероятность того, что формула пришла к Пушкину именно от Филимонова, так как маловероятно, чтобы два поэта независимо друг от друга совершенно одинаково переработали чужую формулу; тройное же совпадение допустить еще труднее. Впрочем, и это не является, конечно, окончательным аргументом в пользу нашей гипотезы.

Что же касается первых двух строк последней строфы «Онегина», то на них мог оказать влияние и перевод Жуковского.

Н. Н. Зубков

К ПОРТРЕТУ Н. Б. ГОЛИЦЫНА

«Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего „Онегина“: и вы, конечно, узнали некоторых лиц» (XVI, 184 — франц. ориг., 395 — перевод). Эти строки из письма Пушкина от 10 ноября 1836 г. обращены к Николаю Борисовичу Голицыну (1794—1866), человеку необычной судьбы.

События 1812 г. привели семнадцатилетнего юношу в ряды действующей армии, сражавшейся с иноземными захватчиками. В составе Киевского драгунского полка Голицын участвовал в пятидесяти битвах, сра-

---

⁸ На это обстоятельство любезно обратил наше внимание А. А. Илюшин.

Портрет Н. Б. Голицына.
Миниатюра неизвестного художника.

А. С. Пушкин. Портрет Д. В. Давыдова
в Лицейской тетради.

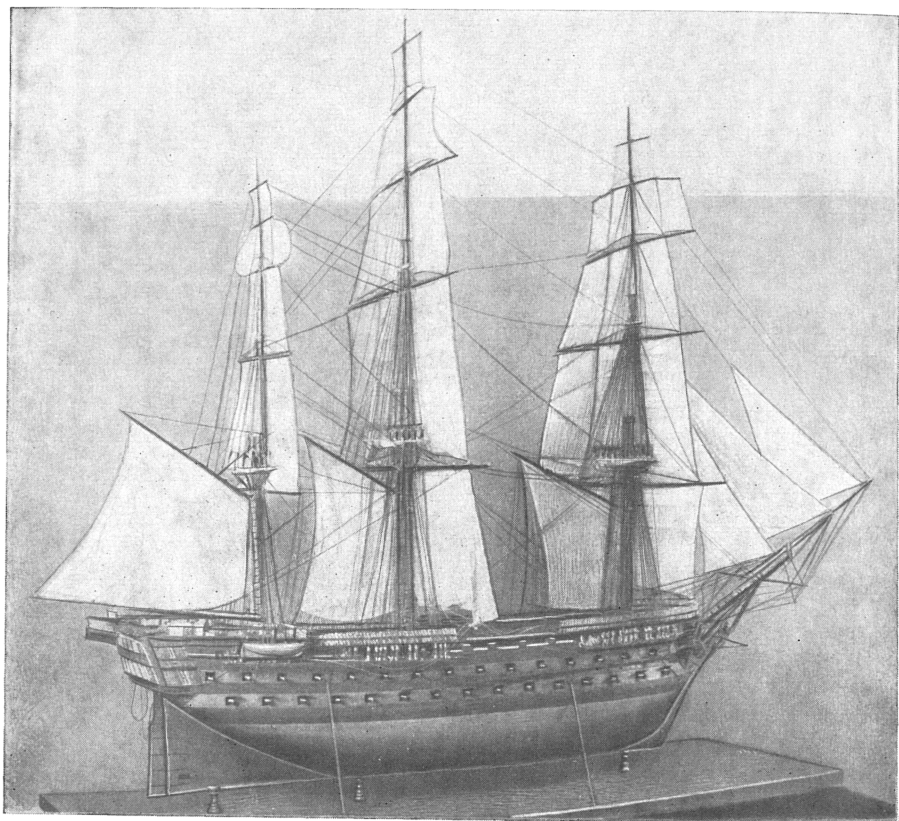

*Генералъ - Майоръ
Денисъ Васильевичъ*

ДАВЫДОВЪ.

Портрет Д. В. Давыдова.
Гравюра А. Афанасьева (с оригинала В. Лангера).

Модель корабля «Императрица Александра» (Военно-морской музей, г. Ленинград). (К статье А. Н. Ильина «К истории создания стихотворения „Чу, пушки грянули...“»).

жениях и схватках, и среди них были Бородино и взятие Парижа.¹ Его ратные подвиги были удостоены орденов и шпаги с золоченым эфесом и надписью «За храбрость» (хранится в Государственном Эрмитаже). В 1821 г. он вышел в отставку с чином капитана. Во второй половине 1820-х гг. Голицын вновь состоял в армии при Отдельном Кавказском корпусе в чине подполковника² и числился на военной службе до весны 1832 г.

Голицын был одним из образованнейших людей своего времени. В историю русской культуры он вошел как литератор и музыкальный деятель, пропагандист творчества Бетховена в России. Известна его переписка с композитором, посвятившим Голицыну увертюру «Освящение дома» (op. 124) и три струнных квартета (Es-dur, op. 127, A-moll, op. 132 и B-dur, op. 134), так называемые «голицынские». Как виолончелист он достиг совершенства, и его игру высоко ценили М. И. Глинка и А. С. Даргомыжский.³

Давняя дружба связывала Голицына с Пушкиным. По словам Н. Н. Голицына, его отец «сошелся с Пушкиным в начале его литературной славы, и отношения их поддерживались до самой смерти последнего». Голицын перевел на французский язык «Клеветникам России» (1836) и «Бахчисарайский фонтан» (1836), а также написал романс на слова Пушкина «В крови горит огонь желанья...» (1838).⁴

Портреты Голицына до последнего времени не были обнаружены. В 1824 г. на выставке в Академии художеств экспонировался его портрет кисти А. Г. Варнека. По словам В. И. Григоровича, «в портрете князя Н. Б. Голицына столько жизни, что кажется, он заговорить хочет».⁵ Где он сейчас, неизвестно. Два других портрета Голицына можно было видеть на юбилейной выставке Пушкина в Академии наук в 1899 г. К сожалению, они не были воспроизведены, а лишь упомянуты в альбоме, выпущенном в связи с этой выставкой.⁶

Недавно отыскались два портрета Голицына. Один из них воспроизведен в парижской монографии И. Маэма о Бетховене,⁷ другой воспроизводится впервые в настоящем издании (см. с. 112—113). На миниатюре, принадлежавшей потомкам Голицына, Николай Борисович

---

¹ См.: Голицын Н. Б. Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. М., 1837.

² См.: Список генералам, штаб и обер-офицерам всей Российской армии. СПб., 1829, с. 50.

³ См.: Алексеев М. П. Русские встречи и связи Бетховена. — В кн.: Русская книга о Бетховене. М., 1927, с. 92—110; Гинзбург Л. Николай Борисович Голицын. — В кн.: Гинзбург Л. Исследования, статьи, очерки. М., 1971, с. 43—93.

⁴ См.: Винокур Н. Г., Каган Р. А. Пушкин в музыке. Справочник. М., 1974, с. 27.

⁵ Григорович В. И. О выставке произведений в Императорской Академии художеств. — Журнал изящных искусств, 1825, № 1, с. 68 (первая пагинация).

⁶ Альбом пушкинской выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. М., 1899, № 432, 433.

⁷ Mahaim Ivan. Beethoven. Naissance et Renaissance des Derniers Quatuors. Paris, 1964.

изображен в мундире с эполетами старшего офицера в годы его службы на Кавказе. Ни имя художника, ни местонахождение оригинала миниатюры не известны. Портрет воспроизводится по старинной фотографии, хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа (фототека, принадлежавшая вел. кн. Николаю Михайловичу).

Л. А. Черейский

К ИСТОРИИ ОДНОГО АВТОРСКОГО ПРИМЕЧАНИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

В авторских примечаниях к «Евгению Онегину» есть следующая запись: «Сравнение, заимствованное у К**, столь известного игривостию изображения. К... рассказывал, что будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу» (VI, 195). Примечание это, данное под номером 43, вызвано следующим местом из строфы XXXV главы седьмой «Евгения Онегина»:

Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают как забор.

(VI, 154)

Кто же тот загадочный, в прошлом «столь известный игривостию изображения» К**, который мог быть послан курьером от Потемкина к Екатерине II и рассказ которого об этом мог быть записан Пушкиным? Еще в 1923 г. Б. Л. Модзалевский выдвинул предположение, что под К** подразумевался князь Д. Е. Цицианов (1747—1835), популярный в свое время рассказчик и остролов («К**» расшифровывалось как «князь»). Предположение было высказано вскользь в комментариях к пушкинскому «Дневнику».¹ В сводном указателе к большому академическому собранию сочинений инициал К** в «Евгении Онегине» раскрыт как «Цицианов, кн. Д. Е. (?)» («Справочный том», 445). Мы попытаемся, исходя из установленных к настоящему времени фактов, аргументировать эту давнюю гипотезу.

В примечании сведения о выведенном в нем рассказчике ограничиваются тем, что он отличался «игривостию изображения» и был в свое время курьером между Екатериной II и Потемкиным. Из этого мы и будем исходить.

Современниками засвидетельствовано, что «игривость изображения» — одно из определяющих качеств Д. Е. Цицианова как рассказчика. Так, П. А. Вяземский вспоминал о цициановской «поэзии рассказов»,² Пушкин

¹ Дневник Пушкина. 1833—1835/ Под ред. и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1923, с. 101.

² См.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883, т. 8, с. 388.

писал об «остроумных вымыслах» Д. Е. Цицианова (XI, с. 23), А. О. Смирнова-Россет, двоюродная племянница рассказчика, сравнивала его с Мюххаузеном.³ Довольно обширный свод свидетельств о рассказах Цицианова был приведен в упомянутых примечаниях Б. Л. Модзалевского. Конечно, все это отнюдь не позволяет закрепить «игривость изображения» за одним Д. Е. Цициановым. Однако пушкинский рассказ находит себе соответствия и в биографии Цицианова. Насколько известно, Цицианов нигде не служил, но был близок к Екатерине II и Потемкину, которым, видимо, импонировали его истории, полные острых и пикантных выдумок. Нередко императрица и ее фаворит в знак благосклонности давали ему личные поручения. Во всяком случае эти поручения представляют собой одну из сюжетных линий в цициановских рассказах. Так, в записи П. А. Вяземским одного из них Д. Е. Цицианов предстает как курьер между Екатериной II и Потемкиным.⁴

Приведем теперь один цициановский рассказ, имеющий особое значение в рамках настоящей заметки. Извлекаем мы его из «Автобиографии» А. О. Смирновой-Россет. В ней имеется следующая любопытная запись, до сих пор еще не привлекавшая внимание исследователей: «Я был, говорил он (Д. Е. Цицианов, — *Е. К.*), фаворитом Потемкина. Он мне говорит: „Цицианов, я хочу сделать курьиз государыне, чтобы она всякое утро пила кофий с калачом, ты один горазд на все руки, поезжай же с горячим калачом“. „Готов, ваше сиятельство“. Вот я устроил ящик с камфоркой, калач уложил и помчался, шпага только ударяла по столбам все время, трат, тра, тра, и к завтраку представил собственноручно калач. Изволила благодарить и послала Потемкину шубу. Я приехал и говорю: „Ваше сиятельство, государыня в знак благодарности прислала вам соболью шубу, что ни на есть лучшую“. — „Вели же открыть сундук“. — „Не нужно, она у меня за пазухой“. Удивился князь. Шуба полетела как пух, и поймать ее нельзя было...»⁵

Здесь соединено несколько сюжетов, в целом составляющих единую занимательную историю. Наиболее известен рассказ о «цициановской шубе». Он сохранился также в записях П. А. Вяземского и А. Я. Булгакова. Наибольший же интерес в данном случае представляет рассказ о «курьерстве» Цицианова. Он ближайшим образом соотносится с 43-м примечанием к «Евгению Онегину» и не был учтен Б. Л. Модзалевским, так как «Автобиография» Смирновой-Россет вышла в свет после издания дневника Пушкина и даже уже после смерти исследователя.

Перед нами, таким образом, две записи цициановского анекдота.

Где и когда мог его услышать Пушкин, сказать сейчас трудно. Первая пушкинская запись о Д. Е. Цицианове датируется 1824 г.: «всякое слово вольное, всякое сочинение противузаконное приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову» (XI, с. 23). Пушкин писал это в Михайловском; по-видимому, устное творчество Цицианова было ему хорошо знакомо еще до ссылки. Возможно, он встречал извест-

³ См.: Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931, с. 87.

⁴ См.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 8, с. 146.

⁵ Смирнова-Россет О. А. Автобиография, с. 121.

ного московского острошлова ребенком, в доме своего отца, а может быть, и в Петербурге: Н. И. Лорер вспоминал о петербургских цидиановских «четвергах». Многое он мог услышать и от хорошо знавшего Цидианова П. А. Вяземского. Следующую «цидиановскую» запись у Пушкина мы находим уже в цитированных нами строфе XXXV главы седьмой «Евгения Онегина» и в примечании к ней. Глава писалась с августа 1827 по 4 ноября 1828 г., издана была вместе с примечаниями в 1830 г. С 8 сентября 1826 г. вплоть до 19 мая 1827 г. Пушкин почти все время проживал в Москве. Вполне вероятно, что в это время он мог слышать в обществе рассказы Д. Е. Цидианова.⁶ Более точные сведения к настоящему времени в научный оборот не введены.

Таков основной комплекс аргументов, представляемых в пользу того, что источником 43-го примечания к «Евгению Онегину» и вызвавших его строк явился один из рассказов Д. Е. Цидианова.

Е. Я. Курганов

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНЕНИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ ПУШКИНА «Н. Н. (ПРИМИТЕ „НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ“)»

В «Невском Альманахе» Е. В. Аладьина на 1826 г. было помещено стихотворение Пушкина под первоначальным авторским заголовком «Н. Н. При посылке ей Невского Альманаха», напечатанное в следующем виде:

Примите Невский Альманах.
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевова,
Василья Пушкина, ... кова;
К. . . . дальний ваш родня
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лесту —
Что слава мира? . . . дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже! . .
Но кажется мне трудно тоже
Попасть и в этот Альманах.¹

«Невский Альманах» — один из наиболее популярных альманахов, издававшихся при жизни Пушкина. Его выпускал второстепенный литератор той поры Е. В. Аладьиц, сумевший привлечь в свой альманах крупных русских писателей, в том числе и Пушкина. Между 1825 и 1833 гг. вышло девять книжек «Невского Альманаха». «Изящно издаваемые им книжки заестрели именами всех литературных светил того времени, — пишет Н. Смирнов-Сокольский. — Пушкин, вначале относившийся к „Нев-

---

⁶ «Можно предположить знакомство Пушкина с Цидиановым в его приезде в Москву», — пишет Л. А. Черейский в книге «Пушкин и его окружение» (Л., 1975, с. 458—459).

¹ Невский Альманах на 1826 год. СПб., 1825, с. 59

скому Альманеху“ насмешливо, потом дал издателю и „Бахчисарайский фонтан“, и первую сцену из „Бориса Годунова“ и ряд мелких стихов”.²

Во второй раз при жизни Пушкина это стихотворение увидело свет с некоторыми изменениями в собрании «Стихотворения Александра Пушкина» (1829). Имя Полевого было завуалировано и сокращено до «***ова»; вместо «Василья Пушкина и ...кова» здесь напечатано: «Вел***, Х***ова», пятая строчка осталась без изменений, если не считать того, что точки, обозначающие отсутствующие буквы, заменены, как и в предыдущих двух строчках, звездочками.³

Большое при жизни Пушкина стихотворение не печаталось, и автограф его не сохранился. В последующих изданиях, в том числе в Полном собрании сочинений, оно помещалось во втором, исправленном варианте (II, 421). Зашифрованные имена читаются как Великопольский, Хвостов, Княжевич. Считается, что стихотворение написано в феврале—сентябре 1825 г. и что адресат его неизвестен.

Настоящая статья посвящена определению адресата стихотворения, уточнению времени его создания, более точному прочтению, а также анализу причин, которые побудили Пушкина включить в послание (или позднее исключить из него) имя того или иного литератора.

Завуалированные имена были прочтены еще Е. И. Якушкиным⁴ как Великопольский, Хвостов, Катенин. Последнее имя Г. Н. Геннади вполне обоснованно прочел как Княжевич,⁵ так как Катенин никогда не печатался в «Невском Альманехе». Сам Катенин в свое время, прочтя это послание, писал Пушкину 13 февраля 1826 г.: «Ты часто изволишь ставить начальные буквы таинственно: в Невском Альманехе (издатель должен быть слишком добрый человек) после Полевого et socii стоит какой-то К... дальний ваш (чей?) родня; моя совесть чиста, ибо по сию пору я ни в Невском, ни в другом альманехе ничего не печатал, но злые люди!» (XIII, 258).

Отвечая Катенину на другие вопросы его письма, этот вопрос Пушкин обошел молчанием. Частично на него ответил Геннади, но лишь окончательное решение катенинского вопроса «К... дальний ваш (чей?) родня» даст возможность расшифровать инициалы Н. Н., адресата пушкинского стихотворения.

Как видно, наиболее спорным оказалось прочтение имени, зашифрованного Пушкиным буквою «К», и поскольку именно это имя особенно важно для определения адресата послания, то на нем необходимо остановиться подробнее.

Во всех современных комментариях к посланию называется Дмитрий Максимович Княжевич как писатель, скрытый под этой буквой «К».⁶ В альманехе Княжевич напечатал на шести страницах под заголовком

---

² Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники 18—19 вв. М., 1965, с. 103.

³ Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829, ч. 2, с. 68.

⁴ Библиографические записки, СПб., 1858, № 11, с. 344.

⁵ Пушкин А. С. Собр. соч. СПб., 1859, т. I, с. 344.

⁶ См., например: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 187.

«Взгляд, взор, воззрение. (Отрывок из собрания синонимов)» серьезный разбор синонимических слов с примерами и научным комментарием.⁷ Само собрание синонимов вышло еще в 1822 г. Статья Княжевича никак не могла вызвать к себе иронического отношения, которое явно ощущается в пушкинском послании. Появляется сомнение в том, что именно Д. М. Княжевича имел в виду Пушкин, обозначив неизвестного литерой «К».

Впервые это сомнение было высказано М. П. Алексеевым: «Если Пушкин действительно имел в виду Княжевича в послании к „Н. Н. (при посылке «Невского Альманаха»)“ Венг. II: 400, то сопоставление имен Княжевича, Хвостова и Великопольского говорит скорее о насмешке, чем о дружеской шутке».⁸ В упомянутом издании (венгерском), как и во всех других после 1929 г., печатался только окончательный вариант стихотворения, где фигурируют имена Великопольского и Хвостова. Действительно, в сочетании с ними имя Княжевича также звучит иронически, но в первом варианте оно сочеталось с другими именами — В. Л. Пушкина и Маркова. Тем не менее и такое соседство не соответствует характеру помещенного Д. М. Княжевичем разбора синонимов.

Именно с венгерского издания закрепляется в комментариях ко всем последующим публикациям стихотворения имя Дмитрия Максимовича, в то время как осторожный в выводах Г. Н. Геннади, впервые вводящий в оборот фамилию Княжевича, не называет имени. У Геннади были к тому веские основания. Его мнение относительно того, что именно Княжевич упомянут Пушкиным, справедливо, так как из фамилий авторов альманаха ни одна не начинается с буквы «К», кроме фамилии Княжевич. Все дело в том, что среди авторов было двое Княжевичей — братья Дмитрий и Владислав. Геннади не писал об этом, но несомненно знал. Достаточно перелистать «Невский Альманах на 1825 год», чтобы в этом убедиться.

В. М. Княжевич поместил в альманахе очерк под названием «Убивать время. (Из L'Hermite de la Guiane)».⁹ Именно этому легкому, непринужденному произведению Владислава Княжевича вполне пристало бы пушкинское определение «милое», но не серьезному отрывку из фундаментального труда его старшего брата. Имя В. М. Княжевича в годы михайловской ссылки Пушкина упоминалось в Тригорском, так как Н. М. Языков, учившийся вместе с А. Н. Вульфом в Дерптском университете, был дружен с Владиславом Княжевичем. Ему посвящено несколько языковых стихотворений, написанных в Дерпте.¹⁰ Вероятнее всего именно В. М. Княжевича (1798—1873) имел в виду Пушкин в своем послании.

Начало его литературной деятельности было связано с «Обществом любителей словесности, наук и художеств» и с журналом «Цветник». С Пушкиным Княжевич мог быть знаком через А. Х. Хвостова, Д. В. Даш-

⁷ См.: Невский Альманах на 1825 год. СПб., 1825, с. 188—193.

⁸ Алексеев М. П. Пушкин и Княжевич. — В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1925, вып. I, с. 62. В статье даются ссылки на издание: Пушкин А. С. Соч. под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, т. II.

⁹ См.: Невский Альманах на 1825 год. СПб., 1825, с. 165—181.

¹⁰ См.: Русская старина, 1871, т. II, с. 1303—1306.

кова и других. К 1818 г. относятся первые известные нам встречи В. М. Княжевича с Пушкиным на заседаниях Общества любителей словесности, наук и художеств 8 августа и 19 сентября 1818 г.¹¹ В 1823—1824 гг. он с братьями издаёт литературное прибавление в «Сыну отечества» Н. И. Греча под названием «Библиотека для чтения», где в этот период печатается Пушкин.

Через Н. М. Языкова В. М. Княжевич был также знаком с А. Н. Вульфом. Таким образом, имя В. М. Княжевича было хорошо известно Пушкину и обитателям тригорского дома.

Представляется возможным также уточнить время создания Пушкиным этого стихотворения. Считается, что оно написано не ранее февраля 1825 г., когда Пушкин мог получить «Невский Альманах», но не позднее сентября того же года, когда дубликат уже отосланного неизвестной стихотворения появился в Петербурге, у Аладьина. Последнее подтверждается тем, что 7 октября 1825 г. «Невский Альманах на 1826 год», где послание будет напечатано, уже прошел цензуру Бирукова. На этом основании оно и датируется февралем—сентябрем 1825 г. (см.: II, 1167).

Однако анализ текста стихотворения позволяет сдвинуть указанные временные рамки с восьми месяцев до одного: конец февраля—конец марта 1825 г.

Пушкинское послание несомненно является непосредственной реакцией на альманах. Ощущение свежего впечатления, проступающего в послании, упоминание сразу четырех авторов, принявших участие в издании, говорит об этом. Автограф стихотворения не сохранился, но можно полагать, что в нем фамилии литераторов были приведены полностью и, лишь посылая его дубликат Аладьину, Пушкин завуалировал фамилии Маркова и Княжевича, обозначив точками пропущенные буквы. Впрочем, для современников не представляло особого труда их прочесть. Два же имени и вовсе помещаются без сокращений — Н. А. Полевого и В. Л. Пушкина.

Эпиграммный характер послания был отмечен читателями альманаха. Дворянский брат лицейского товарища Пушкина барон А. И. Дельвиг пишет в своих воспоминаниях: «Издатель его („Невского Альманаха“, — В. С.) Аладьин очень упрашивал Пушкина поддержать второй год его издания присылкою стихов. Пушкин послал ему эпиграмму на „Невский Альманах“, а он, вероятно, не понял этого и не только ее напечатал, но даже дал ей место, сколько помню, перед заглавным листом, по его мнению, наиболее почетное».¹² Е. В. Аладьин, конечно, понял смысл послания, но тем не менее пошел на то, чтобы задеть своих авторов, видных литераторов. Причину указывает сам А. И. Дельвиг — это желание увидеть стихи Пушкина на страницах своего детища.

---

¹¹ См.: Черейский Л. А. Указ. соч., с. 187 (ссылка на дело № 199 научной библиотеки ЛГУ).

¹² Дельвиг А. И. Из моих воспоминаний. — В кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 115. Послание открывало поэтический отдел альманаха.

Известно, что Аладьин объявил об участии Пушкина в «Невском Альманахе» еще до выхода его первой книжки. Это анонсирование было сделано без согласия Пушкина. Отсутствие пушкинских стихов в альманахе на 1825 г. было отмечено в печати.¹³ Сам поэт в конце февраля 1825 г. пишет брату: «Здесь письмо к Изд.ателю» или «—————» Н.евского» А.льманаха». Прочитай его да доставь. Он, каналья, лжет на меня в афишках да мне присылает свое вранье — добро!» (XIII, 147). Там же есть фраза, которая не обращала раньше на себя внимания исследователей: «Начало Кота Измайлова очень мило». Пушкин явно имеет в виду басню А. Е. Измайлова «Черный кот», которая была напечатана Аладьиным в первом номере его альманаха. Вот это «начало»:

Вы любите кота?
Любите: он ведь сирота.
Малюткой вам еще достался;
Кто подарил его, тот с жизнью расстался!
Отмечен всем ваш кот: умом и красотой!
Пленяет взоры он своею пестротой.
Какая белизна с блестящей чернотой!¹⁴

Пушкинское определение «очень мило» в письме к брату весьма подходит к басне и совпадает с общей характеристикой альманаха в послании «Н. Н.»: «Он мил и в прозе, и в стихах». Совпадение определений также говорит о том, что даны они одновременно, т. е. вскоре после получения и прочтения альманаха в конце февраля 1825 г., когда написано цитированное письмо к брату. Наличие в письме этого отзыва свидетельствует о том, что Пушкин уже получил альманах и прочел его.

Из письма явствует, кроме того, тот факт, что альманах был прислан Пушкину самим издателем («... да мне присылает свое вранье...»). Пушкин несомненно имеет в виду под «враньем» книжку альманаха. «Свое» — т. е. его, Аладьина, издание, а кроме того, издатель «Невского Альманаха» являлся и его основным автором. Таким образом, в конце февраля Пушкин получает от Аладьина из Петербурга «Невский Альманах», прочитывает его, составляет о нем мнение, пишет о нем Льву Сергеевичу и вскоре посылает альманах для прочтения неизвестной, прикладывая послание в стихах. Отсылка, отложенная до лета или осени, утратила бы характер новизны. Кроме того, пушкинское «добро!» в письме к брату звучит явным обещанием скорого возмездия, которым и становится написанное им стихотворение.

В послании Пушкин первым поминает Н. А. Полевого, человека отнюдь не бесталанного и уважаемого им. Упоминание его имени в ироническом смысле вызвано явно временным недовольством Пушкина в связи с напечатанной в «Невском Альманахе» пародией Полевого «Книжная лавка» на элегию В. А. Жуковского «Сельское кладбище».¹⁵ Сам Пушкин, в юности пародировавший стиль Жуковского, теперь неодоб-

¹³ См.: Северная Пчела, 1825, № 18, 10 февраля.

¹⁴ Невский Альманах на 1825 год. СПб., 1825, с. 145.

¹⁵ См.: там же, с. 105—112.

рительно относился к самой попытке задеть своего «пестуна и хриптеля».

Вскоре Пушкин получает «Телеграф», журнал, издаваемый Полевым, которого еще 19 февраля он не имел, как явствует из письма к П. А. Вяземскому: «Прочие (кроме „Телеграфа“, — В. С.) журналы все получаю . . .» (XIII, 144). Но вот уже 27 марта он пишет брату: «Я Телеграфом очень доволен — и мышло или мыслию поддержать его» (XIII, 158). Спусти несколько дней, не позже 6 апреля, о том же пишет Вяземскому: «. . . я было на Полевого очень оцетинился за Невск.ский Альм.анах и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился (разрядка наша, — В. С.). Я даже такого мнения, что должно непременно поддержать его журнал» (XIII, 159—160).¹⁶

«Сменив гнев на милость», Пушкин не стал бы задеть Полевого, значит стихи написаны до получения поэтом журнала «Телеграф». Таким образом, исходя из анализа пушкинской переписки начала 1825 г., можно говорить о том, что послание было написано не ранее конца февраля и не позднее 27 марта, когда Пушкин изменяет свое отношение к Полевому, познакомившись с его «Телеграфом».

К кому же обращено стихотворение? То, что адресат — женщина, очевидно. В указанный промежуток (февраль—март 1825 г.) Пушкин безвыездно находился в Михайловском и ни с кем из женщин не имел переписки, кроме В. Ф. Вяземской. Посылка ей альманаха из Михайловского невозможна, так как, живя в Петербурге, она имеет больше возможностей его получить.

Круг же близких деревенских знакомых Пушкина, как известно, был ограничен в то время семьей Осиповых-Вульф. Тон послания говорит о полусерьезном-полушутливом увлечении адресатом и соответствует характеру отношений Пушкина и Анны Николаевны Вульф, сложившемуся в конце 1824—начале 1825 г. В письмах этого времени (февраль—март), прежде всего обращенных к брату, Пушкин несколько раз упоминает А. Н. Вульф и ни разу не называет ни ее родной сестры Евпраксии, ни сводной — А. И. Осиповой.

Правда, весной 1825 г. в Тригорском гостила двоюродная сестра Евпраксии и Анны Николаевны — Анна Ивановна Вульф, или Нетти, как ее называли. По письмам Пушкина и воспоминаниям Вульфов известно, что он увлекся ею. Весной 1825 г. Пушкин упоминает А. И. Вульф в двух письмах к брату, но оба письма написаны в присутствии А. Н. Вульф и дают представление не столько об увлечении Нетти, сколько о характере взаимоотношений Пушкина и Анны Николаевны.¹⁷

Послание «Н. Н. (Примите „Невский Альманах“») содержит хотя и шутливый, но тем не менее критический литературный разбор альманаха. Указанные имена, суждения входили в круг бесед с обитателями Тригор-

---

¹⁶ В предыдущем письме брату и П. А. Вяземскому от 15 марта нет ни слова о «Телеграфе» (XIII, 153—154). Следовательно, Пушкин получает журнал после 15 марта.

¹⁷ Более поздняя переписка Пушкина с А. Н. Вульфом и воспоминания последнего свидетельствуют о том же.

ского, высказывались в письмах к Л. С. Пушкину, которые писались в присутствии А. Н. Вульф.

К Анне Николаевне обращено несколько стихотворений: «Увы, напрасно деве гордой...», «Нет ни в чем вам благодати...» и другие. С этими стихами послание к Н. Н. объединяет общий тон — шутливо-влюбленный, а с первым из них и общность содержания — неудовлетворенность чувства.

Сравним:

Увы, напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь...

и

Но кажется мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

Из всех барышень тригорского дома лишь к чувствительной Анне Николаевне может быть обращено сентиментальное объяснение: «Ах, сердце ваше мне дороже!». Пушкин как бы подражает ее языку. Вспоминается чуть более поздняя фраза из письма к А. П. Керн, где, перечисляя то, что должно украшать женщину, он писал: «Я прибавил бы еще — сердце, но ваша кузина (А. Н. Вульф, — В. С.) очень уж затаскала это слово» (XIII, 207 — франц. ориг., 543 — перевод).

Для окончательного вывода, что стихотворение обращено именно к А. Н. Вульф, необходимо установить, имеет ли место родство Вульфов и Княжевичей, так как Пушкин, упомянув Княжевича, называет его «дальней родней» своего адресата.

В. М. Княжевич принадлежал к старинному сербскому роду. Его отец Максим Дмитриевич, в 1799 г. переселившись в Россию, определен был в Кавалергардский полк, и выйдя в отставку, служил по гражданской части в Казани. Скончался он в 1809 г. в чине статского советника, оставив после себя четырех сыновей — Дмитрия, Александра, Николая, Владислава — и дочь Екатерину.

Истории рода Княжевичей посвящена книга М. С. Надеждина,¹⁸ но она раскрывает в основном сербские их связи, так как ветвь рода в России появилась всего несколько десятилетий назад. По этой же причине в русских родословных сборниках их фамилия отсутствует. Только в «Русской родословной книге» А. Б. Лобанова-Ростовского мы встречаем фамилию Княжевич, но и то параллельной ветви этого семейства. Четвероюродный брат Д. М. Княжевича Иосиф Иосифович был женат на дальней родственнице Вульфов Прасковье Михайловне, урожд. Беклешовой, в первом браке Вельяшевой.¹⁹ С несколькими Беклешовыми Пушкин был знаком на Псковской земле. Указанная связь Вульфов с Княжевичами, строго говоря, является не родством, а свойством, хотя и Пушкина, через Я. И. Ганнибала находившегося в свойстве с П. А. Осиповой, называли в деревне ее родней.

¹⁸ Надежин М. С. Род Княжевичей. Одесса, 1842.

¹⁹ См.: Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1876, т. II, с. 20.

К пушкинскому времени Княжевичи состояли в прямом родстве только с одной семьей Рудневых: на Елизавете Алексеевне Рудневой был женат М. Д. Княжевич (отец семейства).

Доказательства родства Вульфов с Княжевичами содержатся в семейной переписке Вульфов. В книге Б. Л. Модзалевского «Поездка в село Тригорское в 1902 году» в числе других опубликованы письма к Вульфам Анны Ивановны Колзаковой, рожденной Бегичевой. Ее мать, Екатерина Николаевна Бегичева, до брака носила фамилию Вындомская и приходилась троюродной сестрой П. А. Осиповой, рожденной Вындомской.²⁰

В письмах неоднократно упоминается имя Анны Ивановны Колзаковой Рудневка в Тверской губернии, где, как явствует из переписки, часто бывали П. А. Осипова, Анна и Алексей Вульфы. Название поместья навело на мысль о возможном родстве Бегичевых, а следовательно и Вульфов, с Рудневыми, которые имели поместья в Тверской губернии. Характер переписки в целом свидетельствует о близких — не только родственных, но и дружеских — узах Вульфов с А. И. Бегичевой-Колзаковой, которые завязались давно, и это несомненно было известно Пушкину. С Бегичевыми были знакомы родители Пушкина и он сам. Екатерина Николаевна Бегичева упомянута в его письме к Наталье Николаевне от 14 сентября 1835 г. из Михайловского: «Прасковьи Александровны еще здесь нет. Она или в деревне у Бегичевой или во Пскове хлопочет» (XVI, 229).

Наконец, в письме А. И. Колзаковой к А. Н. Вульфу 27 декабря 1857 г. из Петербурга находим искомое указание на родство с Княжевичами. Речь в письме идет о хозяйстве, о землях, о предположении, что будут прощены долги помещиков опекуному совету за заклад имений. Считая это невероятным, Анна Ивановна ссылается на мнение компетентного лица и пишет: «Родня наш, который это должен знать лучше многих, говорит, что это невозможно». В конце абзаца она снова называет его, но уже по имени: «Мне сказал Александр Максимович, что недавно был перезалог имения Тверской губернии — Вульфа. Очень была бы рада, если бы вы, перезаложив, выкупили Малинники или Нивы».²¹ Б. Л. Модзалевский поясняет, что речь идет о А. М. Княжевиче, а он, как известно, в ту пору занимал пост министра финансов, и понятно, что он был именно тем человеком, который «лучше многих» должен разбираться в вопросах, волнующих А. И. Колзакову.

Определение «родня наш», относящееся в данном случае к Александру Максимовичу Княжевичу, в равной мере относится к его родным братьям Дмитрию и Владиславу. Так устанавливается родство Вульфов с Княжевичами по линии Вындомских-Бегичевых, скрепленное свойством и давней дружбой. Учитывая тот факт, что Княжевичи не были в родстве ни с какой другой семьей, которая была бы знакома Пушкину, можно

---

²⁰ См.: Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1912, т. I, с. 134—145.

²¹ См.: Модзалевский Б. Л. Поездка в село Тригорское в 1902 году. — В кн.: Пушкин и его современники. СПб., 1903, вып. 1, с. 166.

с уверенностью сказать, что его слова в послании «Княжевич, дальний ваш родня» относятся к Вульфам.

Из сопоставления результатов анализа послания к Н. Н., писем Пушкина этого времени и родословных изысканий выявляется единственно возможный адресат стихотворения — Анна Николаевна Вульф.

Напечатанное в «Невском Альманахе» послание положило начало сотрудничеству Пушкина и Аладьина.

Как свидетельствует письмо Л. С. Пушкина С. А. Соболевскому от 17 января 1826 г., за это стихотворение было заплачено очень хорошо. «Вся годовая сумма Полевого, — пишет Лев Сергеевич, — равняется с платой, которую предлагает Аладьин за одну пьесу брата».²²

Уже в 1827 г. очередной выпуск альманаха открывался сценами из «Бахчисарайского фонтана». В 1828 г. в нем были напечатаны сцена из «Бориса Годунова» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре»), отрывки из «Андрея Шенье» и «Возрождение», а в 1829 г. — отрывки из «Евгения Онегина» с первыми иллюстрациями к роману. Со временем Пушкин отмечает улучшение качества произведений, публикуемых Аладьинным. В статье «Невский Альманах на 1830 год», напечатанной в двенадцатом номере «Литературной газеты» того же года, в отделе библиографии, он писал: «Невский Альманах издается уже 6-й год и видимо улучшается» (XI, 117).

Печатаемая вторично в 1829 г. послание к Н. Н., Пушкин придает ему более иронический характер, заменив имена В. Л. Пушкина и Маркова именами Великопольского и Хвостова, обозначив последних более чем прозрачно. Вряд ли эту замену можно считать случайной, тем более что она никак не связана теперь с публикациями «Невского Альманаха».

Эту подмену можно объяснить лишь ссорой между Пушкиным и И. Е. Великопольским в 1828 г. после появления книжки последнего «К Эрасту (сатира на игроков)» и пушкинского «Послания к В., сочинителю Сатиры на игроков». Ответная эпиграмма Великопольского «Узнал я тотчас по замашке...» вызывает в свою очередь возражение Пушкина: «Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться...» (XIV, 8). Уже второй раз Пушкин определяет поэзию Великопольского как «милую». Первый раз это было еще в 1826 г. в письме по поводу карточного долга: «Играешь ты на лире очень мило» (XIII, 281).

В третий раз Великопольский попадает под рубрику «милых постов» в переделанном послании к Н. Н. для собрания стихотворений, которое выйдет в 1829 г., но имени Великопольского в книжках «Невского Альманаха» — как в 1825 г., так и в последующих, до 1829 г. — нет. По-видимому, ему принадлежало одно из произведений, напечатанных в альманахе анонимно. В цитированном письме Пушкин писал Великопольскому: «Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в 8-ю гл. Онегина?» (XIV, 9). До этого дело не дошло, но Пушкин

²² Литературное наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 730.

все же задевает его сравнением с Хвостовым, поместив имя Великопольского в свое стихотворение.

В своем новом виде послание уже носит иной характер и не связано с ситуацией 1826 г., когда был написан его первый вариант.

Великопольский с почти десятилетним опозданием — в посмертном собрании сочинений Пушкина, куда вошло послание, — заметил эту перемену. Как писал П. Зиссерман, автор статьи «Пушкин и Великопольский», «последний, в 1838 г., не замедлил откликнуться стихами. Видеть свое имя, увековеченное смехом, было тяжело для самолюбия Великопольского». Это стихотворение было названо им «Мое мщение».²³

Проведенный анализ стихотворения «Н. Н. При посылке ей Невского Альманаха» позволил уточнить характер отношений Пушкина к лицам, упоминаемым в нем, установить имя адресата — Анну Николаевну Вульф и более точно датировать стихотворение концом февраля—двадцатыми числами марта 1825 г.

В. П. Старк

К РАСШИФРОВКЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ВТОРОЙ ПРОГРАММЫ ЗАПИСОК» ПУШКИНА

В собраниях сочинений Пушкина, в разделе автобиографического прозы (XII, 310), печатается фрагмент, именуемый условно «Второй программой записок» или «Вторым планом автобиографии»:

Кишинев — проезд мой из Кавказа
и Крыму — Орлов — Иццианты <—>
Каменка — Фонт. — Греч. Рев. — Липр <—>
12 год — mort de sa femme — le renégat — Папа
Арзрумский

Автограф этого плана находится на листке, ранее вшитом в составленную жандармами тетрадь (ПД, № 963); на этом же листке — еще несколько записей: черновик стихов об осени, наброски к стихотворению «Когда б не смутное влечение...», материалы к «Песням западных славян», набросок трех строк к «Медному всаднику».¹ Все эти тексты написаны одним почерком и одними резко-черными чернилами, встречающимися у Пушкина очень редко. Ясно, что все они написаны в одно время, то есть, по-видимому, в октябре 1833 г.²

Хотя «вторая программа» выглядит лишь фрагментом на фоне первой программы записок (XII, 307), датируемой предположительно 1830 г.

²³ Зиссерман П. Пушкин и Великопольский. — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1930, вып. XXXVIII—XXXIX, с. 279.

¹ См.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовом музее в Москве. — Русская старина, 1884, сентябрь, с. 648.

² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935, с. 93.

и содержащей последовательное обозрение первых лет жизни Пушкина вплоть до 1815 г., и состоит всего из 12 пунктов, она ставит перед исследователями немало вопросов. Первый из них (по порядку пунктов «программы») — это сокращение «Фонт.» Обратимся к мнению исследовательницы, рассмотревшей «Второй план автобиографии» в контексте «неясных мест биографии Пушкина»:

«Неясно, что означает сокращенное слово „Фонт“. Его раскрывали как Фонтан и видели в этой записи заметку о начале работы над „Бахчисарайским фонтаном“. Но правильное, вероятно, и в этой записи видеть заметку не о работе поэта, а, подобно всем другим случаям, о личности, с которой его свела судьба в эту пору. Среди знакомых Пушкина в Кишиневе был некий Фонтон, полнее — Фонтон де Верайон, один из молодых офицеров Генерального штаба, присланных в Кишинев для съемки планов области. Его упоминает Липранди, о нем говорит приятель Фонтон, знакомый Пушкина — прапорщик Лугинин, но мы даже отдаленно не представляем себе, что это был за человек».³

Итак, пушкинское сокращение «Фонт.» предложено было читать не как название произведения — «Фонтан» (Бахчисарайский), а как имя кишиневского знакомого — Фонтон. Предположение Т. Г. Цявловской не осталось без внимания исследователей. На десятой объединенной конференции пушкиноведов Юга, состоявшейся в июне—июле 1963 г. в Одессе, Г. Ф. Богач выступил с докладом, в котором поставил перед собой задачу раскрыть неразгаданное сокращение «Фонт.». «Подробное изучение биографии Фонтон де Верайона, его личности и деятельности, проведенное Г. Ф. Богачом, позволило ему показать, что Фонтон де Верайон по своим убеждениям и характеру жизни не мог быть назван Пушкиным среди имен Орлова, Ипсиланти, обитателей Каменки. Этот обоснованный вывод приводит Г. Ф. Богача к предположению, что под пушкинским сокращением „Фонт.“ имелся в виду Патон-Фонтон».⁴ Гипотеза Т. Г. Цявловской была, однако, поддержана Л. А. Черейским,⁵ который и закрепил ее введением фигуры Фонтон де Верайона в справочное издание «Пушкин и его окружение».⁶ Ниже мы рассмотрим еще одно возможное прочтение сокращения «Фонт.», а сейчас обратимся к другому вопросу, связанному со «Второй программой».

Какое время охватывает этот план? Ведь начинается он «Кишиневом», а кончается «Пашой Арарумским». Вот аргументация одной из точек зрения, высказанная в новейшей работе:

«Почти все факты и имена, содержащиеся во „Второй программе“, явно относятся к кишиневскому периоду жизни Пушкина. Очевидно,

---

³ Цявловская Т. Г. Неясные места биографии Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1962, т. 4, с. 36.

⁴ Бориневич-Бабайцева З. А. Десятая объединенная конференция пушкиноведов Юга. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966, с. 114.

⁵ См.: Черейский Л. А. Забытые знакомые Пушкина. — В кн.: Прометей. Историко-биографический альманах. М., 1974, т. 10, с. 402—405.

⁶ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 439.

Киселев - говорит о мн. Келлеге
 в Кельне - Деве - Миссиссиппи
 Кеммере - ^{Эрст} Эр. Рел. - Ступ
 (erst de la terre)
 12 case (le u'ingot) - Миссис
 Аппрессин - 18

Кеммере
 Кеммере, ^{состав} состав, ^{состав} состав
~~Кеммере состав~~ ~~Кеммере состав~~
 Кеммере состав - ^{Эрст} Эрст ^{состав} состав
~~Кеммере состав~~
 Кеммере - ^{состав} состав

Кеммере
 Кеммере состав ^{состав} состав
 Кеммере состав - ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав
 Кеммере ^{состав} состав

А. С. Пушкин. Автограф. «Вторая программа записок».

„Паша Арзрумский“ — тоже какое-то воспоминание тех же лет, а не по „Путешествия в Арзрум“ (1829), как думают некоторые исследователи. В последнем случае было бы непонятно, отчего в „Программе“ совершенно отсутствуют заметки о событиях шести лет, разделяющих Кишинев и Арзрум». ⁷ О другой точке зрения на хронологию «Второй программы» будет сказано ниже. Сейчас же обратим внимание на еще два «темных» пункта ее, которые записаны Пушкиным по-французски: «mort de sa femme» — «le renégat». Характерно, что самый обстоятельный комментарий к этому месту пушкинского плана был сделан в статье об И. П. Липранди: ⁸ фигура этого кишиневского знакомого Пушкина была выдвинута как бы в центр всей «Второй программы» благодаря тому, что пункты десятый («смерть его жены») и одиннадцатый («ренегат») — а заодно и пункт девятый под названием «12 год» — рассматривались как развитие «темы Липранди», намеченной в пункте восьмом. Можно сказать, что и сегодня основной тенденцией исследовательского отношения ко «Второй программе» является восприятие ее как потенциального материала для выяснения отношений Пушкина и И. П. Липранди. Так, в обзоре Я. Л. Левкович «Документальная литература о Пушкине» читаем:

«Основным источником кишиневской жизни Пушкина служат воспоминания И. П. Липранди. <...> Отношение Пушкина к Липранди скорее всего не было однозначно-восторженным... Ключом к нему мог бы стать один из пунктов программы записок, составленной Пушкиным в 1833 г.: „Липранди — 12 год — mort de sa femme — le renégat «смерть его жены — ренегат». Почему в ряду событий политических (Каменка, греческое восстание, 1812 год) особым пунктом стоит давняя смерть жены Липранди? Языковое выделение этого пункта, как и следующего — „le renégat“, скорее всего дает право объединить эти два пункта, отнести оба к Липранди, но тогда — что значит „le renégat“ — действия Липранди в 1812 г., во время смерти жены, или позже, в 1825 г., когда он, арестованный по делу декабристов, через месяц был выпущен с аттестатом „о непричастности“? Может быть, со временем обстоятельство смерти этой женщины прояснится и это позволит не только прокомментировать запись Пушкина, но и ответить на все приведенные выше вопросы».⁹

Надо отметить, что попытки прояснить загадочный пункт «mort de sa femme» путем поисков архивных сведений о жене И. П. Липранди уже делались. «Г. Ф. Богач пересмотрел по нашей просьбе, — пишет Т. Г. Цявловская в указанной выше статье, — в кишиневском архиве метрические записи по различным церквям Кишинева за 1817, 1818, 1819 и 1820 гг., по имени жены Липранди не нашел. Записи о католиках не сохранились, а она, как французешка, была, вероятно, именно католичкой. Выражаю

⁷ Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979, с. 20.

⁸ См.: Садиков П. А. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х гг. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, т. 6, с. 291—292.

⁹ Левкович Я. Л. Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.). — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973, с. 67—68.

признательность Г. Ф. Богачу, взявшему на себя этот неблагодарный труд».¹⁰

Спросим теперь: что же, если и дальнейшие поиски следов жены И. П. Липранди не дадут результата, неужели мы обречены на полное неведение относительно финала пушкинской «программы»? Мы склонны к ответу более оптимистическому, ибо представляем дело несколько иначе: «mort de sa femme», как и «le genécat», вполне могут быть и самостоятельными пунктами в пушкинском плане, никакого отношения к Липранди не имеющими. «Липранди» — лишь один из пунктов некоего важнейшего, итогового историко-политического обзора, каким, вероятно, является «Вторая программа»: таков исходный момент нашей точки зрения.

Чтобы не быть голословным, обратимся к шестому пункту пушкинского плана: «Фонт». Мы полагаем, что в этом сокращении скрыто не имя кишиневского знакомого Пушкина — Фонтон де Верайона, а название — но не поэмы «Бахчисарайский фонтан», а петербургской реки Фонтанки. Попала же сюда эта река не из-за дома Клокачева на Фонтанке, у Калининского моста (где жил молодой Пушкин по выходе из Лицея), а, конечно, из-за дома Е. Ф. Муравьевой на той же Фонтанке. Эта «Фонтанка» есть некий шифр, за которым стоит история зарождения декабристского общества: в доме Муравьевой «сбирались члены сей семьи». Но в случае такой расшифровки бросается в глаза близость двух пунктов «Второй программы записок» и двух мест из «декабристской хроники» «Евгения Онегина»: в «программе» с Фонтанкой соседствует Каменка (центр южного декабризма), а в романе — такой же «географический переход» с севера на юг в рассказе об истории декабризма (только вместо Фонтанки названа Нева). Обнаружение этого совпадения неизбежно заставляет прочитать «Вторую программу записок» на фоне историко-политической хроники романа, а это в свою очередь дает основание увидеть пушкинский план 1833 г. в новом свете:

<i>«Евгений Онегин»:</i>	<i>«Вторая программа записок»:</i>
Гроза двенадцатого года Настала — кто тут нам помог?	12 год
Безрукий князь друзьям Морей Из Кишинева уж мигал	Ипсиланти
Сбирались члены сей семьи У беспокойного Никиты	Фонтанка
Но там, где ранее весна Блестит над Каменкой тенистой	Каменка

Выявляющаяся внутренняя связь «Второй программы» с «декабристской хроникой» ставит немало новых вопросов; ограничимся пока двумя. Сначала — о хронологическом охвате «Второй программы». Представляется весьма продуктивным соображение, высказанное на этот счет П. А. Сад-

¹⁰ Цявловская Т. Г. Неясные места биографии Пушкина, с. 37

ковым: «Линия, замеченная „Программой записок“ (от Ипсиланти к деятелям войны 1829 г.) в 1833 г., вообще занимала Пушкина: в кратком плане к „Езерскому“ он, например, писал: „Я видел Ипсиланти, Ермолова, Паскевича“». ¹¹ Если Пушкин действительно думал завершить изложение Арзрумом, то крайними хронологическими вехами его плана оказывались 1812 и 1829 гг. При этом изложение, очевидно, не предполагалось вести в строго хронологическом порядке: сравнение пункта «12 год» во «Второй программе» с точно таким же пунктом в «Первой программе» (где 1812 г. есть очередная хронологическая веха в последовательном изложении и потому он, естественно, оказывается в окружении событий 1811 г., с одной стороны, и 1813 г. — с другой) наводит на мысль, что изложение во «Второй программе» должно было происходить по какой-то особой логике. И здесь-то и нужно сказать о том другом вопросе, который возникает из сближения «Второй программы» с онегинской «декабристской хроникой»: точно ли «Вторая программа» есть план *записок*? А не может ли она быть планом из *художественного произведения*? Здесь следует отметить, что О. С. Соловьева, описывая интересующую нас страницу пушкинского автографа, нашла возможным так записать начало «Второй программы»: «Осень — Кншинев» ¹² (у Пушкина после слова «Осень» поставлен знак, показывающий, что сюда должен быть помещен какой-то уже готовый фрагмент текста, — см. с. 127 настоящего издания).

В заключение скажем, что «Вторая программа» еще не была, к сожалению, предметом специального и всестороннего исследования, которого она безусловно заслуживает. Максимально полное раскрытие всех пунктов этого плана с выявлением их взаимодействия и специфического смысла в данном контексте позволило бы, вероятно, реконструировать один из узловых моментов идеологии позднего Пушкина.

А. Е. Тархов

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «ЧУ, ПУШКИ ГРЯНУЛИ...»

Занимаясь изучением материалов для истории старейшего судостроительного завода, ныне носящего название «Ленинградское Адмиралтейское объединение», я обратил внимание на следующее сообщение, помещенное среди внутренних известий «Санктпетербургских ведомостей» за 1833 г.:

«Санктпетербург, 10 августа.

Построенный в Новом Адмиралтействе 84-пушечный корабль „Владимир“ спущен на воду сего 10 числа августа в присутствии их величеств, государя императора и государыни императрицы, принца Альберта Прусского, государя (т. е. великого князя, — А. П.) генерал-адмирала

¹¹ Садилов П. А. Указ. соч., с. 292.

¹² Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. Составила О. С. Соловьева. М.; Л., 1964, с. 26.

Константина Николаевича, военного генерал-губернатора, морского министра и многочисленного генералитета. — Строитель сего корабля — корабельный инженер-полковник Каверзнев. Командир — капитан I-го ранга Кишкин. Длина корабля 196 фут, ширина 50 ф., глубина 23 ф. 7 дюймов. Он начат строением в прошлом 1832 году 16 числа мая и заложен того же года 28 июня».¹

В 1939 г., комментируя стихотворение Пушкина «Чу, пушки грянули...», Т. Г. Цявловская заметила: «Вероятно, в 1833 году, или около этого времени, Пушкин присутствовал на торжестве спуска на воду нового военного корабля, и это внушительное зрелище несомненно произвело на него сильное впечатление...».²

Так как в 1833 г., до отъезда поэта на Урал, в Петербурге был спущен на воду только корабль «Владимир», стало ясно, что стихотворение «Чу, пушки грянули...» посвящено именно этому событию. Об информации в газете «Санктпетербургские ведомости» я сообщил Татьяне Григорьевне Цявловской. В ответном письме ныне покойная исследовательница писала:

«О том, что А. С. Пушкин присутствовал при спуске корабля, я поняла, читая его произведения. Три раза поэт говорит об этом торжестве. Первый раз в недописанном стихотворении „Чу, пушки грянули...“:

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей,
Качаясь плавает, как лебедь молодая.
Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,
Широкая волна плеснула в острова.

(III, 310)

Второй раз писал А. С. Пушкин во вступлении к „Медному всаднику“:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полночная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует
Или крестит средь Невских вод
Меньшого брата русский флот.³

Третий раз об этом зрелище он писал в своей статье „О ничтожестве литературы русской“ в 1834 году: „...Наконец явился Петр. Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек“ (XI, 269).

¹ Санктпетербургские ведомости, 1833, № 187, 11 августа.

² Альбом 1833—1835 гг. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки им. В. И. Ленина. Комментарий. М., 1939, с. 52.

³ См.: Пушкин А. С. Медный всадник. Издание подготовил П. В. Измайлов. Л., 1978, с. 11, 64.

Все эти художественные картины спуска нового корабля на воду меня заставили утверждать, что Пушкин присутствовал при таком торжестве.

А затем я встретила в одном письме 1833 года описание этого события на Английской (ныне Красного Флота) набережной, и мне стало ясно, что именно этот спуск предшествовал стихотворению „Чу, пушки грянули...“.

Издание, где я прочла письмо того времени о спуске корабля: „Архив села Михайловского“, том 2, выпуск I, СПб., 1902 г., стр. 14.

Это письмо фрейлины Анны Сергеевны Шереметевой. Вот эти строки: „Петербург. 11 августа 1833 года. Мы сажались на пароход на Английской набережной, после очень интересного зрелища — спуска корабля. Было великолепно и даже страшно. Ужасный шум, треск дерева, когда он проходил мимо нас: казалось, это движется высокая гора, которая нас раздавит, и все невольно отошли от решетки. Пушечная пальба со всех других судов, находящихся на воде, и тысячи раз повторяемое «ура» увеличивали красоту зрелища“.

Во втором издании десятитомника А. С. Пушкина, 2-ой том которого должен выйти, я заменила слово „летом“ точной датой „11 августа“.

Рада, что могла быть Вам полезной...».

Вероятно, второй том собрания сочинений Пушкина, о котором упоминала в письме Т. Г. Цявловская, в то время уже был набран, и потому в комментарии к стихотворению «Чу, пушки грянули...» там указывается: «В незавершенных стихах описано торжество спуска на воду 11 августа 1833 г. нового военного корабля в Петербурге на Английской набережной...».⁴

Точная дата спуска на воду корабля «Владимир» подтверждается рядом с газетным сообщением и справочником русских военных судов С. Веселаго, где указывается: «Корабль „Владимир“ заложен 28 июня 1833 г., спущен 10 августа 1833 г., в 1847 г. капитальный ремонт в Кронштадте, в 1852 г. трембирован, в 1860 г. обращен в пловучий кран».⁵

В Военно-морском музее сохранилась модель корабля «Императрица Александра»,⁶ точного аналога того корабля, спуск которого 10 августа 1833 г. наблюдал Пушкин. Фотография данной модели воспроизводится в настоящем издании (см. с. 112—113).

А. Н. Ильин

К ЗАМЕТКЕ ПУШКИНА «О ЖЕЛЕЗНОЙ МАСКЕ»

Заметка «О Железной Маске» написана в первой трети 1836 г. В ней Пушкин приводит прокомментированный им перевод отрывка из сочинения Вольтера «Век Людовика XIV», в котором французский писатель

⁴ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти томах. М., 1974, т. 2, с. 628.

⁵ Веселаго С. Список русских военных судов с 1668 по 1860 г. СПб., 1872, с. 64—65.

⁶ Модель № 34, раб. Власова.

рассказал о таинственном узнике Бастилии, носившем, по его словам, на лице железную маску.¹ Пушкин называет в заметке троих из известных к этому времени «претендентов» на роль «Железной Маски». «Иные думали, — пишет он, — что Железная Маска был граф de Vermandois (де Вермандуа, — Ю. Т.), осужденный на вечное заключение будто бы за пощечину, им данную дельфину (Людовику XIV). Другие видели в нем герцога де Бофор, сего феодального демагога, мятежного любимца черни парижской, пропавшего без вести во время осады Кандия² в 1669 г.; третьи утверждали, что он был не кто иной, как герцог Монмуф, и проч. и проч.». По словам поэта, Вольтер «романически думал или выдумал, что славный невольник был старший брат Людовика XIV, жертва честолюбия и политики жестокосердой». Однако, по мнению Пушкина, «доказательства Вольтера были слабы», и загадка осталась нерешенной, несмотря на «взятие Бастилии <...> и обнаружение ее архива» (XII, 29).

Анализ литературной деятельности Пушкина за 1836 г. показывает, что автор, по всей видимости, относился к заметке как к черновому наброску или как к рабочему материалу для последующей разработки. Об этом наглядно свидетельствует то обстоятельство, что поэт воздерживался от ее опубликования. В то же время большинство его других статей и заметок, написанных им в 1836 г., примерно одновременно или даже позже данной, были напечатаны в «Современнике» при жизни автора. Нельзя также при этом не учитывать, что эта заметка отсутствует и в перечне статей для «Современника», составленном Пушкиным в 1836 г. Наконец, косвенно о незавершенности работы над «Железной Маской» «рассказывает» и сама рукопись заметки, содержащая неуточненную дату таинственного исчезновения Бофора («16...») и ряд исправлений исторического характера, внесенных самим автором.

Некоторыми литературоведами высказывается предположение, что Пушкин прекратил эту работу якобы в связи с появлением в 1836 г. в журнале «Телескоп» изложения статьи Поля Лакруа (Жакоба Библиофила), опубликованной во французском журнале «Revue de Paris» и посвященной загадке «Железной Маски».³ В ней французский литератор и источниковед впервые выдвинул гипотезу о том, что под маской скрывался сюринтендант финансов Людовика XIV Никола Фуке (1615—1680?). Эту версию Лакруа развернул в своих последующих работах: в романе «Пиньероль, история из эпохи Людовика XIV» и в историческом исследовании «Человек в железной маске».⁴

Появление такой публикации, как обзорная статья, на наш взгляд, не только не остановило бы Пушкина, а, наоборот, могло лишь придать ему дополнительный импульс для исторических изысканий. Ведь Лакруа

¹ F. M. Voltaire. Oeuvres complètes. Paris, 1823, t. XX, p. 138—141.

² Кандия — итальянское название острова Крит, военными операциями по захвату которого командовал Великий адмирал Франции герцог де Бофор.

³ См.: Новая догадка о Железной Маске. — Телескоп, 1836, ч. XXXII, с. 436—452.

⁴ P. Lacroix. Pignerol, histoire du temps de Louis XIV. Paris, 1836; P. Lacroix. L'Homme au Masque de Fer. Paris, 1837.

пытался обосновать только одну из возможных версий идентификации таинственного узника, что не решало проблемы в целом.

Изучение описания библиотеки Пушкина, составленного Б. Л. Модзалевским,⁵ убеждает в том, что с точки зрения подбора литературных источников поэт был готов к проведению серьезного исторического исследования на тему о «Железной Маске». В реестре библиотеки под номером 1144 мы находим «Историю Франции» Жюль Мишле (1798—1874), видного французского историка, проявлявшего глубокий интерес к судьбе таинственного заключенного, но убежденного, что «история „Железной маски“ останется, вероятно, навсегда неразгаданной». В XIII и XIV томах сочинений Вольтера (№ 1491) обнаруживаем описание «века Людовика XIV» с характеристикой многих исторических персонажей, в том числе первого из «претендентов» на роль «Железной Маски» — графа де Вермандау. Под номером 1345 числятся мемуары историкографа Л. Сен-Симона (1675—1755), одного из придворных Людовика XIV, в которых излагается история правления короля Солнце, раскрываются многие закулисные стороны королевского двора и описываются некоторые исторические личности, знавшие об узнике в маске. В своих «Воспоминаниях о Бастилии» (№ 777) французский публицист А. Леже (1736—1794) называет в качестве одного из «претендентов» на роль «Маски» сына Анны Австрийской и английского герцога Букингема. Наконец, еще один «претендент» — государственный секретарь герцога Мантуанского, граф Маттиоли — фигурирует в мемуарах госпожи Кампан (№ 786), придворной дамы Людовика XVI. Кроме того, в библиотеке Пушкина соответственно под № 1427, 1229 и 1388 значатся мемуары маршала Р. Тессе (1650—1725), герцогини Орлеанской, принцессы Палатинской (1652—1722) и французской писательницы М. Севинье (1626—1696), современников эпохи Людовика XIV, невольно оказавшихся в той или иной мере исторически связанными с судьбой человека в железной маске, а также ряд других книг, посвященных истории Франции XVII—XVIII вв.

Напрашивается вопрос: случайно ли в библиотеке Пушкина возникла подборка, насчитывающая около двух десятков литературных источников, содержащих те или иные сведения, непосредственно касающиеся истории «Железной Маски»? Ответ далеко не очевиден. Вместе с тем, упомянутая заметка и названный перечень литературы позволяют предположить намерение автора продолжить разработку темы о таинственном узнике Бастилии. Закономерен и второй вопрос: чем объяснить интерес Пушкина к проблеме «Железной Маски»? По-видимому, суть дела сводится не только к стремлению поэта разгадать тайну личной трагедии неизвестного заключенного. История «Маски» является показателем глубокого бесправия и полного беззакония в эпоху абсолютной монархии, свидетельством безграничного произвола короля Солнце и его правящей клики, по мимолетному капризу которых неугодный человек без различия положения, возраста и пола мог неожиданно превратиться в беспощадно преследуемого «государственного преступника». Очевидно, что Пуш-

---

⁵ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910.

кни, полный свободолобивых идеалов, восславивший свободу в свой жестокий век и призывавший к милосердию по отношению к поверженным, не мог пройти равнодушно мимо этой темы. Однако работа над материалами о «Железной Маске» оказалась незавершенной из-за безвременной кончины поэта.

Заметка под названием «Железная Маска» была опубликована в VI томе «Современника» за 1837 г. уже после гибели Пушкина. Издатели и комментаторы, подошедшие очень бережно к тексту автора, не обнаружили, что рукопись содержит одну малозаметную историческую неточность. Суть ее заключается в том, что Людовик XIV (1638—1715) не мог быть «дельфином» (т. е. дофином — наследником престола) для графа де Вермандуа (р. 1667), так как последний являлся его побочным сыном от фаворитки де Ла Вальер. Дофином для Вермандуа в описываемое Вольтером время был его сводный брат Людовик — Louis le Grand dauphin (1661—1711) — законный сын короля и его жены Марии-Терезы (1638—1683). Поскольку XIII и XIV тома сочинений Вольтера в библиотеке Пушкина в соответствующих местах оказались неразрезанными, поэт, по-видимому, не был осведомлен о том, что граф де Вермандуа, якобы оскорбивший дофина, — это юноша, не старше 16 лет, один из любимых сыновей Людовика XIV, скончавшийся после непродолжительной болезни в Куртре 18 ноября 1683 г. в период военных действий, имевших целью захват территории испанских Нидерландов.

Неточность, допущенная в тексте заметки, не была отмечена ни в одном из посмертных изданий сочинений Пушкина и свыше 140 лет ускользала от внимания специалистов и массового читателя.

Комментарий к этой заметке, сопровождающий ее от издания к изданию, также содержит историческую неточность. В нем указано, что «Железной Маской» был итальянец граф Маттиоли, секретарь герцога Мантуанского. По современным историческим данным, Маттиоли не мог быть «Железной Маской» Бастилии (1698—1703), так как он скончался в заключении на о. Сент-Маргерит в конце апреля 1694 г.⁶ Гипотеза о Маттиоли была главенствующей в исторической науке XIX в., однако в настоящее время она потеряла своих сторонников. Наука XX в. выдвинула более достоверные версии об идентификации «самого таинственного узника в истории», прошедшего скорбный путь от замка Пиньероль до Бастилии.

Практически серьезному анализу специалистов подвергаются только две «кандидатуры». Меньшее число сторонников (П.-К. Аррез и др.) имеет гипотеза, впервые выдвинутая в XIX в. еще П. Лакруа, согласно которой в качестве человека в железной маске, безымянного узника Бастилии, рассматривается сюринтендант финансов Н. Фуке, арестованный по приказу короля в 1661 г. Ш. де Б.-К. д'Артавьяном и направленный в 1665 г. из Бастилии на вечное заключение в Пиньероль. Большинство же ее сторонников, среди которых Ж. Лер, М. Дювилье, Ж. Монгретьен, Ж.-К. Птифис и др., отдают предпочтение таинственному Эсташу Доже — узнику Пиньероля с 1669 г., — приставленному в течение 1675—1680 гг. в качестве

⁶ См.: Arrèze P.-J. Le Masque de Fer, l'enigme enfin resolu. Paris, 1969, p. 326.

слуги к Фуке. Однако обе эти версии, как впрочем и гипотеза о Маттиоли, вступают в противоречие с полной совокупностью известных документов и фактов.

Использование метода системного подхода в сочетании с традиционным методом исторического анализа позволило получить новое решение этой 300-летней загадки французской истории.⁷ Выдвинутая нами новая гипотеза охватывает все известные в исторической литературе документы и факты. Благодаря использованию специально разработанной для идентификации «Железной Маски» логической матрицы⁸ удалось установить, что жизненный путь таинственного Неизвестного, появившегося в Пиньероле после официального сообщения о смерти Фуке (23 марта 1680 г.) и скончавшегося в Бастилии в 1703 г., непосредственно включал судьбы трех человек, являвшихся последовательно в различные хронологические периоды носителями рокового звания «Железной Маски».⁹ Это мнимо умерший Никола Фуке (март 1680—январь 1694), Эркуль Маттиоли (январь 1694—апрель 1694), Эсташ Доже (апрель 1694—ноябрь 1703). Сама маска оказалась необходимой не только тогда, когда потребовалось скрыть от общественности хорошо известное лицо, но и тогда, когда понадобилось утаить тот факт, что личность, первоначально носившая маску, уже не существует...

Думается, что при осуществлении новых изданий сочинений Пушкина было бы целесообразно отразить в комментариях к заметке «О Железной Маске» отмеченные выше тонкости этой исторической проблемы.

Ю. Б. Татаринová

---

⁷ См.: Татаринová Ю. Б. Новый ответ на загадку французской истории. — Вопросы истории, 1979, № 10, с. 112—123.

⁸ См.: там же, с. 119—120; Татаринová Ю. Б. Человек в «железной маске» — кто он? — Наука и жизнь, 1977, № 3, с. 136—137.

⁹ См.: Татаринová Ю. Б. Новый ответ на загадку французской истории, с. 120—123.

IV. ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1978 г.

В 1978 г. большое внимание было уделено научно-исследовательской работе. Изучалась и описывалась коллекция изобразительных материалов, хранящихся в фондах, создавались тематико-экспозиционные планы выставок, изучались материалы для составления исторических справок. Музей приступил к работе с проектантами над планом восстановления историко-архитектурного интерьера последней квартиры Пушкина.

В течение года были подготовлены и заслушаны на научных заседаниях и конференции следующие сообщения и доклады: Т. К. Санасарян «Пушкин и Оленина», «А. А. Дельвиг», «Н. Н. Гончарова в судьбе А. С. Пушкина»; Г. С. Тюриной «Лицей в системе народного образования на рубеже XVIII—XIX вв.»; Т. С. Мишиной «Пушкинский „Современник“ и русская журналистика 30-х гг. XIX в.»; С. Л. Абрамович «Ноябрьский анонимный пасквиль и его значение в дуэльной истории А. С. Пушкина»; Н. И. Грановской «Портрет А. П. Ганнибала в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина»; Е. Н. Ивановой «Материалы по истории физического кабинета и курса физико-математических наук в Лицее»; А. Г. Пинаевой «Усадебная мебель в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина»; Г. И. Назаровой «Архив Нащокиных»; Р. Г. Жуйковой «Новые определения двух рисунков Пушкина из Лицейской тетради»; Т. А. Калининой «Женщина XVIII столетия, ее идеал, общественная роль и духовные интересы»; Н. М. Чернецкой «О портретах братьев Тургеневых»; Л. П. Фелчук «О портретах братьев Булгаковых».

Сотрудники музея выступили с докладами на конференции в Государственном пушкинском заповеднике: «Об одном неясном эпизоде дуэльной истории Пушкина (накануне 4 ноября 1836 г.)» (С. Л. Абрамович) и «М. А. Ганнибал. Судьба, личность, портрет» (Н. И. Грановская). В семинаре экскурсоводов при РК КПСС г. Пушкина приняла участие методист музея Э. С. Лебедева, выступившая с сообщением «Эстетическое воспитание трудящихся. Из опыта работы Всесоюзного музея А. С. Пушкина». Для Международного комитета литературных музеев в г. Веймаре были подготовлены доклады «Всесоюзный музей А. С. Пушкина как мемориальный комплекс» (М. Н. Петай) и «Использование памятных мемориальных мест (для создания новых музеев о Пушкине)» (А. И. Минина).

Велась целенаправленная собирательская работа, приобретено 472 единицы хранения. Наиболее интересные материалы поступили из коллекций С. Л. Маркова и В. А. Крылова. Из собрания С. Л. Маркова поступили серия рисунков и гравюр с видами пушкинских мест, многочисленные иллюстрации к произведениям поэта. Среди них — акварель «Дача Китаева со стороны Колпинской улицы» (художник-монограммист АР, 1865), зарисовки места дуэли А. С. Пушкина (неизвестный художник, 1887). Из собрания Крылова поступили «Галерея видов Пскова и его окрестностей, снятых с натуры» (литографии Иванова, изданные в Пскове, 1837—1838), «Картины России и быт разноплеменных ее народов» (изд. Делакура, СПб., 1839—1840, текст П. П. Свинына, 40 гравюр), «Путешествие по южным провинциям Российской империи» (в 2-х томах, Лондон, 1803, издание содержит 83 гравюры Г. Гейслера).

Среди произведений советских художников следует отметить серию иллюстраций художника А. С. Смирнова (офорты с авторской раскраской), цветные литографии А. М. Гетманского к «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о золотом петушке», серию литографий А. Г. Слепкова по мотивам трагедии «Борис Годунов», две скульптуры: «Пушкин-лицеист» Г. В. Додоновой и «Пушкин на набережной» Л. Н. Сморгона.

В 1978 г. основную экспозицию и филиалы музея посетило 578 794 человека, проведено 14 550 экскурсий.

В Ленинграде, Ленинградской области, местах работы передвижных выставок научные сотрудники музея прочитали 284 лекции. В лектории Лицея в цикле «Здесь столько лир повешено на ветки...» прозвучали рассказы о советских писателях и поэтах, живших в г. Пушкине. Впервые сотрудники музея приняли участие в юбилейных пушкинских торжествах в Северобайкальске и по трассе БАМ'а.

К празднованию 179-й годовщины со дня рождения поэта была приурочена передвижная выставка «Пушкинский Петербург», которая открылась в Тбилиси, а затем экспонировалась в Калинин, Оренбурге, Орске. С выставкой «Петербург Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина» познакомились жители Калининна.

В выставочном зале Музея-Лицея экспонировалась постоянная выставка «Пушкин и его эпоха в изобразительном искусстве XIX—XX вв.». В 1978 г. экспозиция пополнилась еще одним разделом — «Пушкин в творчестве ленинградских художников».

10 февраля в Музее-квартире А. С. Пушкина было проведено традиционное торжественно-памятное собрание, посвященное 141-й годовщине со дня смерти поэта. В собрании приняли участие доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) А. М. Панченко, научный сотрудник Академии наук Венгерской Народной Республики Иштван Месерич, член Союза писателей СССР Илья Бражнин, народный артист РСФСР Владимир Ларионов, заслуженный артист РСФСР Юрий Родионов.

Из цикла «Вечера на Мойке» состоялся вечер советских поэтов, на котором выступили Д. Кугультинов, К. Кулиев, Т. Замайкулова, Н. Гребнев, М. Дудин; вечер-встреча с ленинградским коллекционером М. С. Лесманом. К 179-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина с литератур-

ной композицией «Времена года» выступил В. Непомнящий, в вечере «Музыка пушкинской поры» приняли участие лауреат международного конкурса А. Г. Бахчиев и преподаватель Московской консерватории им. П. И. Чайковского Е. Г. Сорокина. К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого заслуженный артист РСФСР А. Я. Кутепов исполнил фрагменты из романов Л. Н. Толстого. Литературно-музыкальным вечером в Музее-Лицее была отмечена 167-я лицейская годовщина. В вечере приняли участие доктор филологических наук Г. П. Макогоненко и литературно-драматическая студия под художественным руководством лауреата Всероссийских конкурсов В. Рецетера. В литературно-монографической экспозиции состоялись вечера, посвященные 150-летию обращения А. С. Пушкина к прозе и 175-летию со дня рождения В. Ф. Одоевского. Перед собравшимися выступили заведующая литературно-монографической экспозицией Н. И. Грановская, ученый секретарь Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), кандидат филологических наук С. А. Фомичев, лауреат Всероссийского пушкинского конкурса чтецов А. Я. Кутепов, литературовед М. А. Турьян, кандидат искусствоведения Т. А. Хопрова, студенты и преподаватели Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

Г. А. Черкасова

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА (МОСКВА)

В 1978 г.

В 1978 г. Государственный музей А. С. Пушкина в Москве принял более 80 000 человек. Музеем широко использовались разнообразные формы массовой работы: тематические экскурсии, циклы экскурсий и лекций для факультативных групп, занятия на экспозиции с привлечением фондовых изобразительных и рукописных материалов, а также магнитофонных записей и диапозитивов.

Особое внимание уделялось обслуживанию учащихся ПТУ, молодежи строительных организаций, военнослужащих, тружеников села. Для этих категорий посетителей были организованы шефские экскурсии, прочитаны выездные лекции, проведены тематические вечера; в ряде мест экспонировались передвижные выставки. Уже не первый раз музей принимает участие в Пушкинском празднике поэзии на БАМ'е. В этом году научные сотрудники музея выезжали на западный и центральный участки всесоюзной комсомольской стройки. Им были прочитаны 72 лекции, сопровождавшиеся показом документальных фильмов и диапозитивов. Библиотеке строителей западного участка была передана передвижная выставка-альбом «Жизнь и творчество А. С. Пушкина», выпущенная издательством «Просвещение» (М., 1977).

Успешно продолжалась работа с передвижными выставками. Так, в Омском областном музее изобразительных искусств в течение трех меся-

цев экспонировались две выставки: «Женский портрет пушкинской эпохи в собрании ГМП» (эстамп) и «Воспетые Пушкиным» (эстамп). О выставках сообщалось в местной печати. Портреты современников Пушкина, его друзей и близких, многих выдающихся деятелей эпохи вызвали большой интерес: всего на выставках побывало около 17 000 жителей Омска. В г. Торжке и селе Бернове Калининской области демонстрировались выставки «Советские художники — Пушкину». В их составе — портреты Пушкина, иллюстрации к его произведениям, виды пушкинских мест, выполненные крупнейшими современными художниками. Выставки в течение года посетили 52 000 человек. Как и всегда, систематически проводились литературно-музыкальные вечера и пушкинские чтения. В 1978 г. состоялось 54 вечера, в том числе вечера, посвященные датам рождения и смерти Пушкина, Международному дню музеев, 150-летию Л. Н. Толстого и др. Следует отметить торжественный вечер, посвященный 179-й годовщине со дня рождения Пушкина и двадцатилетию учреждения в Москве музея, посвященного жизни и творчеству Пушкина. Выступили друзья музея, принимавшие участие в его каждодневной работе, — ученые-пушкинисты, поэты, писатели, артисты, музыканты, дарители, помтки Пушкина. Доклад «Двадцать лет музею» сделал А. З. Крейн.

Интересно прошел вечер «Поэты и писатели читают Пушкина и Толстого» под председательством писательницы Лидии Либединой. Прозвучали новые пушкинские программы народного артиста РСФСР В. С. Ланового, заслуженного артиста РСФСР М. М. Козакова, учащихся театрального училища им. Щукина и ряд других.

В 1978 г. прошло 12 открытых научных заседаний; в ряде докладов были рассмотрены отдельные проблемы биографии и творчества Пушкина. В музее выступали Ю. М. Лотман («Быт пушкинской эпохи»), Н. Я. Эйдельман («О стихотворении Пушкина „Андрей Шенье“»), Д. А. Гранин (интерпретация текстов «Станционного смотрителя» и «Медного всадника»), С. М. Громбах (об истории первых переводов Пушкина во Францию), В. В. Кунин (о С. Д. Полторацком), Л. И. Певзнер (об атрибуции портретов современников Пушкина) и др. На специальном заседании были доложены первоначальные итоги изучения изобразительных и книжных материалов из коллекции П. В. Губара. С докладами выступили сотрудники музея Е. В. Муза, Л. И. Вуич, Е. В. Павлова, В. Ф. Муленкова, А. С. Сигрист. Международный день музеев был отмечен заседанием, посвященным музейной профессии. Состоялись доклады и сообщения на следующие темы: «Из опыта выставки „Портреты неизвестных“» (А. З. Крейн), «Первый каталог музея „Московская изобразительная пушкиниана“» (Е. В. Муза), «Методика и опыт атрибуции произведений изобразительного искусства» (Н. С. Нечаева, С. Т. Овчинникова).

Среди новых поступлений следует особо отметить дар московского коллекционера, журналиста И. А. Полонского. Основу этого дара составляют прекрасно подобранные книги первой четверти XIX в. (174 ед.), в том числе 19 прижизненных изданий произведений Пушкина; 8 томов «Современника» (СПб., 1836—1837; тома I—IV, издававшиеся самим поэтом, являются библиографическим раритетом и в смысле сохранности:

экземпляры не обрезаны и в подлинной типографской наборной обложке); прижизненные издания сочинений Е. А. Баратынского, И. П. Козлова, К. Ф. Рыльева, Н. В. Гоголя; 60 альманахов 1820—1840 гг. и др. Среди изобразительных материалов коллекции И. А. Полонского — работы К. Брюллова, О. Кипренского, П. Соколова, В. Гау, Ф. Толстого.

Экспозиционная работа музея шла по двум направлениям: разработка отдельных тем для мемориального музея «Квартира А. С. Пушкина на Арбате» и создание новых передвижных и временных выставок. Так, в течение года в музее были размещены выставки «Дар И. А. Полонского», «20 лет Государственного музея А. С. Пушкина»; был проделан опыт миниатюрных выставок, посвященных одному экспонату. Такая выставка была создана к столетию революционного альманаха «Незабудка» (см. статью В. Молчанова «Незабытая „Незабудка“»: Правда, 1978, 17 марта).

Основным направлением научных исследований музея по-прежнему остается изучение круга вопросов, связанных с жизнью Пушкина в Москве. В 1978 г. продолжалась разработка «Летописи жизни и творчества Пушкина. Декабрь 1830 г.—май 1831 г.» (С. Т. Овчинникова). Написан текст и научный комментарий «Летописи» (свыше 8 авторских листов). Это обширное исследование, в котором прослеживается московская жизнь Пушкина в указанный период изо дня в день. Здесь учтены не только важнейшие и уже известные в литературе события в жизни поэта, но и всевозможные мелкие факты его повседневного быта, все отклики в печати и в переписке современников, все упоминания о Пушкине в этот период. Материал этот, находящийся по большей части в труднодоступных старых изданиях (а частично впервые введенный в научный оборот), обобщенный и систематизированный, создаст очень интересную и выразительную картину жизни Пушкина в Москве в 1830—1831 гг.

Продолжалось изучение и описание фондов. За год заполнено более 750 паспортов с научным описанием материалов разных разделов фондов. Произведена атрибуция портретов И. О. Россета (Г. Г. Курочкина), Е. Н. Хитрово, владелицы дома на Арбате, где в 1831 г. поселился Пушкин (Н. М. Волович), автопортрета К. П. Брюллова (Е. В. Павлова). Начата паспортизация фонда редкой книги, в первую очередь прижизненных изданий Пушкина. Составлены научные паспорта ряда рукописных материалов.

Е. А. Дудина

ПУШКИНСКИЕ МУЗЕИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1978 г.

В ноябре 1978 г. исполнилось 150 лет со дня первого приезда А. С. Пушкина в Старицкий уезд Тверской губернии (23 октября 1828 г. по старому стилю). Этой дате была посвящена научная и культурно-просветительная работа музеев А. С. Пушкина в Бернове и Торжке. Сотруд-

никами Берновского музея подготовлены повые лекции «Первая старницкая осень в творчестве Пушкина» (научный сотрудник О. П. Курова) и «Друзья Пушкина в портретах крепостного живописца Акима Богаева» (заведующая музеем С. П. Орлова), с которыми они выступали в Бернове, Старице, в колхозах и совхозах Старицкого района. 4 ноября в Бернове состоялась литературно-краеведческая конференция, на которой были заслушаны доклады О. П. Куровой «Пушкин и его окружение в период первой старницкой осени», преподавателя педучилища Торжка, заслуженного учителя школы РСФСР В. Ф. Капковой «Я гимны прежние пою», преподавателя средней школы Старицы М. Н. Дроздовой «Дружеский жанр в творчестве Пушкина» и заведующей экскурсионным бюро В. Н. Соколовой «Задача Пушкинского кольца Калининской области».

В Торжке на литературной конференции, посвященной также этой дате, выступили с докладами преподаватель педучилища М. П. Терентьева («В тверском кабинете Пушкина»), методист экскурсионного бюро Г. А. Белова («К нему не зарастет народная тропа»).

Большая и разнообразная работа проводилась музеями в течение года. В феврале в музее, средней школе и сельском клубе Бернова прошли подготовленные сотрудниками музея А. С. Пушкина традиционные литературные вечера, посвященные памяти поэта.

Музей А. С. Пушкина в Торжке ведет интересную работу с учащимися школ города. Это и организация конкурсов на лучшее исполнение произведений Пушкина, и проведение «пушкинских уроков» — «Весна в творчестве Пушкина», «Поговорим о Пушкине» и пр.

В 1978 г. в фонды областного музея поступили изобразительные материалы: десять иллюстраций к роману «Евгений Онегин» художника Д. С. Громана (акварель, тушь, перо), от потомков «булочных и портновских дел мастера» Евгения Онегина, жившего в Торжке в начале XIX в., конверты второй половины XIX в., адресованные в Торжок в дом Онегина на Ямской. В дар музею А. С. Пушкина в Бернове профессор Д. А. Вульф передал вещи, история которых связана с берновским особняком: стол-копторку и диван красного дерева начала XIX в. После реставрации мемориальные экспонаты займут свое место в экспозиции музея. От врача Н. М. Завьялова музеем получена в дар коллекция пушкинских юбилейных и памятных медалей.

В 1978 г. музей А. С. Пушкина в Бернове и Торжке посетило 52 730 человек. Проведены 1503 экскурсии по экспозиции музеев и по пушкинским местам в Бернове.

Накануне Всесоюзного праздника поэзии, посвященного 179-й годовщине со дня рождения поэта, во дворцах и домах культуры и в рабочих клубах области проводились вечера поэзии, устные журналы, литературно-художественные концерты. В Калининске в выставочных залах музея М. Е. Салтыкова-Щедрина открыта выставка произведений калининских художников «По пушкинским местам». В ее экспозиции — более 50 работ художников Н. В. Дочкина, В. С. Солодова, Б. С. Запруднова, Р. А. Благовещенского, А. Ф. Дубова, Г. Ф. Зайцева, М. Ф. Гаркушева. Выставка раскрывает поэтический мир природы Верхневолжья, тех его уголков, которые связаны с именем Пушкина.

В Калинин для участия во Всесоюзном празднике поэзии прибыла делегация Союза писателей РСФСР, которую возглавлял секретарь правления Союза писателей РСФСР В. Д. Поволяев. 2 июня в областном центре писатели из Москвы, Минска, Калининна, представители общественности возложили цветы к памятникам А. С. Пушкину. В зале областной филармонии состоялся большой литературно-художественный вечер. Открывая его, ответственный секретарь калининской писательской организации Е. И. Борисов говорил о том, что время вопреки законам бытия не властно над гениями человечества, не отдаляет, а, наоборот, приближает нас к Пушкину и о том, что мы по праву считаем Пушкина своим современником.

Слово о великом поэте произнес заведующий кафедрой русской литературы Калининского государственного университета доктор филологических наук, профессор Г. Н. Ищук. Он говорил о том, какое огромное влияние оказывало и оказывает творчество Пушкина на развитие культуры народа, на развитие его литературы. На вечере выступили калининские писатели и поэты: член Союза писателей РСФСР А. Скворцов, рабочий Калининского вагоностроительного завода В. Токарев, Г. Безрукова, Л. Прозорова, а также гости праздника. Вечер завершился концертом Государственного русского народного хора под руководством А. В. Свешникова.

3 июня в Торжке состоялось возложение цветов к памятнику Пушкина от гостей и представителей обществности города.

В Доме культуры Торжка открылась выставка самодеятельных художников города и района; на центральной площади города был проведен конкурс детских рисунков на асфальте по теме «Наш Пушкин».

Гости праздника были тепло встречены коллективами педучилища, политехникума, в клубе им. Парижской Коммуны, посетили музей А. С. Пушкина, приняли участие в большом литературном вечере.

4 июня праздник пришел в Берново. После торжественного возложения цветов к памятнику Пушкину состоялось открытие праздника, на котором присутствовало более 10 000 жителей Калининской, Московской, Ленинградской, Псковской и других областей. Участники праздника приветствовали секретаря Калининского обкома КПСС Н. И. Соболев, секретарь правления Союза писателей РСФСР В. Д. Поволяев, выступили гости праздника поэты Георгий Ладонщиков, Андрей Дементьев, журналист Алексей Пьянов, белорусский писатель Давид Симонович.

Участники праздника стали зрителями второго, заключительного Всесоюзного зонального смотра-конкурса танцевальных коллективов. В концерте приняли участие ансамбли бальных танцев, танцевальные пары из Калининской, Владимирской, Вологодской, Псковской и Новгородской областей.

Праздник по традиции завершился фольклорным концертом «Волжские родники». Выступили лучшие народные ансамбли области: вышневолоцкий ансамбль песни и танца «Медок», максатихинский ансамбль народных инструментов, ансамбль песни и танца «Ельничек» Калининского дворца культуры «Пролетарка» и др.

К Всесоюзному празднику поэзии была завершена большая работа — асфальтирование дороги Пушкинского кольца Калининской области. Теперь шоссе (более 100 км) соединяет Торжок и Старичу с селом Берново.

Праздничными концертами, демонстрацией фильмов, созданных по произведениям Пушкина, отмечены дни Всесоюзного праздника в поселке Погорелое городище Зубцовского района и селе Никитское Калязинского района Калининской области.

Л. А. Казарская

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ БОЛДИНО ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1978 г.

В плане научно-исследовательской работы музея-заповедника продолжалось изучение истории болдинских владений Пушкиных (Болдино, Львовка), а также окрестных сел и их владельцев. В фондах Государственного архива Горьковской области были просмотрены журналы заседаний Нижегородского губернского правления за 1830—1833 гг., часть архива и коллекции Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Среди документов, представляющих интерес, — «Билет» 1830 г. — разрешение на проезд через карантин Нижегородской губернии, справки об имениях Апраксино, Инкино (XIX в.) и др.

В 1978 г. фонды музея увеличились на 484 единицы музейного значения. Среди наиболее интересных поступлений года — такие издания, как «Аглая» Н. М. Карамзина (1796), собрание стихотворений Анны Буниной (1821), «Отечественные достопамятности» (1824), «Правила поэтические о стихосложении российском и латинском» (1826).

Были приобретены эскизы декораций и костюмов к опере «Борис Годунов» горьковского художника Л. А. Арапова, серия офортов «Пушкин в Болдине» ленинградского графика Э. Х. Насыбулина; получен в дар от А. В. Виноградова (Москва) портрет внучки Л. С. Пушкина В. А. Константинович работы Н. А. Андреева, а также автографы участников 12-го Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии В. Бокова, Р. Виннонена, В. Бахревского и других (см.: Агафонов Н. Фонды пополнились. — Горьковская правда, 1978, 20 июня).

Особое внимание музей уделял подготовке и проведению пушкинских праздников и памятных дат.

В 1978 г. в Болдине в шестой раз отмечался Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии.

В Горьком делегацию Союза писателей встречали представители партийных и советских органов, широкая общественность. После беседы в обкоме КПСС гости праздника возложили венки к памятникам В. И. Ленину и А. М. Горькому, ознакомились с достопримечательностями города. В областном Доме архитектора состоялся торжественный вечер, завершившийся большим праздничным концертом. С новой композицией «Болдинская осень» познакомил собравшихся заслуженный артист РСФСР А. Познанский (см.: Косолапов Г. Всесоюзный Пушкинский. Беседа с заведующим отделом культуры обкома КПСС Л. В. Соколовым. — Горьковская правда, 1978, 2 июня; Чеботарев А. Всесоюзный Пушкинский

праздник поэзии. Интервью с заместителем председателя горисполкома Н. Ф. Калачевой. — Горьковский рабочий, 1978, 27 мая; Шинкарев Л. Литературный вечер в Горьком. — Ленинская смена, 1978, 4 июня).

В Болдино для проведения 12-го Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии прибыли поэт В. Ф. Боков (глава делегации), секретарь правления Союза писателей СССР Л. Н. Новиченко, поэты и писатели Р. Винюнен, Д. Паттерсон, Е. Языкова, А. Карпов, М. Глинка, А. Романов (Вологда), Б. Сангаджиева (Элиста), К. Абуков (Махачкала), С. Мекшен (Липецк), В. Бахревский (Евпатория), секретарь правления Горьковского отделения Союза писателей РСФСР И. Бережной, поэты-горьковчане В. Шамшурин, В. Кумашев, Ю. Уваров, Л. Калинина. Вместе с делегацией писателей в Болдино прибыли секретарь обкома КПСС И. З. Борисова, заведующий отделом культуры обкома КПСС Л. В. Соколов, заместитель председателя облисполкома А. Ф. Горев и др.

3-го июня в кинотеатре «Лира» состоялся торжественный вечер, посвященный 179-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина. Слово о Пушкине произнес Л. Н. Новиченко. На вечере выступили поэты и писатели из Москвы, Ленинграда, Горького, автономных республик. 4-го июня утром для гостей праздника была организована экскурсия по музею-заповеднику А. С. Пушкина, которую провела и. о. директора музея Л. М. Малышкина. В лектории музея состоялась встреча писателей с народным хором села Большое Болдино. Традиционное народное празднество, обычно проводимое во второй день праздника в заповедной роще «Лучинник», не состоялось ввиду дождливой погоды. 4-го июня вечером гости праздника вновь встретились с жителями Болдина в кинотеатре «Лира», где состоялся заинтересованный разговор о поэте и поэзии. В заключение вечера участниками художественной самодеятельности Дворца культуры Горьковского автозавода в составе хора, хореографического коллектива и оркестра народных инструментов был дан большой концерт, которым и завершился праздник поэзии в Болдине (см.: Васильев З., Штатнов Ю., Просеков Д. Пушкинский праздник поэзии. Горький. — Сельская жизнь, 1978, 6 июня; Викторович Б. «Есть в мире сердце, где живу я». — Ленинская смена, 1978, 6 июня; И встанет памятник. Рассказывает известный советский скульптор О. К. Комов. — Ленинская смена, 1978, 1 июня; Косолапов Г. Столица вдохновенья (Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии). — Горьковская правда, 1978, 6 июня; Навстречу празднику Пушкина. — Горьковская правда, 1978, 27 мая; «Не зарастет народная тропа». — Литературная газета, 1978, 7 июня; Нестеров Г. Солнце русской поэзии (12-й Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии). — Известия, 1978, 7 июня; Полозов В. Прикоснуться к памяти поэта. В Болдине накануне пушкинских дней. — Горьковская правда, 1978, 30 мая; Поэзия чудесный гений. — Правда, 1978, 6 июня; Праздник в Болдине. — Горьковская правда, 1978, 4 июня; Праздник пушкинской музы. — Социалистическая индустрия, 1978, 6 июня; Пушкинский праздник поэзии. — Большая Волга, 1978, 10 июля; Сегодня и всегда. Рассказывает директор Государственного музея А. С. Пушкина А. З. Крейн. — Ленинская смена, 1978, 1 июня; Селиверстова Г. Величайшая гордость наша. (Пушкинский праздник поэзии)

зип). — Горьковский рабочий, 1978, 6 июня; Соколов Л. Там, где прошла «Болдинская осень». — Литературная газета (специальный выпуск, посвященный 12-му Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии), 1978, 31 мая—7 июня; Шинкарев А. Цветы праздника. — Ленинская смена, 1978, 3 июня).

10-го февраля в Болдине отмечалась 141-я годовщина гибели А. С. Пушкина. В районном Доме культуры был проведен тематический вечер «Жизнь Пушкина». Рассказ о жизни поэта сопровождался чтением его стихотворений и исполнением романсов на стихи Пушкина. В программу были включены фрагменты из его драматических произведений и фильмов о поэте. Вечере принимали участие сотрудники музея, работники детской музыкальной школы, коллектив народного театра и народный хор села Болдина.

11-го апреля в Болдине состоялся торжественный вечер, посвященный 60-летию схода крестьян села Болдина, принявшего решение о сохранении усадьбы Пушкиных. На вечере с воспоминаниями о сходе выступили участники схода и другие очевидцы: А. Г. Макаров, Л. Н. Дворников, П. С. Смолин, С. Ф. Дворников, И. С. Метелкин.

В дни празднования «Болдинской осени» — 14 и 15 сентября — музеем совместно с Горьковским государственным университетом им. Н. И. Лобачевского проведена очередная, восьмая научная конференция «Болдинские чтения», традиционно посвященная изучению биографии и творчества А. С. Пушкина 1830-х гг., в особенности осени 1833 г., так как чтения проходили в год 145-летия второго приезда А. С. Пушкина в Болдино. В конференции приняли участие пушкинисты-литературоведы и сотрудники пушкинских музеев различных городов страны. Было заслушано 18 докладов и сообщений.

Критические статьи А. С. Пушкина 1830-х годов, их идеи и формы стали объектом исследования в работе Б. Ф. Егорова (Ленинград). Р. В. Иезуитова (Ленинград) рассказала об источниках «Table-talk» Пушкина. Л. С. Сидяков (Рига) на материале «Пиковой дамы», «Анджело» и «Медного всадника» обратился к характеристике художественных исканий Пушкина второй болдинской осени. Свои наблюдения о сюжетной структуре повестей в стихах «Граф Нулин», «Домик в Коломне» и «Медный всадник» сообщила Э. И. Худошина (Новгород). И. Л. Альми (Владимир) в докладе «Образ „стихий“ в поэме „Медный всадник“», рассматривая тему Невы и наводнения, остановилась на анализе идейной и сюжетообразующей роли этого образа. К исследованию творческого поведения писателя обратилась в своем докладе «Пушкин и Стендаль» Л. И. Вольперт (Тарту). Г. В. Краснов (Коломна) в докладе «„Воспоминание“ Пушкина в „Воспоминаниях“ Л. Н. Толстого» выявил значение этого пушкинского стихотворения в творческих и нравственных исканиях Толстого. На «чтениях» был заслушан доклад В. А. Грехнева (Горький) «Лрический сюжет в поэзии Пушкина». Т. Т. Савченко (Караганда) в докладе «Циклы в лирике А. С. Пушкина 1830-х годов» подробно остановилась на рассмотрении композиции цикла стихотворений Пушкина 1836 г. В докладе «Ремарка Пушкина „Бросает яд в стакан Моцарта“» Ю. Н. Чумаков (Новгород) обратился к прочтению «маленькой трагедии», исследуя взаи-

мотношения данной ремарки с сюжетом произведения. С. П. Энштейн (Новгород) представила вниманию слушателей сообщение «„Ипр во время чумы“ среди болдинской лирики Пушкина». Об особенностях слов, заключенных в скобки в произведениях Пушкина 1830-х гг., в частности в «Евгении Онегине», сообщила свои наблюдения Н. Е. Меднис (Новосибирск). Г. Ф. Симакина (Михайловское) прочла доклад о двоюродном деду А. С. Пушкина Петре Абрамовиче Ганнибале. О музеях пушкинского кольца Калининской области сообщила Л. А. Казарская (Калинин). Об одном из нижегородских адресатов Пушкина — Дмитрие Семеновиче Изыкове — рассказала Н. И. Куприянова (Горький). Ю. И. Левина (Ленинград) в докладе «Из болдинских встреч Пушкина» привела новые интересные материалы о владельцах села Черновское помещиках Ермоловых и Топорниных. Новые данные об истории строительства болдинской церкви, частично сохранившейся до настоящего времени, привел П. Ф. Филатов (Горький). Сообщение «Деревня Львовка как часть болдинского владения Пушкиных» прочла Н. А. Борисова (Болдино).

На «чтениях» присутствовали также и другие представители пушкинских музеев: Ю. Ю. Гречихова, Н. Ф. Ефимцева (Государственный музей А. С. Пушкина в Москве), Е. Н. Иванова (Всесоюзный музей А. С. Пушкина), И. Н. Яковлева (Калининский объединенный литературный и историко-архитектурный музей), Т. В. Горох (Музей А. С. Пушкина в Горжке), Н. К. Островская (Музей А. С. Пушкина в Одессе).

Подводя итог работы конференции, ее участники отметили рабочий характер «чтений», высказали ряд конкретных пожеланий, отметили также, что «Болдинские чтения» — как конференция, так и издаваемый на ее материале научный сборник — приобретают определенный научный вес.

На конференции присутствовало более 80 человек.

В дни проведения «Болдинской осени» съемочная группа «Лентелфильма» работала в Болдине над фрагментами над хроникально-документального фильма «Пушкин» (см.: Агафонов Н. Фильм о Пушкине. — Горьковская правда, 1978, 1 октября; В кадре — болдинская осень. — Горьковский рабочий, 1978, 30 октября).

В Волго-Вятском книжном издательстве музеем издан третий выпуск научного сборника «Болдинские чтения». В сборнике опубликованы статьи и. о. директора музея Л. М. Малышкиной «Об усадебном комплексе болдинского имения Пушкиных» и заведующей мемориальным отделом музея Н. А. Борисовой «Деревня Львовка как часть болдинского владения Пушкиных» (см.: Тархов А. Е. Болдинские чтения. Горький, 1976, 1977, 1978. — Литературное обозрение, 1979, № 6, с. 88—89).

Музеем выпущен в типографии села Болдина ряд изданий рекламного характера (оформитель Э. Х. Насибулин): листовка к 150-летию болдинской осени, буклет «Болдино. 1830, 1833, 1834», афиша, каталог выставки офортов Э. Насибулина.

В 1978 г. Горьковская специальная научно-производственная реставрационная мастерская начала ремонтно-реставрационные работы в бывшем барском доме А. А. Пушкина в деревне Львовка. В связи с этим была проведена большая работа по обеспечению объекта необходимыми строительными материалами. Сотрудниками музея осуществлялся контроль

за ходом реставрационных работ во Львовке (см.: Агафонов Н. Дом реставрируется. — Горьковская правда, 1978, 4 июня; С именем Пушкина. — Ленинская смена, 1978, 13 июня).

Музей уделял внимание реставрации заповедного парка в Болдине и уходу за ним: проведена очередная посадка деревьев, лечение некоторых из них, обрезка яблонь и кустарников, подкормка сада удобрениями. В 1978 г. был собран исключительно большой урожай яблок всех имеющихся сортов, в особенности русской и мичуринской антоновки, апорта, анисов (розовый, полосатый, каменный), боровинки, штрейфлинга, белого налива, московской грушевки, сортов «Бабушкино», «Баклан», «Горенок», «Репка».

В музее систематически велась массовая научно-просветительская работа. В течение года его посетило около 35 000 человек. Научными сотрудниками и экскурсоводами проведено более 2 000 экскурсий и консультаций. В Болдине и селах района регулярно читались лекции, проводились утренники и тематические вечера, размещались фотовыставки. При музее продолжали работу университет культуры (факультет русской классической литературы) и клуб интересных встреч. Работа музея систематически освещалась по местному радио и в печати.

Н. А. Борисова

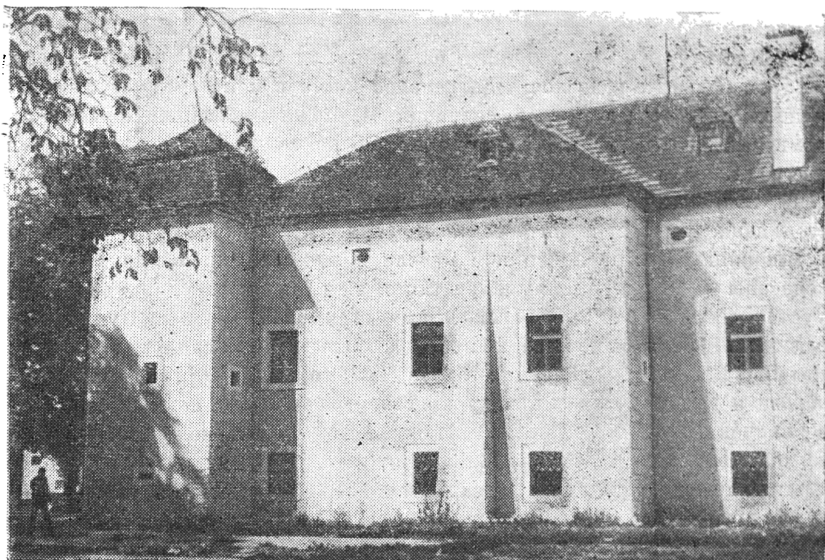
МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

15 ноября 1979 г. в Словакии, в селении Бродзяны (близ г. Партизанске), в замке, где долгие годы жила сестра Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской Александра, ставшая в 1852 г. женою овдовевшего австрийского дипломата Густава Фризенгофа, был торжественно открыт Музей А. С. Пушкина; одновременно в парке перед замком открыли памятник русскому поэту (см. ил. на с. 149 и 151).

О бродзянском замке и обнаруженных там после войны принадлежавших когда-то Александре Николаевне Фризенгоф материалах (главным образом иконографических), связанных с Пушкиным, у нас довольно много писалось.¹ Поэтому расскажем лишь о самом музее.²

¹ См.: Раевский Н. А. В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1962, т. IV; Раевский Н. А. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965, с. 22—44; Кишкин Л. С. По следам пушкинских материалов в Чехословакии. — Советское славяноведение, 1967, № 3; Кишкин Л. С. О судьбе бродзянских материалов. — Советское славяноведение, 1970, № 5; Кишкин Л. С. Фотографии бродзянского архива. — Юность, 1975, № 2; Кишкин Л. С. Гербарий семьи Пушкина. — Природа, 1975, № 3; Кишкин Л. С. Альбом из Бродзян. — Огонек, 1977, № 6; Кишкин Л. С. Из старого альбома. — Огонек, 1979, № 23; Февчук Л. П. Семья Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1971. Л., 1973. В общей сложности о Бродзянах в ЧССР, СССР и других странах появилось более 30 статей.

² Музею А. С. Пушкина в Бродзянах уже было посвящено несколько заметок и сообщений в нашей печати. См.: Кишкин Л. Замок в Брод-

Музей А. С. Пушкина в Бродзянах (ЧССР).

Мысль о создании в бродзянском замке литературного музея зародилась еще в середине 1960-х гг. Но в то время долго пустовавший замок находился в ветхом состоянии, требовал капитального ремонта и реставрации. Кроме того, тогда не было известно местонахождение ряда представляющих культурно-историческую ценность материалов из наследия А. Н. Фризенгоф, которые были вывезены из замка в конце 1940-х гг. Необходимые условия для практической реализации идеи о создании музея возникли лишь в 1970-е гг., когда началось восстановление замка, для чего были выделены значительные средства и принято решение развернуть в нем не совсем обычную мемориальную и историко-литературную экспозицию. К этому времени были обнаружены и многие — хотя далеко не все — вещи, некогда находившиеся в замке и принадлежавшие Александре Николаевне. Летом 1979 г. здание замка было полностью реставрировано, а в прилежащем парке, где когда-то гуляли Наталья Николаевна и дети поэта, установлен памятник Пушкину (скульптор Л. Снопек, архитектор М. Кусы).

Музей А. С. Пушкина в Бродзянах своеобразен. Экспозиция этого единственного зарубежного музея, носящего имя поэта и в значительной мере посвященного ему, которую подготовила Матица Словацкая при содействии ряда учреждений — словацких (Литературоведческий институт, Словацкий национальный музей в Братиславе, Музей в замке Червены

зянах. — Известия, 1978, 6 января; Никольский С. Пушкин в Словакии. — Литературная газета, 1980, 9 января, № 2; Фукс В. Пушкинский музей в Бродзянах. — Книжное обозрение, 1980, 22 февраля, № 8.

камен и др.) и советских (Министерство культуры СССР, Пушкинский Дом, Институт славяноведения и балканистики АН СССР и др.), — состоит из трех больших разделов. Центральное место в ней занимает собственно пушкинский раздел (автор сценария И. Седлак), размещенный в трех комнатах (142 кв. м) и большом зале (50 кв. м) на втором этаже. В нем две части. Три комнаты замка, где жила Александра Николаевна, отведены под мемориальную экспозицию, дающую представление об укладе ее жизни, вкусах и интересах. В этих комнатах многое напоминает о Пушкине. Помимо подлинной мебели и личных вещей Александры Николаевны (фарфор, именные печатки и т. д.) в них можно увидеть множество ее альбомов с изображениями всех членов семьи Пушкина, его родственников и знакомых, настенные портреты Александры Николаевны, Натальи Николаевны, Вяземского, Жуковского, А. И. Тургенева, И. Н. Гончарова и др. В книжном шкафу вместо утраченных и пока, к сожалению, не найденных русских книг А. Н. Фризенгоф стоит около 200 дубликатов из оказавшегося в Чехословакии книжного собрания А. Ф. Смирдина.³ Там же находится ставшая экспонатом дверь с пометками роста жены и детей Пушкина (Александра и Наталья). Стоит в одной из мемориальных комнат старинное пианино с нотами Александры Николаевны, вывезенными ею из России и, возможно, находившимися в квартире на Мойке. Специальный пушкинский зал, примыкающий к мемориальным комнатам, посвящен жизни и творчеству поэта и восприятию его произведений в Словакии. В нем много портретов, книг, репродукций рукописей и рисунков Пушкина, иллюстраций к его произведениям, известный бюст поэта работы И. П. Витали, изображения многих пушкинских мест и т. д.

Однако с открытием в Бродзянах в год 180-летия со дня рождения русского поэта Музея А. С. Пушкина его первые посетители увидели не только пушкинские реликвии. Помимо мемориальных комнат и пушкинского зала, экспозиция музея включает еще два больших раздела: «Словацко-русские литературные связи» (девять комнат на первом этаже, 216 кв. м) и «Словацкая и советская литература после Октября» (семь комнат на втором этаже, 146 кв. м). В них наряду с рукописными изобразительными материалами, характеризующими многовековую историю литературного и культурного сотрудничества братских народов, ставшего особенно плодотворным в послевоенные годы, выставлено много разнообразных экспонатов, дающих представление о литературных связях и книжном обмене в прошлом и настоящем, о переводах словацких писателей на языки народов СССР, а также русских и советских писателей — на словацкий, труды словацких ученых о русской и советской литературе и советских — о словацкой.

Таким образом, дань высокого уважения к Пушкину, чьи произведения знали и любили в Чехии и Словакии еще при его жизни, где интерес к его творчеству всегда был и остается необычайно велик, соединилась в бродзянском музее с наглядным раскрытием темы братского взаимобогащающего культурного сотрудничества. И это имеет свою логику.

³ Подробнее об этом см.: Кишкин Л. С. Книжное собрание А. Ф. Смирдина в Праге. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977.

Памятник Пушкину в Бродзянах
работы Л. Снопка и М. Кусы.

Ведь в библиотеке Пушкина имелся сборник словацких народных песен (Харьков, 1832), с которым связывают творческую историю «Русалки» и «Гусара». Одна из песен «Западных славян» была в рукописных заметках названа «Конь словака». Как видим, пушкинская муза залетала в Словакию, что уже само по себе является фактом русско-словацких литературных связей.

Открытие Музея А. С. Пушкина — большое и радостное событие. Оно как бы венчает собою коренящуюся в далеком прошлом традицию любви и интереса словаков и чехов к русскому поэту. Еще в 1837 г., откликаясь на смерть Пушкина, известный словацкий поэт и общественный деятель Людовит Штур писал:

Мало на Ваг долетело к нам с севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух, и жить будет вечно
Сладостный звон его лютни на вольных просторах славянства.⁴

А сто лет спустя, в 1937 г., Зденек Неэдлы скажет: «Образ Пушкина предстает передо мной иначе, чем четверть столетия назад... Это уже

⁴ См.: журнал «Květy», 1837, IV (Příloha, č. XI, s. 42).

не просто лирик, а гений безграничных возможностей, многогранный до необъятности, такой силы, которой обладают лишь великие борцы, — таким встает сегодня передо мной этот новый Пушкин. И поэтому он поэт новой, советской культуры. Он не только символ и живой элемент этой молодой, новой, свежей, радостной культуры. Он ее самый великий и самый любимый поэт».⁵

Если говорить о поклонниках русского поэта в Чехии и Словакии, то это Коллар, Челаковский, Коубек, Чех, Врхлицкий, Таборский, Гора, Кржичка, Сладкович, Штур, Ваянский, Гвездослав, Есенский, Крчмеры, Новомесский и многие другие. И не случайно в Праге в 1937 и 1949 гг. вышли сборники «Вечный Пушкин» и «Наш Пушкин», а в 1947 и 1967 гг. в Братиславе — книги Р. Бртаня и Э. Пановой, посвященные теме «Пушкин в словацкой литературе». Творчество Пушкина неотъемлемо от современной чешской и словацкой культуры, и это объясняет глубокий интерес чехословацкой общественности к Музею А. С. Пушкина в Бродзянах. Выступивший на его открытии министр культуры Словакии поэт Мирослав Валек, отметив давнюю традиционную любовь к Пушкину в его стране, сказал, что открывшийся в дни месячника чехословацко-советской дружбы музей сам является порождением этой дружбы.

Закончим сообщение словами председателя организации «Матица словацкая» писателя Владимира Минача, которые были произнесены им при открытии памятника А. С. Пушкину в Бродзянах: «Доброе дело осуществилось. Я рад заверить всех присутствующих, что вслед за вами сюда будет приходить великое множество людей. Ведь доброе дело начинается...».⁶

Л. С. Кишкин

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1978 ГОДА

Январь

В Доме культуры имени С. Орджоникидзе (Ленинград) открылась выставка «А. С. Пушкин в творчестве ленинградских художников», организованная Всесоюзным музеем А. С. Пушкина. Здесь представлены около 200 произведений тридцати живописцев, графиков, скульпторов: модели памятника Пушкина и эскизы к нему М. Аникушина, офорты А. Смирнова, литографии А. Слепкова, иллюстрации Г. Фильченкова и Э. Насибулина и др. Многие работы художников посвящены пушкинским местам России.

(«Вперед», г. Пушкин Ленинградской обл., 26 января)

---

⁵ Puškin u nas. Praha, 1949, s. 128.

⁶ К открытию музея «Матицей словацкой» был издан путеводитель по пушкинскому музею (с большим количеством хорошо выполненных иллюстраций): Literárne múzeum A. S. Puškina. Vzťahy Slovenska k ruskej a sovietskej literatúre, Partizánske-Brodzany. Prepravil Imrich Sedlák. Matica Slovenska. Martin, 1979.

М а р т

В Новочеркасске открыт первый на Дону Пушкинский музей.

(«Молот», Ростов-на-Дону, 12 марта)

Главная редакция научно-популярных и учебных программ Центрального телевидения показала передачу «Театр Пушкина» («Маленькие трагедии»). Автор передачи и ведущая — кандидат искусствоведения Н. Крымова, режиссер — А. Торстенсен, письма и стихи Пушкина читал заслуженный артист РСФСР С. Юрский.

(«Московский комсомолец», 12 марта)

Завершен проект реконструкции парка в поселке Языково Ульяновской области, где 11 сентября 1833 г. побывал А. С. Пушкин.

(«Известия», 22 марта)

М а й

В помещении Музея-квартиры Ф. М. Достоевского (Ленинград) состоялась премьера пушкинского спектакля («Предположение о „Русалке“ и «Моцарт и Сальери»). Режиссер — В. Рецпер.

(«Смена», Ленинград, 3 июня)

И ю н ь

179-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина был посвящен XII Всесоюзный пушкинский праздник поэзии. Он проходил в Москве и Ленинграде, на Псковщине и в Оренбуржье, на тверской и нижегородских землях, в Гурауфе, в Языкове, в поселке Тында (трасса БАМ'а). Состоялись народные гулянья на лугу перед усадьбой в Михайловском, в Екатерининском парке г. Пушкина, в парке Бернова. В Пушкинских горах состоялась творческая конференция «Пушкин и Лев Толстой», на празднике в Торжке было показано театрализованное представление, в котором ожили пушкинские герои, в Бернове открылась выставка «Пушкин в иллюстрациях советских художников», в г. Пушкине прошли выступления симфонического оркестра Ленинградской филармонии и Академической капеллы имени М. И. Глинки. В праздничных литературных концертах приняли участие поэты В. Боков, М. Дудин, О. Дмитриев, Зульфия, Т. Зумакулова, И. Исмаил-заде, Р. Казакова, Т. Курбанов, Р. Маргиани, М. Барнет (Куба), С. Дэвис (Сьерра-Леоне), А. Джафери (Пакистан) и др. Праздник завершился 6 июня в Москве возложением цветов к памятнику поэта и большим литературным вечером в Центральном доме литераторов имени А. А. Фадеева.

(«Труд», 6 июня; «Сельская жизнь», 6 июня;
«Известия», 7 июня; «Литературная Россия»,
9 июня)

Принято решение создать заповедную зону в деревне Захарово Одинцовского района Подмосковья. Здесь будут восстановлены дом, где жил поэт, и парк.

(«Правда», 9 июня; «Советская культура»
19 декабря).

В рамках XV Всесоюзного фестиваля искусств «Белые ночи» в Большом концертном зале «Октябрьский» (Ленинград) состоялась премьера вокально-поэтической тетралогии Андрея Петрова «Пушкин». Исполнители — народный артист РСФСР О. Басилашвили, лауреат всесоюзного и международного конкурсов Е. Гороховская, Ленинградская академическая капелла имени М. И. Глинки (художественный руководитель — В. Чернушенко), симфонический оркестр Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова (дирижер народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий Ю. Темирканов).

(«Вечерний Ленинград», 22 июня)

И ю л ь

Состоялась премьера телеспектакля «Капитанская дочка». Постановщик — П. Резников, в ролях: А. Кутепов, А. Абдулов, Е. Проклова, В. Самойлов, Л. Дуров, Л. Филатов, декорации художника Л. Лыкова.

(«Литературная Россия», 28 июля)

А в г у с т

В Доме культуры г. Пушкинские Горы состоялись традиционные Пушкинские чтения. С докладами и сообщениями выступили сотрудники Пушкинского заповедника, Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Всесоюзного музея А. С. Пушкина (Ленинград), Государственного музея А. С. Пушкина (Москва).

В музее села Тригорского восстановлена библиотека Осиповых-Вульф (около трех тысяч томов).

(«Пушкинский край», г. Пушкинские Горы
Псковской обл., 19 августа)

С е н т я б р ь

Открыт музей «А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов и армянский народ» на Пушкинском перевале в Армении.

(«Советская культура», 10 октября)

В г. Младоархангельске Орловской области состоялось торжественное открытие памятника Пушкину работы самодеятельного скульптора, учителя И. А. Семеновского.

(«Орловская правда», 29 октября; «Советская
Россия», 18 ноября)

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ. 1962—1977. [ВЫП. 1—15]

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ

1962. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1963, 108 с. [вып. 1].

Предисловие (с. 3—8). I. *Материалы и сообщения*. Последние приобретения Пушкинского рукописного фонда. О. С. Соловьева. Новые данные об автографах Пушкина (с. 9—18); Я. Л. Левкович. Автографическая запись Пушкина (с. 19—20); М. П. Алексеев. К источникам «Подражаний древним» Пушкина (с. 20—28). — Н. В. Измайлов. Пушкин в переписке и дневниках современников. 1. П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков о Пушкине. (Отзывы 1815 и 1818 годов). 2. Пушкин в дневнике гр. Д. Ф. Фикельмон (с. 29—37). — Е. В. Муза, Д. В. Сеземан. Известное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина (с. 38—40). — Л. В. Крестова. Пушкин и декабристы (с. 41—48). — М. И. Гиллельсон. Отзыв современника о «Пире Петра Первого» Пушкина (с. 49—51). — Ю. М. Лотман. Из истории полемики вокруг седьмой главы «Евгения Онегина». (Письмо Е. М. Хитрово к неизвестному издателю) (с. 52—57). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1961—1962 годов (с. 58—62). — В. Э. Вацуро. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1961—1962) (с. 63—83). — III. *Хроника*. Пушкинские дни 1962 года (с. 84—97). — Новые памятники Пушкину (с. 97—100). — Некрологи. А. И. Белецкий. Г. П. Блок. Б. В. Казанский. Н. Н. Фатов (с. 100—105). — Список иллюстраций (с. 106).

1963. М.; Л., «Наука», 1966, 128 с. [вып. 2].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Т. Г. Цявловская. Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта (с. 5—30). — М. П. Алексеев. Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии» (с. 31—47). — В. Э. Вацуро. Известная статья А. А. Перовского о «Руслане и Людмиле» (с. 48—55). — Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец» (с. 56—58). — II. *Обзоры*. О. А. Пини. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1962—1963) (с. 59—86). — О. В. Творогов. Изучение языка и стиля Пушкина за последние годы (с. 87—102). — В. В. Зайцева. Книги

о Пушкине 1962—1963 годов (с. 103—107). — III. *Хроника*. Некрологи. А. Л. Слонимский (М. А.; с. 108—111). О. С. Соловьева (Н. И.; с. 111—113). — XV Всесоюзная Пушкинская конференция (с. 113). — Десятая объединенная конференция пушкиноведов Юга (З. А. Бориневич-Бабайцева; с. 113—115). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград) (А. Ю. Вейс, Т. К. Галушко, Л. Н. Киселева; с. 115—117). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) (Н. Г. Винокур, Н. Л. Дружинина; с. 117—119). — Пушкинский заповедник Псковской области (В. С. Бозырев; с. 119—120). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в Горьковской области (Ю. И. Левина; с. 121—122). — Музей А. С. Пушкина в Одессе (Н. К. Островская; с. 122). — Памятник А. С. Пушкину в г. Джексоне (Кассвилле), США (Е. М. Двойченко-Маркова; с. 124). — Список иллюстраций (с. 125).

1964. Л., «Наука», 1967, 84 с. [вып. 3].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Н. В. Измайлов. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании» (с. 5—16). — В. Э. Вацуро. Пометы Пушкина на книге Вяземского (с. 17—20). — П. М. Казанцев. К изучению «Русского Пелама» А. С. Пушкина (с. 21—33). — Я. Л. Левкович. К цензурной истории «Путешествия в Арзум» (с. 34—37). — Г. М. Кока. Пушкин перед мадонной Рафаэля (с. 38—43). — М. И. Гиллельсон. Из архива Вяземских. Пушкин и Трико (с. 44—47). — Н. Н. Петрунина. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории Пугачева» (с. 48—53). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1964—1965 годов (с. 54—60). — III. *Хроника*. Некрологи. Н. К. Гудзий (М. П. Алексеев; с. 61—63); Л. П. Гроссман (М. П. Алексеев; с. 64—68); А. А. Ахматова (М. П. Алексеев; с. 68—71); К. П. Лахостский (А. С. Дегожская; с. 71—72). — Пушкинские конференции (Р. В. Иезуитова; с. 72—75). — Московский музей А. С. Пушкина в 1964—1965 гг. (Е. В. Муза; с. 75—76). — Пушкинский заповедник Псковской области в 1964—1965 гг. (В. С. Бозырев; с. 76—78). — Уголок А. С. Пушкина в Саратове (Т. Киселева, Л. Мужельская, Л. Шевырева; с. 79—81). — Список иллюстраций (с. 82).

1965. Л., «Наука», 1968, 96 с. [вып. 4].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Р. Е. Терехина. Новые поступления в Пушкинский рукописный фонд (с. 5—22). — В. Э. Вацуро. К изучению «Литературной газеты» Дельвига-Сомова (с. 23—36). — Р. В. Иезуитова. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой (с. 37—44). — А. А. Штейнберг. Пушкин и Е. Д. Панова (с. 45—55). — Е. Д. Петряев. Вятский литератор А. И. Емичев — сотрудник пушкинского «Современника» (с. 56—61). — II. *Обзоры*. О. А. Пини. Пушкиниана в графике. (Обзор литературы) (с. 62—75). — В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1966 года (с. 76—81). — Мелкие заметки. 1. «С португальского». 2. Пушкин и К. Т. Хлебников (М. А., с. 82—85); 3. Незвестный некролог Пушкина (И. Т. Трофимов; с. 85—86). — III. *Хроника*.

Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1966 г. (И. К. Эткин; с. 87—88). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград) (М. Н. Петай; с. 88—89). — Новый Народный пушкинский музей (село Пушкино Молдавской ССР) (Т. К. Галужко; с. 90). — Государственный Пушкинский заповедник Псковской области (С. С. Гейченко; с. 90—93). — Список иллюстраций (с. 94).

1966. Л., «Наука», 1969, 84 с. [вып. 5].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения.* О. А. Пинн. Новонайденный автограф стихотворения Пушкина «Красавица» (с. 5—7). — Р. Е. Терехина. Копия «Записок Екатерины II» из архива Пушкина (с. 8—22). — Т. П. Мазур, Н. Н. Малов. Новые данные о Пушкине из архива С. С. Уварова. 1. Письма В. А. Жуковского к С. С. Уварову по поводу издания пятого тома «Современника». 2. Выборы Пушкина в члены Российской Академии (с. 23—28). — А. В. Корнилова. Пушкин в рисунке П. П. Вяземского (с. 29—35). — А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...» (с. 36—43). — II. *Обзоры.* В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1966—1967 годов (с. 44—48). — Мелкие заметки. 1. К тексту «Египетских ночей» (Р. М. Горохова; с. 49—50); 2. К статье Пушкина «Джон Теннер» (М. П. Алексеев; с. 50—56); 3. Пушкин во французском журнале 1820-х годов (П. Р. Заборов; с. 56—58); 4. Петр II Петрович Негош в Пскове (Нико С. Мартинович; с. 59—61); 5. К биографии поэта пушкинского окружения (В. Э. Вацуро; с. 61—63); 6. «Скупой рыцарь» в Мексике (М. П. Алексеев; с. 63—65); 7. Новое собрание сочинений Пушкина на немецком языке (Т. Рааб; с. 65—68). — III. *Хроника.* Новый памятник А. С. Пушкину в Москве (И. К. Эткин; с. 69). — Пушкинская конференция в Пскове (В. Э. Вацуро; с. 69—72); — Группа пушкиноведения Института русской литературы АН СССР (Ленинград) в 1966—1967 гг. (Р. В. Иезуитова; с. 72—75). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1967 г. (Н. Г. Винокур; с. 75—77). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград) в 1967 г. (М. Н. Петай; с. 77—79). — Государственный Пушкинский заповедник Псковской области в 1967 г. (С. С. Гейченко; с. 79—82). — В школах Кишинева (с. 82). — Список иллюстраций (с. 83).

1967—1968. Л., «Наука», 1970, 152 с. [вып. 6].

Предисловие (с. 3). — I. *Материалы и сообщения.* К. П. Богаевская. Из записок Н. М. Смирнова (с. 4—13). — М. И. Гиллельсон. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон (с. 14—32). — Г. Ф. Турчанинов. Султан Казы Гирей — корреспондент пушкинского «Современника» (с. 33—46). — В. Э. Вацуро. Уолпол и Пушкин (с. 47—57). — В. В. Крамер. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина (с. 58—75). — II. *Обзоры.* В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1968 года (с. 76—84). — Мелкие заметки. 1. К датировке послания Пушкина «К Чаадаеву» (В. В. Пугачев; с. 82—88); 2. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича (Я. Л. Лев-

кович; с. 89—92); 3. Магический кристалл (М. Ф. Мурьянов; с. 92—95); 4. «Коллективная записка» К. П. Брюллову (Е. И. Гаврилова; с. 95—97); 5. Пушкин и Павел Зубов (Е. Д. Петряев; с. 97—103); 6. Огюстен Гризье, преподаватель фехтования Пушкина (Л. И. Тарасюк; с. 103—109); 7. Н. М. Смирнов в рисунке Пушкина (Т. Г. Цявловская; с. 109—111); 8. Немецкая «Пиковая дама» (А. Н. Егунов; с. 111—115); 9. Веронское издание «Медного Всадника» (В. В. Лазурский; с. 115—118); 10. Новые итальянские переводы «Медного Всадника» (К. Ласорса; с. 118—124). — III. *Хроника*. Некрологи. М. М. Калаушин (О. В. Ломан, О. А. Пини; с. 125—126); Андре Менье (М. П. Алексеев; с. 126—135). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1968 г. (Н. Г. Винокур; с. 135—137). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1968 г. (Г. Г. Прошин; с. 137—139). — Пушкинский заповедник в 1968 г. (С. С. Гейченко; с. 139—142). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в Болдине (Горьковская область, 1967—1968 гг.) (Ю. Левина; с. 142—145). — Пушкинские дни в Оренбургской области (П. С. Филатов; с. 145—146). — В Государственном музее Татарской АССР (С. Писарева; с. 146—148). — Дополнения и поправки (с. 149). — Список иллюстраций (с. 150).

1969. Л., «Наука», 1971, 140 с. [вып. 7].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Р. Е. Терещина. Новая словарная запись Пушкина (с. 5—19). — М. П. Алексеев. К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд» (с. 20—42). — В. Э. Вацуро. Пушкин и Аркадий Родзянка (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов) (с. 43—68). — А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. Пушкин в воспоминаниях Г. П. Небольсина (с. 69—72). — Г. И. Назарова. «Новоселье» Александра Брюллова (с. 73—88). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1969 г. (с. 89—96). — Мелкие заметки. М. И. Привалова. К стихотворению «Золото и булат» (с. 97—101); М. Ф. Мурьянов. К реальному комментарию «Скупого рыцаря» (с. 101—103); М. Ф. Мурьянов. К тексту «Сказки о рыбаке и рыбке» (с. 103—106); А. М. Ступель. «Каменный гость» в трактовке итальянского композитора (с. 107—113); Клаудиа Ласорса. Опера Якопо Наполи «Скупой барон» по Пушкину (с. 114—119). — III. *Хроника*. Некрологи. В. В. Виноградов (В. Вацуро; с. 120—123); Памяти Гаральда Рааба (1921—1969) (Ю. Левин; с. 123—126). — Государственный музей А. С. Пушкина в 1969 г. (Н. Г. Винокур; с. 126—128). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1969 г. (А. И. Минина; с. 128—130). — Пушкинский заповедник в 1969 г. (С. С. Гейченко; с. 130—133). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино (Горьковская обл.) в 1969 г. (Ю. И. Левина; с. 133—136). — Пушкинские дни в г. Бузулуке (Оренбургская обл.) (П. С. Филатов; с. 136—137). — Пушкинский перевал (И. К. Енिकолопов; с. 137—138). — Список иллюстраций (с. 139).

1970. Л., «Наука», 1972, 136 с. [вып. 8].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. М. А. Демьян-тьев, П. М. Ободовская. Неизвестное письмо А. С. Пушкина

к Д. Н. Гочгарову. (Комментарий Т. Г. Цявловской) (с. 5—13). — Н. Н. Петрушина. Новый автограф «Полководца» (с. 14—23). — Г. М. Воронцов-Вельяминов. Пушкин в воспоминаниях дочери Николая I (с. 24—29). — Э. Г. Герштейн, В. Э. Вацуро. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине (с. 30—44). — Р. Ю. Данилевский. Пушкин и Кизеветтер (с. 45—50). — Е. И. Гаврилова. Пушкин и Карл Брюллов (с. 51—56). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Книжки о Пушкине 1970 года (с. 57—67). — Я. М. Боровский. О переводах стихотворений Пушкина на латинский язык (с. 68—76). — III. *Мелкие заметки*. А. Гляссе. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина (с. 77—79). — Д. М. Шарыпкин. Исповедь Финна в поэме «Руслан и Людмила» (с. 79—91). — Я. Л. Левкович. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» (с. 91—100). — Г. М. Кюка. Стихотворение Пушкина «Художнику» (с. 100—109). — П. П. Ширмаков. А. И. Куприн о Пушкине (Об одном неосуществленном замысле А. И. Куприна) (с. 110—124). — IV. *Хроника*. Государственный музей А. С. Пушкина в 1970 г. (Н. Винокур; с. 125—127). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1970 г. (Г. Прошин; с. 127—128). — Государственный Пушкинский заповедник в 1970 г. (С. Гейченко; с. 129—132). Памятник Пушкину в городе Монро (с. 132). — Список иллюстраций (с. 133).

1971. Л., «Наука», 1973, 116 с. [вып. 9].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Н. Я. Эйдельман. Секретное донесение Геверса о Пушкине (с. 5—26). — Н. И. Грановская. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны (с. 27—30). — Л. П. Февчук. Семья Пушкина. Изобразительные материалы в Словацком национальном музее в Братиславе (с. 31—43). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1971 года (с. 44—56). — Я. Л. Левкович. Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.) (с. 57—72). — III. *Мелкие заметки*. М. Ф. Мурьянов. Из комментариев к пушкинским произведениям. 1. Армянское предание в «Гавриилладе». 2. О стихотворении „Горишь ли ты, лампада наша“ (с. 73—82). — Л. В. Чхандзе. Паметки Пушкина на письме к нему А. П. Плещеева. (Еще о реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме») (с. 82—88). — Л. А. Черейский. Забытый знакомый Пушкина. (По архивным данным) (с. 88—90). — А. Д. Никольский. А. де Виньи об А. С. Пушкине (с. 90—94). — В. А. Макаренко. «Послание в Сибирь» Пушкина в переводе филиппинского поэта (с. 94—97). — IV. *Хроника*. Государственный Пушкинский заповедник в 1971 г. (С. С. Гейченко; с. 98—101). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1971 г. (Н. Г. Винокур; с. 102—104). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино в 1970—1971 гг. (Горьковская область) (Ю. И. Левина; с. 105—108). — Музей А. С. Пушкина в с. Бернове (Калининская область) (Л. А. Казарская; с. 108—109). — Пушкинские дни в г. Бузулуке (П. С. Филатов; с. 110). — Пушкин и Тамбовский край (А. М. Гордин; с. 110—111). — Скульптура А. С. Пушкина в Казани (Н. А. Васильев; с. 112). — Список иллюстраций (с. 113).

1972. Л., «Наука», 1974, 160 с. [вып. 10].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Р. Е. Терехина. Автограф послания Пушкина к Э. А. Волконской и его история (с. 5—15). — В. Б. Сандомирская. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова (с. 16—35). — К. Н. Григорьян. Из элегической поэзии Пушкина начала 1820-х годов. (К истории текста стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша») (с. 36—46). — М. Ф. Мурьянов. Пушкин и Песнь песней (с. 47—65). — Н. В. Вулих. Образ Овидия в творчестве Пушкина (с. 66—76). — Я. Л. Левкович. Заметки Жуковского о гибели Пушкина (с. 77—83). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1972 года (с. 84—99). — III. *Мелкие заметки*. В. Э. Вацуро. Из разысканий о Пушкине. 1. Пушкинский анекдот о Павле I. 2. «Побежденная трудность». 3. Пушкинская поговорка у Лермонтова. 4. К истории пушкинского экспромта (с. 100—108). — В. П. Степанов. Литературные реминисценции у Пушкина. 1. «Запски» С. А. Порошина и «Сказка о золотом петушке». 2. «Сочиненья Эмина» в «Домике в Коломне» (с. 109—114). — В. В. Крамер. Из истории ранних французских переводов Пушкина (с. 115—117). — Я. М. Боровский. Необъясненные латинские тексты у Пушкина (с. 117—119). — Р. Г. Жуйкова. Два малоизвестных рисунка Пушкина. 1. Портрет Шарля-Луи Дидло. 2. Портрет Натальи Ивановны Гончаровой (с. 119—124). — Э. Ф. Карлова. Тригorskое в рисунках Пушкина (с. 124—128). — Д. М. Шарыкин. Вокруг «Пиковой дамы». 1. Шведская «Пиковая дама». 2. Эпиграф к главе V (с. 128—138). — Е. М. Двойченко-Маркова. Отклики на смерть Пушкина в Молдавии и Валахии (с. 138—141). — IV. *Хроника*. Некролог. Зоя Антоповна Бориневич-Бабайцева (с. 142—144). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1972 г. (Н. Г. Винокур; с. 145—148). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1972 г. (А. И. Минина; с. 148—150). — Музей А. С. Пушкина в г. Торжке Калининской области (Л. А. Казарская; с. 150—152). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1972 г. (Ю. И. Левина; с. 152—154). — Пушкинские дни в Молдавии (Б. А. Трубецкой; с. 155—156). — «Домик станционного смотрителя» (Н. И. Грановская; с. 157—158). — Список иллюстраций (с. 159).

1973. Л., «Наука», 1975, 136 с. [вып. 11].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Л. С. Сидяков. К истории работы Пушкина над второй главой «Евгения Онегина» (с. 5—11). — Р. Е. Терехина. Неизвестная запись Пушкина к «Слову о полку Игореве» (с. 12—19). — Е. М. Двойченко-Маркова. Заметки о Пушкине и беженцах Этерии в Кишиневе (с. 20—35). — Л. М. Аринштейн. Статья о Пушкине в английском журнале 1850-х годов (с. 36—51). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1973 года (с. 52—65). — В. Е. Холшевников. О словаре рифм Пушкина (с. 66—71). — Л. С. Сержап, Ю. В. Ванников. Об изучении французского языка Пушкина. (К постановке вопроса) (с. 72—76). — III. *Мелкие заметки*. Я. М. Боровский. К тексту наброска «Участь моя решена...» (с. 77). — Л. А. Че-

рейский. Три заметки к биографии и сочинениям Пушкина. 1. К датировке одного стихотворения Пушкина. 2. Комментарий к письму Пушкина. 3. История одной виньетки (с. 78—83). — И. И. Грибушин. Из наблюдений над текстами Пушкина. 1. К «Скупому рыцарю». 2. Выигрыш на тройку и семерку до «Пиковой дамы». 3. «Цертелова древние стихотворения» (с. 84—90). — М. П. Алексеев. Заметки на полях. 1 (с. 90—94). — Б. А. Протоклитов. Рисунок Пушкина «Золотые ворота Карадага». Послесловие Т. Г. Цявловской (с. 94—97). — Г. И. Назарова. Неизвестные портреты Нащокиных (с. 98—103). — А. Н. Шустов. Жуковский и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» (с. 103—106). — В. Д. Рак. К истории четверостишия, приписанного Пушкину (с. 107—117). — Л. А. Шейман. Два одесских некролога о Пушкине (с. 117—124). — Л. И. Вольперт. Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь (с. 125—126). — IV. *Хроника*. Институт русской литературы (Ленинград) (О. А. Плиги; с. 127—128). — Пушкинские дни в Одессе (Н. Островская; с. 128—129). — Пушкинские дни в Молдавии (Б. А. Трубецкой, с. 129). — Дни Пушкина в Языковском парке (А. П. Блохинцев; с. 129—131). — Пушкинские места Верхневолжья (Л. А. Казарская; с. 131—133). — Список иллюстраций (с. 133).

1974. Л., «Наука», 1977, 188 с. [вып. 12].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Р. Е. Терехина. Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина (с. 5—19). — Н. И. Мацкевич. Из неизданных воспоминаний о Пушкине его племянника. 1. Александр II о Пушкине. 2. В. А. Жуковский о Пушкине (с. 20—42). — В. Э. Вацуро. «Великий меланхолик» в «Путешествии из Москвы в Петербург» (с. 43—63). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1974 года (с. 64—87). — III. *Мелкие заметки*. Ю. М. Лотман. Три заметки к пушкинским текстам (с. 88—91). — М. Ф. Мурьянов. Надгробия Пушкиных в Псково-Печерском монастыре (с. 91—95). — Л. А. Черейский. Московская квартира Пушкина (с. 95—97). — М. П. Алексеев. Заметки на полях. 2. Эпиграф из Э. Бёрка в «Евгении Онегине». 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча (с. 98—113). — В. В. Пугачев. «Движенье» Пушкина и «Нечто о барщине» Н. И. Тургенева (с. 113—115). — «Ты, Моцарт, недостоин сам себя» (с. 115—122). — С. Н. Азбелев. Пушкин и «побоище Мамаево» (с. 123—130). — И. В. Зборовед. «Дубровский» и «Гай Мэпнеринг» В. Скотта (с. 131—136). — Ю. Д. Левин. Об одной параллели к «Гробовщику» (с. 136—139). — Д. М. Шарыкин. «Пиковая дама» и повесть Мармонтеля «Окно» (с. 139—142). — Н. И. Грановская. Друзья Пушкина в портретах крепостного художника Акима Арефова-Багаева (с. 142—148). — Л. С. Кишкин. Книжлособрание А. Ф. Смирдина в Праге (с. 148—155). — IV. *Хроника*. Некролог. Б. П. Городецкий (М. А.; с. 156—157). Библиографический перечень важнейших печатных работ Б. П. Городецкого о Пушкине (с. 157—159). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина (А. И. Минина; с. 159—162). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) (Н. Г. Винокур; с. 163—166). — Творчество Пушкина в странах зарубежного Востока (Д. И. Бел-

кин; с. 167—169). — Юбилейная Пушкинская конференция в Киеве (с. 169—170). — Пушкинский юбилей в Пскове (Л. И. Вольперт; с. 170—171). — Пушкинские дни на Нижегородской земле (с. 171—172). — Пушкинские дни в памятных местах Верхневолжья (с. 172—175). — Полотняный Завод (с. 175). — Историко-художественный музей «Приютино» (с. 175—176). — «Домик няни» в Кобринно (с. 176—177). — Дом Ганнибалов в Петровском (с. 177). — Пушкинские дни в Армении (Ю. М. Еганян; с. 178—179). — Пушкинская конференция в Познани (Р. Н. Поддубная; с. 180—181). — Памятная пушкинская медаль в Венгрии (с. 182). — Сенегал (с. 182—184). — Список иллюстраций (с. 185).

1975. Л., «Наука», 1979, 160 с. [вып. 13].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. Р. Ю. Данилевский. Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине (с. 5—14). — В. Б. Сандомирская. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним» (Пушкин и Батюшков) (с. 15—30). — Р. В. Иезуитова. Стихотворение Пушкина «Всею красны боярские конюшни» как опыт создания «простонародной баллады» (с. 31—42). — И. Г. Ямпольский. Незданные стихотворения и письма А. Н. Майкова о Пушкине (с. 43—57). — Л. М. Аринштейн. Одесский собеседник Пушкина (с. 58—70). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1975 года (с. 71—84). — III. *Мелкие заметки*. И. И. Грибушин. О песнях в «Капитанской дочке» (с. 85—89). — И. К. Ениколопов. Из разысканий о стихотворениях Пушкина. 1. Об одной пушкинской эпиграмме. 2. К истории стихотворения «Не пленяйся бранной славой» (с. 89—93). — Ю. М. Лотман. К проблеме работы с недостоверными источниками (с. 93—98). — В. Э. Вадуро. Из незданных отзывов о Пушкине (с. 98—109). — Е. А. Левашов. Словарная справка Пушкина (комментарий к комментарию) (с. 110—117). — А. И. Носков. Запись Пушкина на мордовском языке (с. 117—119). — Л. И. Вольперт. Пушкин и Лашоссе (о сюжетном мотиве «Метели») (с. 119—124). — В. В. Пугачев. Новые данные о Пушкине и декабристах (из недавних публикаций дел Следственной комиссии) (с. 121—125). — С. Я. Боровой. Еще один знакомый Пушкина (с. 125—127). — Л. А. Черейский. Забытые воспоминания современника Пушкина (с. 128—131). — Б. Я. Котляров. Пушкин и молдавский танец «Мититика» (с. 131—135). — П. Р. Заборов. Статья о Пушкине во французском журнале 1838 г. (с. 136—137). — IV. *Хроника*. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1975 г. (Г. А. Черкасова; с. 138—140). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1975 г. (Н. Г. Винокур; с. 140—142). — Пушкинский заповедник Псковской области в 1972—1975 гг. (С. С. Гейченко; с. 142—147). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1973—1974 г. (Ю. И. Левина; с. 147—151). — Пушкинские музеи в Бернове и Торжке Калининской области в 1975 г. (Л. А. Казарская; с. 152—153). — Памятник Пушкину в Ташкенте (с. 153—154). — Пушкинская выставка в Доме культуры Ленинградской области (Р. Т.; с. 155). — Пушкинская выставка в Публичной библиотеке Нью-Йорка (Р. Т.; с. 156). — Список иллюстраций (с. 157).

1976. Л., «Наука», 1979, 184 с. [вып. 14].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. А. М. Эфрос. Портрет Пушкина, рисованный К. Н. Батюшковым (с. 5—14). — Н. Н. Петрунина. К творческой истории романа «Дубровский» (с. 15—23). — Р. М. Горохова. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс» (с. 24—45). — В. Э. Вадуро. Из неизданных откликов на смерть Пушкина (с. 46—64). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1976 года (с. 65—79). — М. П. Алексеев. Заметки на полях. 4. К «Сцене из Фауста» Пушкина. 5. Пушкин и французская народная книга о Фаусте (с. 80—109). — III. *Мелкие заметки*. Ю. М. Лотман. «Смесь обезьяны с тигром» (с. 110—112). — К. А. Бойко. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина (с. 113—120). — Д. И. Белкин. К истолкованию образа Шамаханской царицы (с. 120—124). — Л. А. Черейский. К датировке одного письма Пушкина (с. 125). — С. А. Рейсер. Пушкин и мемуары Казановы (с. 125—130). — А. А. Формозов. Заметки о Пушкине (комментарий археолога). 1. О гробнице Овидия. 2. К спору Пушкина с Рылевым о ците Олега. 3. «Археолог» в послании П. А. Катенина «А. С. Пушкину» (с. 131—134). — Л. В. Чапдзе. К источникам «Путешествия в Арзрум» (с. 134—139). — Л. М. Арнштейн. Английский путешественник о встрече с Пушкиным (с. 139—144). — Л. Г. Фризман. К заметке Пушкина «Об Андре Шенье» (с. 144—146). — Н. М. Ботвинник. О стихотворении Пушкина «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением» (с. 147—156). — IV. *Хроника*. Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1976 г. (А. И. Минина; с. 157—159). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1976 г. (Н. Г. Винокур, Г. Барабарло; с. 159—161). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Большое Болдино Горьковской области в 1975—1976 гг. (Н. А. Борисова; с. 161—166). — Пушкинские музеи Калининской области в 1976 г. (Л. А. Казарская; с. 166—168). — XXIV Пушкинская конференция (с. 168). — Новые памятники Пушкину (О. П.; с. 169—172). — Памятники Пушкину за рубежом (А. Д. Гдалин; с. 172—174). — Медаль в честь Пушкина во Франции (Г. Воронцов-Вельяминов; с. 174—176). — «Культурный центр им. А. С. Пушкина» в Люксембурге (с. 176—179). — Список иллюстраций (с. 180).

1977. Л., «Наука», 1980, 164 с. [вып. 15].

Предисловие (с. 3—4). — I. *Материалы и сообщения*. А. Глассе. Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского посольства (с. 5—35). — С. А. Рейсер. Пушкин в салоне Фикельмон (1829—1837) (с. 36—43); К. Крижова, С. Островская. Чехословацкие находки (с. 44—48). — С. А. Фомичев. К творческой истории поэмы «Домик в Коломне». (Наблюдения над рукописью) (с. 49—57). — М. Г. Альбрехт. К стихотворению Пушкина «Кто из богов мне возвратил...» (с. 58—68). — В. М. Файбисович. К источнику перевода Пушкина «Из Катулла» (с. 69—75). — II. *Обзоры*. В. В. Зайцева. Пушкиниана 1977 года (с. 76—87). — III. *Заметки*. Ю. М. Лотман. К проблеме «Данте

и Пушкин» (с. 88—91). — У. Викери. Загадочная помета Пушкина (с. 91—95). — Р. Е. Терехина. Пометы Пушкина на рукописях (с. 95—101). — Л. А. Черейский. Пушкин и Ф. Ф. Корф (с. 101—103). — Я. Л. Левкович. К датировке «Марья Шонинг» Пушкина (с. 103—108). — Н. Н. Петрунина. Литературные параллели. I. К творческой истории элегии «Сожженное письмо». II. Пушкин, Бульвер-Литтон и Балзак. (К интерпретации мотива безумия в «Медном всаднике») (с. 108—115). — Я. М. Боровский. Незамеченный гипербат у Пушкина. (К тексту стихотворения «Безверие» (с. 115—118)). — Л. В. Тимофеев. Пушкин и П. А. Оленин (с. 118—126). — П. С. Филатов. Заметки краеведа о «Капитанской дочке». (Из цикла «Оренбургские этюды о Пушкине») (с. 126—129). — А. И. Носков. Симбирская запись Пушкина для «Истории Пугачева» (с. 129—135). — А. И. Белый. Собеседник Пушкина в Уральске (с. 135—136). — IV. *Хроника*. Памяти О. А. Пини (М. П. Алексеев, В. Б. Сандомирская, А. П. Холина; с. 137—138). — Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1977 г. (Г. А. Черкасова; с. 138—141). — Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1977 г. (З. А. Болами; с. 141—143). — Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1977 г. (Н. А. Борисова; с. 143—147). — Пушкинские музеи Калининской области в 1977 г. (Л. А. Казарская; с. 147—149). — Историко-художественный музей «Приютино» (Л. В. Тимофеев; с. 149—151). — Пушкинская комиссия одесского Дома ученых (Н. К. Островская; с. 152—155). — Всесоюзная Пушкинская конференция в Тбилиси (Р. Т., с. 156—158). — Памятник Пушкину в Оренбурге (П. К.; с. 158). — Список иллюстраций (с. 159).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. А. С. Пушкин. Автограф. «Подражания Корану» («Смутясь, нахмурился пророк...»). (С. 27).
2. А. С. Пушкин. Автограф. «Подражания Корану» («Восстань, боязливый...» и «Недаром вы приснились мне...»). (С. 35).
3. Чезаре Боччелла. Бюст работы неизвестного скульптора (гор. Лукка). (С. 61).
4. Титульный лист итальянского издания поэм Пушкина в переводе Чезаре Боччеллы. (С. 65).
5. Портрет Н. Б. Голицына. Миниатюра неизвестного художника. (С. 112—113).
6. А. С. Пушкин. Портрет Д. В. Давыдова в Лицейской тетради. (С. 112—113).
7. Портрет Д. В. Давыдова. Гравюра А. Афанасьева (с оригинала В. Лангера). (С. 112—113).
8. Модель корабля «Императрица Александра» (Военно-морской музей, г. Ленинград). (К статье А. Н. Ильина «К истории создания стихотворения „Чу, пушки грянули...“»). (С. 112—113).
9. А. С. Пушкин. Автограф. «Вторая программа записок». (С. 127).
10. Музей А. С. Пушкина в Бродзянах (ЧССР). (С. 149).
11. Памятник Пушкину в Бродзянах работы Л. Снопца и М. Кусы. (С. 151).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Э. Вацуро. К истории элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...»	5
С. А. Фомичев. «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла	22
Лидия Лотман. «И я бы мог, как шут <...>»	46
Н. П. Прожогин. Переводчик Пушкина Чезаре Боччелла	60

II. ОБЗОРЫ

В. В. Зайцева. Пушкиниана 1978 года	76
Р. В. Овчипников, Н. Н. Петрупина. Каталог архивных документов и соответствующих им текстов Пушкина в «архивных тетрадах» и в «Истории Пугачева». Дополнения и уточнения	92

III. ЗАМЕТКИ

Р. Т. Жуйкова. Портрет Д. В. Давыдова в лицейской тетради Пушкина	103
И. П. Медведев. Пушкин — переводчик Коллегии иностранных дел	105
Н. Н. Зубков. О возможных источниках эпитафии к «Бахчисарайскому фонтану»	109
Л. А. Черейский. К портрету Н. Б. Голицына	112
Е. Я. Курганов. К истории одного авторского примечания к «Евгению Онегину»	114
В. П. Старк. Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите „Невский Альманах“»)»	116

А. Е. Т а р х о в. К расшифровке так называемой «Второй программы записок» Пушкина	125
А. Н. И л ь и н. К истории создания стихотворения «Чу, пушки грянули...»	130
Ю. Б. Т а т а р и н о в. К заметке Пушкина «О Железной Маске»	132

IV. ХРОНИКА

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1978 г.	137
Государственный музей А. С. Пушкина (Москва) в 1978 г.	139
Пушкинские музеи Калининской области в 1978 г.	141
Музей-заповедник А. С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области в 1978 г.	144
Музей А. С. Пушкина в Чехословакии	148
По страницам газет 1978 года	152
Временник Пушкинской комиссии. 1962—1977. [Вып. 1—15]. Указатель содержания	155
Список иллюстраций	165

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

1978

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
АН СССР*

Редактор издательства Г. Ю. Бергельсон
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Н. Кодратьева
Корректоры А. А. Гинзбург и Л. Я. Комм

ИБ № 20196

Сдано в набор 30.01.81. Подписано к печати 08.07.81.
М-22348. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 10.5+
+^{1/4} печ. л. вкл.)=10.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.39.
Тираж 20050. Изд. 7983. Тип. зак. № 92. Цена 80 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12